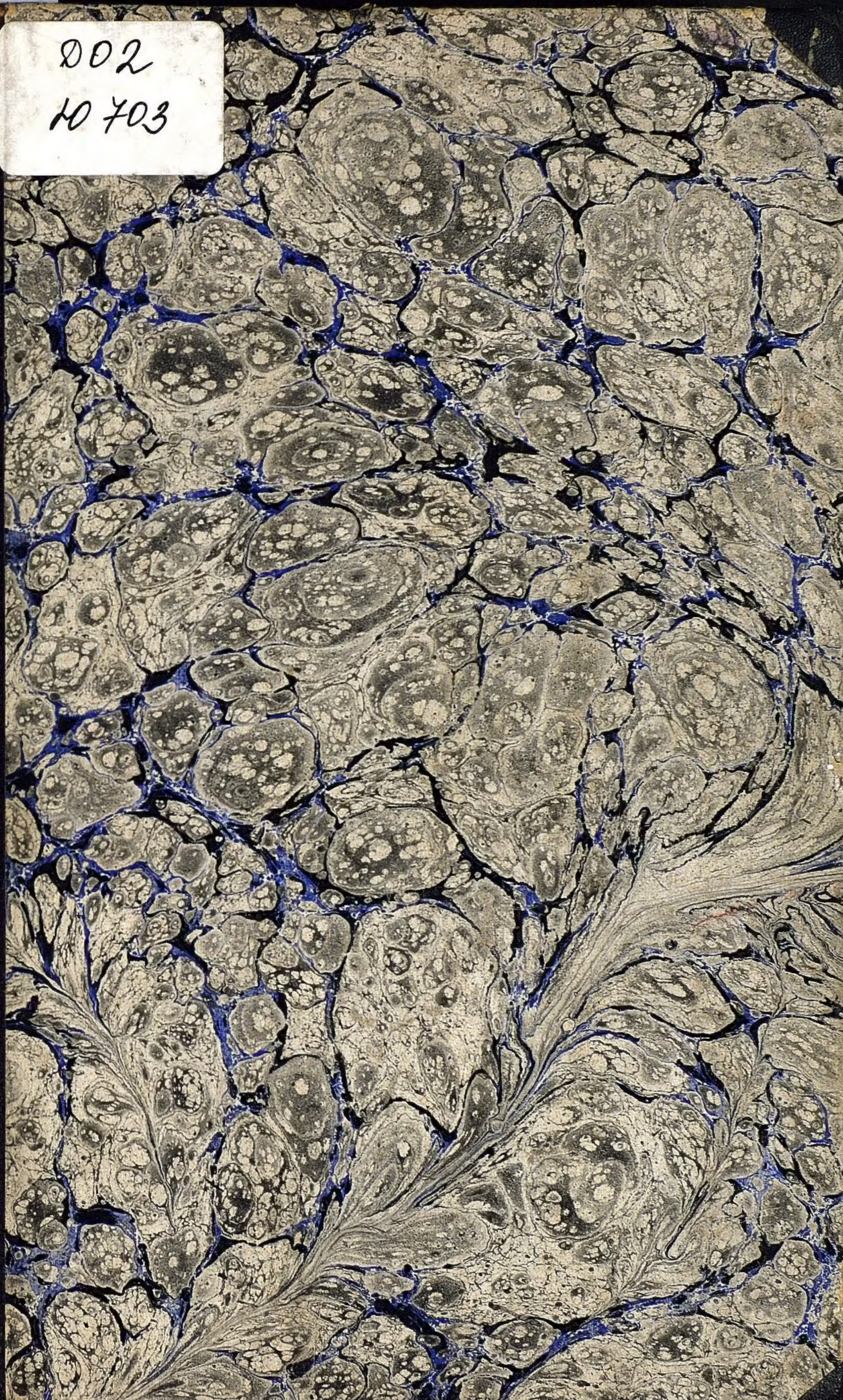

ЮРИДИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества

1889

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

ТРЕТЬЯГО ДЕСЯТИЛѢТІЯ

ТОМЪ III

КНИГА ТРЕТЬЯ

(Ноябрь)

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5
1889

ДВА ВЗГЛЯДА НА ПРОЦЕССЪ ПРАВООБРАЗОВАНІЯ *).

Вопросъ о роли личности въ исторіи принадлежитъ къ числу наиболѣе спорныхъ и наименѣе разработанныхъ въ теоріи историческаго процесса. Спорность его зависитъ, между прочимъ, отъ того, что онъ, какъ намъ кажется, никогда не имѣлъ надлежащей постановки, безъ чего и разработка его не могла сдѣлать никакихъ почти успѣховъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ поставленъ. И ставился онъ, и рѣшался въ слишкомъ общей формѣ, тогда какъ прежде всего онъ нуждался въ анализѣ и детальномъ изслѣдованіи. Спрашивали о роли личности въ исторіи, не опредѣляя точнѣе, берется ли при этомъ исторія событій (прагматическая) или исторія общественныхъ состояній (культурная), а когда хотѣли узнать, какую роль играетъ личность въ эволюціи того, что мы можемъ назвать культурою въ широкомъ смыслѣ этого слова, то брали культуру цѣликомъ, не разлагая ее на отдѣльные элементы, развитіе коихъ совершается по разнымъ законамъ. Обращаясь къ спеціальнымъ исторіямъ отдѣльныхъ элементовъ культуры, какова религія, философія, наука, искусство и т. д., мы отъ нихъ не получимъ никакой помощи при рѣшеніи нашего вопроса: *въ спеціальныхъ исторіяхъ онъ не ставился.* Исключеніе составляютъ лишь исторія литературы и исторія права. Работая надъ общей теоріей историческаго процесса, мы подвергли

*) Статья эта представляетъ изъ себя часть одной главы изъ печатающагося сочиненія «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи», первый выпускъ котораго недавно появился въ свѣтъ. Авторъ рѣшаетъ поставленный имъ здѣсь вопросъ въ связи съ общей теоріей историческаго процесса, которой посвящено названное сочиненіе, въ неизданной пока части коего и долженъ найти мѣсто настоящій отрывокъ, подлежащій еще передѣлкамъ.

разсмотрѣнію вопросъ о роли личнаго начала въ развитіи литературы, посвятивъ этому цѣлую книгу подъ заглавіемъ «Литературная эволюція на западѣ». Не столь подробно, какъ тамъ, мы разсмотримъ здѣсь тотъ же вопросъ по отношенію къ эволюціи юридической въ формѣ сопоставленія двухъ взглядовъ на процессъ правообразованія, причемъ отведемъ довольно широкое мѣсто воззрѣніямъ русскихъ юристовъ, высказывавшихся по этому предмету.

I. Начало исторической школы. Савиньи.

По вопросу о развитіи права въ юридической литературѣ существуютъ различныя воззрѣнія, которыя проф. Коркуновъ въ своихъ недавнихъ «Лекціяхъ по общей теоріи права» сводитъ къ тремъ основнымъ категоріямъ. «Одни, говоритъ онъ, не признаютъ закономѣрнаго развитія права и считаютъ совершающіяся съ теченіемъ времени измѣненія права случайными и произвольными. Это—точка зрѣнія старыхъ теорій, предшествующихъ появленію исторической школы. Они могутъ теперь считаться уже окончательно отвергнутыми. Идея закономѣрнаго историческаго развитія успѣла завоевать себѣ настолько общее признаніе, что ученіе о произвольномъ или случайномъ характерѣ историческихъ измѣненій въ правѣ едва ли найдетъ себѣ сторонниковъ въ современной литературѣ». Другимъ воззрѣніемъ, «еще и теперь сохраняющимъ свое значеніе», онъ называетъ воззрѣніе исторической школы, которое намъ и предстоитъ разсмотрѣть въ этой статьѣ. Наконецъ, третьимъ воззрѣніемъ г. Коркуновъ признаетъ то, которое было высказано Рудольфомъ фонъ Іерингомъ, видящимъ въ развитіи права плодъ борьбы разнообразныхъ общественныхъ интересовъ. Разъ та точка зрѣнія, которая господствовала къ юриспруденціи до возникновенія исторической школы, совершенно устранена принятіемъ въ наукѣ идеи закономѣрности всего, совершающагося въ мірѣ явленій, современному историку права и теоретику исторіи остается выбирать между двумя воззрѣніями, изъ коихъ одно и есть воззрѣніе исторической школы, а другое соединено съ именемъ Іеринга. Г. Коркуновъ, ссылкой на «Лекціи» котораго мы начали этотъ параграфъ, главное вниманіе обращаетъ на ту противоположность между обоими взглядами, что по одному право подвержено процессу естественнаго роста (Naturwüchsigkeit), совершающагося безъ всякой борьбы, тогда какъ другой именно настаиваетъ на томъ, что въ обществѣ дѣйствуетъ «борьба за право». Мы позволимъ себѣ свести эту противоположность къ другой, имѣ-

ющей болѣе общее значеніе: вопросъ въ томъ, какъ мы должны смотрѣть на историческій процессъ вообще, должны ли видѣть въ немъ безличную эволюцію или процессъ личнаго дѣйствія. Для насъ ученіе исторической школы о правообразованіи есть одно изъ частныхъ примѣненій къ исторіи принципа безличной эволюціи, какъ въ ученіи автора «Борьба за право» мы должны видѣть, наоборотъ, приложеніе къ исторіи права идеи личнаго дѣйствія. Съ этой точки зрѣнія мы и будемъ разсматривать оба взгляда, чѣмъ опредѣляются и тѣ стороны исторической школы и ученія Іеринга, которыхъ мы коснемся.

По только что указанной причинѣ мы не станемъ здѣсь говорить объ общемъ значеніи исторической школы въ развитіи научнаго правовѣдѣнія въ XIX вѣкѣ и даже въ развитіи исторической наукѣ вообще. Достаточно будетъ указать на то, какъ самъ Савиньи, основатель школы, понималъ различіе между созданнымъ имъ направленіемъ и старымъ, на смѣну коего оно пришло. Приступая къ изданію журнала «Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft» и начертывая его программу, онъ высказалъ свой взглядъ на этотъ счетъ. Онъ сталъ именно издавать журналъ, чтобы «нѣмецкіе юристы постигли, наконецъ, къ какой каждый изъ нихъ принадлежитъ партіи, что чаще всего для нихъ самихъ остается скрытымъ. Есть двѣ школы; одна изъ нихъ достаточно опредѣленно обозначается наименованіемъ исторической. Другую Савиньи затрудняется назвать опредѣленнымъ именемъ, потому что тамъ сходятся и послѣдователи такъ называемаго естественнаго права, и просто люди здраваго смысла, и, наконецъ, философы. За отсутствіемъ единаго положительнаго признака Савиньи именуетъ такую школу неисторической. Ей даетъ единство только противоположеніе съ первою.... Общій вопросъ, ихъ раздѣляющій, есть такого рода: въ какомъ отношеніи находится прошлое къ настоящему, возникающееее къ сущему (das Werden zum Sein)? На этотъ счетъ одни учатъ, что каждая эпоха сама создаетъ себѣ свое бытіе, свой міръ, удачно или нѣтъ, по мѣрѣ силъ своихъ и своего разумѣнія. Въ этихъ заботахъ можетъ оказаться неизлишнею и оглядка въ прошлое, ибо оттуда возможно извлечь поученіе о томъ, какъ дѣла стояли у предковъ. Исторія станетъ такимъ образомъ сборникомъ морально-политическихъ примѣровъ. Но такія оглядки въ прошлое составляютъ лишь одно изъ вспомогательныхъ средствъ, и для генія, напр., они вовсе не обязательны. По ученію другихъ, наоборотъ, нѣтъ вовсе одинокаго и обособленнаго существованія, и все то, что могло бы быть разсматриваемо какъ единственное, съ

другой точки зрѣнія является частью нѣкотораго высшаго цѣлаго. Такимъ образомъ, намъ надлежитъ мыслить отдѣльнаго человѣка необходимо какъ члена семьи народа, государства; всякую эпоху въ жизни народа—какъ продолженіе и развитіе предшествующихъ эпохъ. Иной взглядъ —односторонность, ошибка, ошибка вредная.... Разъ это такъ, тогда всякая эпоха не приноситъ съ собою, произвольно и для себя весь свой міръ. Тогда новое время должно признать нѣчто данное; это будетъ нѣчто необходимое, ибо оно не зависитъ отъ настоящаго, и нѣчто свободное, ибо оно не исходитъ отъ произвола другаго (какъ приказъ господина его рабу). Его источникъ лежитъ въ высшей природѣ народа, какъ постоянно образующагося, постоянно развивающагося цѣлаго». Въ этой мысли, дѣйствительно, заключался цѣлый переворотъ, имѣвшій весьма благотворное значеніе для исторической науки. Но эта была только самая общая мысль, нуждавшаяся въ дальнѣйшемъ развитіи, и отъ того, какое развитіе она должна была получить, зависѣло, насколько ученіе исторической школы о процессѣ правообразованія соотвѣтствовало сущности дѣла и въ подробностяхъ. Самъ Савиньи далъ только общіе контуры доктринѣ, выставилъ нѣсколько научныхъ понятій, коимъ не потрудился дать точности и опредѣленности, въ чемъ убѣдится каждый, прочитавъ его небольшую книжку, бывшую, такъ сказать, первымъ научнымъ трудомъ въ духѣ новой школы.

Намъ здѣсь нѣтъ надобности распространяться о томъ практическомъ вопросѣ, который вызвалъ со стороны Савиньи это сочиненіе, озаглавленное «О призваніи нашего времени къ законодательству и правовѣдѣнію», такъ какъ для насъ важны только общія отвлеченныя, теоретическія соображенія родоначальника исторической школы о происхожденіи права. Послѣднему вопросу онъ посвящаетъ въ книжкѣ всего одну небольшую главу, такъ и обозначенную «Entstehung des positiven Rechts». Савиньи подвергаетъ здѣсь анализу «общее мнѣніе» по этому предмету, «которое издавна господствовало у большинства нѣмецкихъ юристовъ»: по ихъ представленію, говоритъ онъ, всякое право возникаетъ изъ законовъ, т. е. прямыхъ предписаній верховной власти, причемъ содержаніе послѣднихъ случайно и измѣнчиво, такъ что завтрашнее право можетъ быть совершенно не похоже на сегодняшнее. Авторъ спрашиваетъ прежде всего, какъ же въ дѣйствительности развилось право у народовъ благороднаго происхожденія. Отвѣчая на этотъ вопросъ, онъ указываетъ на то, что въ самомъ началѣ ихъ достовѣрной исторіи мы уже находимъ у нихъ гражданское право (das bürgerliche Recht) съ опредѣ-

леннымъ, свойственнымъ народу характеромъ, каковымъ бываютъ равнымъ образомъ запечатлѣны ихъ языкъ, нравы, устройство. «То, говоритъ онъ, что соединяетъ ихъ въ одно цѣлое, есть *общее убѣжденіе народа, общее чувство внутренней необходимости*, исключающее всякую мысль о случайномъ и произвольномъ происхожденіи». Савиньи отказывается, однако, объяснить историческимъ путемъ (auf geschichtlichem Wege), какъ возникли эти явленія народной жизни, не идя далѣе періода, «въ который, по его выраженію, право *живетъ подобно языку въ сознаніи народа*», т. е. «когда правила частнаго права *принадлежатъ къ предметамъ народнаго вѣрованія*». Такимъ образомъ, общее народное право—убѣжденіе является у Савиньи исконнымъ фактомъ, происхожденія коего онъ не объясняетъ, и это то воззрѣніе легло въ основу всего ученія исторической школы. Но, замѣчаетъ онъ далѣе, «эти духовныя функціи нуждаются къ тѣлесномъ бытіи, дабы получить прочность», и таковое имъ сообщаютъ «символическія дѣйствія во всѣхъ случаяхъ, когда возникаютъ или прекращаются правовыя отношенія». Вотъ и все: внутреннее убѣжденіе всего народа и символическая обрядность характеризуютъ первобытное право, «органически соединяющееся съ сущностью и характеромъ народа». Эта органическая связь, продолжаетъ Савиньи, сохраняется и въ послѣдующія времена подобно той, которая связываетъ языкъ съ говорящимъ на немъ народомъ. Въ исторіи права онъ, тѣмъ не менѣе, не признаетъ «ни единаго момента абсолютной неподвижности», говоря же объ измѣненіяхъ права, онъ замѣчаетъ, что его движеніе или развитіе подчинено «закону внутренней необходимости». Ссылка на послѣдній не сопровождается, однако, опредѣленіемъ того, что же слѣдуетъ разумѣть подъ такимъ «Gesetz innerer Nothwendigkeit:» понятіе это слишкомъ обще для того, чтобы безъ дальнѣйшихъ объясненій служить въ качествѣ надежнаго научнаго термина. Эта неопредѣленность, дававшая потомъ поводъ дѣлать невѣрные выводы изъ идеи закономѣрности развитія, была весьма естественна въ ту эпоху, когда только что чуть не впервые подвергалось критикѣ воззрѣніе, видѣвшее въ исторіи права лишь совершенно случайную послѣдовательность совершенно произвольно издающихся государственною властью законовъ. Шагомъ къ болѣе научному пониманію этой исторіи «было именно признаніе того, что право развивается вмѣстѣ съ народомъ (das Recht wächst mit dem Volke fort, bildet sich aus mit diesem), хотя тутъ же и было прибавлено въ духѣ, тогдашней идеалистической философіи, что «der eigentliche Sitz des Rechts das gemeinsame Bewusstsein des Volkes sei». Это

общее народное правосознаніе, какъ научное понятіе, тоже не всегда служило уясненію процесса правообразованія. Правда, Савиньи понялъ,—и прямо высказалъ это,—что съ теченіемъ времени такое правосознаніе сосредоточивается только въ одной группѣ народа, но его послѣдователи не дали надлежащаго развитія этой оговоркѣ. «Съ развитіемъ культуры, говоритъ онъ именно, все болѣе и болѣе разъединяются дѣятельности народа, и *что прежде дѣлалось сообща, переходитъ къ отдѣльнымъ классамъ*. Таковымъ обособленнымъ сословіемъ являются юристы.... *Какъ прежде*, продолжаетъ онъ, *право жило въ сознаніи цѣлаго народа, такъ теперь оно начинаетъ принадлежать сознанію юристовъ*, коими народъ нынѣ и представляется въ этой функціи». (Но, могли бы мы тутъ замѣтить, и въ первобытномъ обществѣ не всѣ въ одинаковой степени были знатоками господствующаго обычая). Съ указаннаго момента обособленія юристовъ, говоритъ Савиньи далѣе, право начинаетъ вести «двойственную жизнь, именно какъ часть общей жизни народа, чѣмъ оно не перестаетъ быть, и какъ особая наука въ рукахъ юристовъ». При этомъ онъ забываетъ еще прибавить, что разъединеніе происходитъ и въ другомъ отношеніи, когда объективный юридическій порядокъ начинаетъ существовать самъ по себѣ, а субъективное правосознаніе само по себѣ. Въ силу такого общаго взгляда, Савиньи видитъ возможность объяснить всѣ позднѣйшія явленія въ исторіи права изъ совокупнаго дѣйствія указаннаго имъ «двойственнаго принципа жизни», хотя и здѣсь онъ не опредѣляетъ способа объясненія этихъ позднѣйшихъ явленій болѣе точнымъ образомъ. Конечный выводъ всего этого разсужденія, по словамъ самого же его автора, тотъ, «что всякое право возникаетъ по способу обычнаго права, т. е. что *оно производится прежде всего нравами и народными вѣрованіями, затѣмъ уже юриспруденціей, такимъ образомъ вездѣ внутренними, незамѣтно дѣйствующими силами, а не по произволу какого-либо законодателя*». Этими словами Савиньи какъ бы указывалъ своимъ послѣдователямъ, гдѣ они должны изучать тайну правообразованія: только что приведенное мѣсто и сдѣлалось исходнымъ пунктомъ ученія Пухты въ духѣ теоріи безличной эволюціи, хотя основатель исторической школы не давалъ своему главному послѣдователю никакого права отдѣлять процесса праворазвитія отъ реальныхъ процессовъ, совершающихся въ жизни людей (Das Recht hat kein Dasein für sich, говорилъ онъ, sein Wesen vielmehr ist das Leben der Menschen selbst, von einer besonderen Seite angesehen). Общій свой взглядъ о развитіи права главнымъ образомъ по типу права обычнаго Савиньи прило-

жилъ, между прочимъ, и къ римскому праву, по крайней мѣрѣ, къ тому его періоду, когда «оно еще, по его словамъ, было въ живомъ состояніи»,—хотя послѣднее выраженіе опять-таки требовало бы болѣе обстоятельнаго объясненія, что же слѣдуетъ подъ этимъ понимать. Съ точки зрѣнія Савиньи мы должны были бы признать, что всѣ эпохи, пока народъ живетъ, одинаковы благопріятны для правообразованія, но Пухта держится иного мнѣнія, находя противоположное своему ошибочнымъ, хотя, напримѣръ, бѣда Германіи въ XVIII в., по его же представленію, заключалась въ отсутствіи отдѣльныхъ личностей, которыя могли бы двигать дѣло впередъ, въ отсутствіи, какъ самъ онъ говоритъ, «великихъ юристовъ».

Уже не разъ замѣчалось (и въ нашей литературѣ), что идеи Савиньи страдаютъ неопредѣленностью. «Что разумѣетъ Савиньи, спрашиваетъ, наприм., проф. Сергѣевичъ, подъ народнымъ сознаніемъ», ...«готовый ли фондъ правовыхъ идей, изначала заложенныхъ въ сознаніе народа», или же «исторически образовавшееся сознаніе, сознаніе, сложившееся въ силу всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась жизнь народа»?... «Къ сожалѣнію, говоритъ проф. Сергѣевичъ, въ своей книгѣ о задачѣ и методѣ государственныхъ наукъ, онъ нигдѣ не высказывается прямо и съ желательною ясностью по этому существенному вопросу». Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ указываетъ на то, что у самого Савиньи и вопросъ о внутренней необходимости остается неразъясненнымъ». На то же указываетъ и проф. Муромцевъ въ своей работѣ «Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи». «Правильной научной реализаціи основныхъ идей у Савиньи мы не находимъ, говоритъ онъ. Хотя знаменитому основателю исторической школы приходилось неоднократно повторять свои коренныя воззрѣнія, онъ ничего не сдѣлалъ для дальнѣйшей ихъ научной разработки,.... и тѣмъ сталъ причастенъ образованію недоразумѣній, которыя извратили позднѣе основное положеніе исторической школы». Есть, однако, основаніе полагать, что народное сознаніе Савиньи понималъ не въ смыслѣ готоваго фонда правовыхъ идей, изначала заложенныхъ въ сознаніе народа, къ чему былъ такъ склоненъ Пухта, взявшій на себя задачу осуществить дальнѣйшее развитіе идей Савиньи.

II. Ученіе Пухты объ обычномъ правѣ.

Сочиненіе Пухты объ обычномъ правѣ, сдѣлалось вообще достояніемъ нѣмецкой науки, а изъ нея переходило и къ намъ. Въ этомъ

сочиненіи знаменитый юристъ проводилъ тотъ взглядъ на обычное право, что происходитъ оно не изъ привычки всѣхъ поступать извѣстнымъ образомъ, а составляетъ непосредственное выраженіе народно-правоваго убѣжденія, по отношенію къ коему и самая эта привычка служитъ лишь внѣшнимъ проявленіемъ. Право, конечно, создается народомъ, но эта дѣятельность народа для Пухты не есть дѣятельность его членовъ ни въ ихъ отдѣльности, ни въ ихъ совокупности: народное правосознаніе имѣетъ, по его представленію, основу въ нѣкоторомъ естественномъ единствѣ смысла (Sinnesverwandschaft) народа, а потому оно, какъ всецѣло данное въ народномъ духѣ, независимо отъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, предшествуя поступкамъ, въ коихъ обнаруживаются обычаи, и рѣзко отличается отъ убѣжденій отдѣльныхъ членовъ народа. Такъ какъ ученіе Пухты представляетъ изъ себя крайнее выраженіе того направленія въ юриспруденціи, которое отрицаетъ за отдѣльными личностями всякую роль въ творчествѣ и развитіи права, то мы и остановимся нѣсколько подробнѣе на его разсмотрѣніи.

Въ сочиненіи Пухты для насъ важна вторая глава второй книги— Begriff des Gewohnheitsrecht. Первый § этой главы трактуетъ о «происхожденіи права вообще». Отвергая на какой бы то ни было ступени совмѣстной жизни возможность существованія изолированныхъ людей, Пухта вмѣстѣ съ тѣмъ устраняетъ и мысль о томъ, чтобы можно было отнести право къ факту простаго сосуществованія многихъ людей безъ естественнаго назначенія и безъ *внутренняго вліянія на единицы со стороны этого самаго сосуществованія.* Исходнымъ пунктомъ теоріи самого Пухты является понятіе народа, имѣющее естественную основу въ общемъ происхожденіи, въ тѣлесномъ и духовномъ родствѣ: народъ, какъ естественное цѣлое, можетъ возникать только «не искусственнымъ путемъ и не по свободному рѣшенію и хотѣнію», его членамъ Пухта приписываетъ особую «имъ присущую, никогда не находящуюся въ покоѣ силу развитія», и сообщающую имъ естественное единство и родство. Но, по его словамъ, къ этой естественной связи присоединяется другая, извѣстное устройство (die Verfassung), дѣлающая изъ народа гражданское общество, государство. «Государства, говоритъ онъ, уже не суть естественныя соединенія, каковы семейства и народы, но продуктъ человѣческой воли.... Государство возникаетъ изъ произвола (entsteht durch den Willen), именно устройство есть всеобщая воля относительно такихъ предметовъ, которые составляютъ сущность государства. Но эта всеобщая воля, продолжаетъ Пухта, непосредственно

и первоначально не можетъ имѣть другаго источника, кромѣ естественнаго согласія (Uebereinstimmung); иная основа, а не эта естественная, какъ, напр., рефлексія, не можетъ быть первой; а это естественное согласіе воли есть какъ разъ то, которое существуетъ между членами одного народа въ силу ихъ духовнаго родства. Такимъ образомъ, государство есть нѣчто непосредственно вызванное волей, но воля эта, а вмѣстѣ съ нею посредственно и государство, коренится въ естественномъ, національномъ соединеніи». Сущность самого духовнаго родства Пухта опредѣляетъ, какъ «родство способностей и убѣжденій». Какъ же дѣйствуетъ народъ, взятый въ такомъ смыслѣ? *Дѣйствіе* (eine Handlung), говоритъ Пухта, *можетъ совершаться только отдѣльнымъ субъектомъ, а не цѣлымъ*... Собственно не можетъ быть рѣчи о рѣшеніи, принятомъ цѣлымъ, состоящимъ изъ многихъ лицъ». Поэтому онъ объявляетъ простой фикціей отождествленіе рѣшенія, принятаго единогласно или большинствомъ, съ рѣшеніемъ цѣлаго, но именно эту фикцію онъ и считаетъ непримѣнимою къ естественному цѣлому. «*Дѣятельность народа* въ естественномъ смыслѣ,—заключаетъ онъ эту часть своего разсужденія,—*можетъ состоять только въ невидимомъ, исходящемъ изъ его понятія, т. е. изъ указаннаго родства, вліяніи на отдѣльныхъ членовъ народа*».

Къ числу дѣятельностей народа «или, что то же, различныхъ направленій народнаго духа» Пухта относитъ и право. Національность оказываетъ вліяніе на умственныя способности человѣка вообще, между прочимъ, и на способность познаванія, въ особенности же на нравственную сторону человѣка. «Есть, говоритъ авторъ, воззрѣнія и убѣжденія, которыя принадлежатъ отдѣльной личности не какъ таковой, а какъ члену народа, и которыя на этомъ естественномъ основаніи общи ей съ остальными членами этого народа. А это обозначаетъ не что иное, какъ то, что *источникъ этихъ воззрѣній заключается не въ единичномъ, но въ народномъ духѣ* (Volksgeist), *что такимъ образомъ эти убѣжденія суть дѣятельность народа*». Указавъ на существованіе такихъ убѣжденій правоваго характера, Пухта продолжаетъ такъ. «Право... есть результатъ народной дѣятельности и притомъ такой, что отдѣльная личность оказывается способною къ правовому убѣжденію, не какъ таковая или не просто какъ членъ семьи, а какъ членъ народа, такъ что эта дѣятельность принадлежитъ исключительно народу въ противоположность къ указаннымъ состояніямъ». Выставивъ такой тезисъ, Пухта отказывается отъ спора съ тѣми, которые иначе представляютъ себѣ *первоначальное*

(подчеркнуто у автора) происхожденіе общаго убѣжденія, т. е. не хотятъ признать, что источникъ его въ «естественномъ родствѣ духа». Въ дальнѣйшемъ онъ развиваетъ свое основное положеніе.

«Право,—продолжаемъ изложеніе взгляда Пухты, его собственными словами,—право покоется на общемъ убѣжденіи людей... Въ правѣ есть двѣ стороны, которыя не могутъ быть отдѣлены одна отъ другой безъ разрушенія самой идеи права. Одна состоитъ въ убѣжденіи о томъ, что есть право, другая—въ осуществленіи этого убѣжденія... Соотвѣтствующая праву охрана права возможна только посредствомъ органа общей воли, т. е. посредствомъ извѣстнаго устройства и въ государствѣ. Поэтому только та воля, которая производитъ это устройство, можетъ быть также и источникомъ права, но эта общая воля есть первоначально воля народа. Но, связывая идеи права и государства, Пухта оспариваетъ тѣмъ не менѣе мнѣніе, по которому производителемъ (Erzeuger) права является государство: и право, и государство суть произведенія народнаго духа, такъ что одно не могло породить другое. Въ слѣдующемъ § (объ источникахъ права) Пухта дѣлаетъ шагъ еще далѣе, именно разсматриваетъ, какъ самъ онъ выражается, «способъ и образъ, какими народное убѣжденіе производитъ право, пути, по коимъ оно исходитъ изъ народнаго убѣжденія, формы его возникновенія». Источниковъ права онъ признаетъ три, ставя на первомъ мѣстѣ «непосредственно самый народъ», т. е. «естественное согласіе убѣжденія, какъ оно непосредственно дается самою сущностью народа». Это непосредственное народное убѣжденіе проявляется, по словамъ Пухты, 1) «въ сознаніи членовъ, а потому естественно также 2) въ ихъ дѣйствіяхъ, которыя происходятъ по этому убѣжденію и такимъ образомъ суть примѣненіе права. Конечно, замѣчаетъ онъ, такія дѣйствія, разсматриваемыя сами по себѣ, суть *дѣйствія отдѣльныхъ личностей, ихъ совершающихъ, но въ основѣ ихъ въ то же время лежитъ нѣчто общее, которое именно въ томъ и состоитъ, что оно вытекаетъ изъ общаго убѣжденія, изъ духа народа*». Это—право нравовъ (das Recht der Sitte) или обычное право. Вторымъ источникомъ права авторъ называетъ законодательство: государственная власть, какъ представитель народа, «должна, во первыхъ, узнать общую волю, а во вторыхъ, ее осуществить» (hat den allgemeinen Willen erstens zu erkennen, und zweitens ins Werk zu setzen). Впрочемъ, законодательную дѣятельность Пухта считаетъ болѣе формальною сравнительно съ двумя другими источниками права, такъ какъ у законодателя нѣтъ собственно ему принадлежащаго правоваго сознанія—свое содержаніе законы получаютъ либо непосредственно

отъ народа, либо отъ юристовъ, хотя законодатель, съ другой стороны, можетъ санкціонировать «такое воззрѣніе народа или юристовъ, которое еще не выработалось въ твердое убѣжденіе, въ право или *безъ помощи законодателя, быть можетъ, никогда бы и не выработалось бы*». Третій источникъ права—наука. «Во всѣ времена, говоритъ Пухта, бываютъ въ народѣ *лица, которыя особенно свѣдущи въ правѣ* или по своему положенію, или по своимъ способностямъ. Однако, дѣятельностью этихъ лицъ, какъ единицъ, не производится никакого права: она скорѣе въ этомъ отношеніи чисто рецептивная, а сами они суть только носители (собственно сказано—Niederlagen) существующаго права. Но въ извѣстное время возникаетъ собственно научное изученіе права. Наука-то и есть нѣчто продуктивное: она создаетъ изъ отдѣльныхъ правовыхъ положеній органическое цѣлое и вноситъ измѣненіе въ содержаніе права. Все «различіе источниковъ права, говоритъ далѣе Пухта, вытекаетъ изъ того, что при возникновеніи права народъ дѣйствуетъ (ist thätig) частью непосредственно (и народъ, какъ таковой, *не можетъ проявлять свою дѣятельность, какъ чрезъ естественное вліяніе своего духа на своихъ членовъ*), частью посредственно, *чрезъ представителей, замѣщающихъ его при правообразованіи*, чрезъ законодателей и юристовъ». Право, непосредственно создаваемое самимъ народомъ, и есть обычное право, ученіе о которомъ Пухта сводитъ къ слѣдующимъ тремъ тезисамъ: 1) «обычное право исходитъ изъ народа въ естественномъ, выше установленномъ значеніи слова; 2) его отличительный признакъ (такъ какъ первый признакъ присущъ всякому праву) тотъ, что оно непосредственно происходитъ отъ народа; 3) оно существуетъ въ нравахъ народа». Слѣдующіе три §§, изъ коихъ и состоитъ остальная часть разбираемой главы, будучи обозначены заголовками: «народъ», «обычное право и право юристовъ» и «обычай»,—заключаютъ въ себѣ дальнѣйшее развитіе этихъ тезисовъ. Не слѣдя уже такъ подробно за ходомъ мыслей Пухты, мы остановимся теперь только на тѣхъ мѣстахъ въ этихъ параграфахъ, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ нашему предмету.

Въ параграфѣ, озаглавленномъ «das Volk», между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе разборъ мнѣнія, приписывающаго происхожденіе обычнаго права отдѣльнымъ личностямъ. «Среди юристовъ, говоритъ Пухта, господствуетъ скорѣе молчаливое, нежели опредѣленно высказываемое воззрѣніе, что *обычное право ведетъ свое начало отъ отдѣльныхъ личностей*. Это заблужденіе порождается другимъ, именно мнѣніемъ, что *право возникаетъ чрезъ обычай* (die

Sitte),... *причемъ подъ обычаемъ разумѣютъ привычки* (die Gewohnheiten) *отдѣльныхъ лицъ*. Но, оспариваетъ Пухта такой взглядъ, *посредствомъ единицъ, какъ таковыхъ, не можетъ возникнуть никакое право*, ни обычное, ни законное, ни юридическое. Ибо убѣжденіе отдѣльной личности не составляетъ никакого права, но разъ оно есть общее убѣжденіе, то эта общность, которою производится право, происходитъ изъ соединенія, къ коимъ онѣ (т. е. отдѣльныя личности) существуютъ не какъ простыя единицы, т. е. изъ національнаго или государственнаго соединенія». Отдѣльныя личности только тогда могли бы производить право, если бы оно возникало изъ договора, но самую мысль объ этомъ Пухта отвергаетъ. Что для насъ особенно интересно, Пухта разбираетъ здѣсь мнѣніе А. В. фонъ Шлегеля о сагѣ, которая, какъ выражается послѣдній, «была общею собственностью временъ и народовъ, но не ихъ общимъ произведеніемъ», такъ какъ то, что приписывается эпохамъ и народамъ, *«разрѣшается всегда при болѣе близкомъ разсматриваніи въ свойства и дѣйствія отдѣльныхъ лицъ»*. Такъ, замѣчаетъ Пухта, можно было бы говорить и относительно права, будто и оно, будучи общею собственностью народа, создается не всѣмъ народомъ, проявляющимъ только рецептивную дѣятельность и совсѣмъ лишеннымъ дѣятельности продуктивной, будто народъ съ полною вѣрою принимаетъ за право то, что ему таковымъ представляютъ его короли или судьи, которые такимъ образомъ яко бы и производятъ право. Такое мнѣніе онъ называетъ поверхностнымъ и тривіальнымъ. «*Чисто рецептивная дѣятельность*, аргументируетъ онъ, *есть нѣчто немыслимое*, а потому отрицать у народа дѣятельность продуктивную значило бы уничтожить самое понятіе народа». Пухта называетъ даже безсмысленнымъ (sinnlos) приписывать народамъ собственность на ихъ сагу, на ихъ право, отрицая въ то же время ихъ произведеніе народнымъ духомъ, какъ это сдѣлалъ Шлегель. Главный аргументъ знаменитаго юриста, однако, тотъ, что «идея права относится къ людскому общежитію, а потому отдѣльныя лица могутъ имѣть правовое убѣжденіе не сами по себѣ, но именно въ этомъ сожительствѣ». Они «составляютъ органическое цѣлое, члены котораго образуютъ и духомъ котораго потому проникаются», вслѣдствіе чего они и имѣютъ правовое убѣжденіе, «какъ члены народа и лишь постольку, поскольку суть ими». Въ концѣ концовъ, говоритъ Пухта, «право имѣетъ свой источникъ не въ убѣжденіи отдѣльныхъ лицъ, а скорѣе послѣднее имѣетъ источникъ въ народномъ духѣ».

Какое же значеніе въ такомъ случаѣ приписываетъ Пухта праву

юристовъ, которое, какъ мы видѣли, онъ ставитъ на одномъ уровнѣ съ обычнымъ правомъ въ томъ отношеніи, что лишь народъ и юристы создаютъ содержаніе права, тогда какъ функція законодателя лишь санкціонировать народноправовыя или ученоюридическія воззрѣнія? Обоимъ правамъ онъ приписываетъ различные источники. Самое важное въ его взглядѣ на этотъ предметъ сводится къ слѣдующему. «Научная дѣятельность не есть національная; *научныя убѣжденія не суть такія, которыя человѣкъ имѣетъ, какъ членъ народа, а такія, которыя онъ имѣетъ, какъ отдѣльная личность;* слѣдовательно, здѣсь непосредственно продуктивное не народный духъ. Такимъ образомъ, если наука есть источникъ права, то онъ совершенно отличенъ отъ непосредственно народнаго убѣжденія и имѣетъ собственное значеніе. Но наука права имѣетъ національный предметъ, а потому она только тогда становится наукой, когда разсматриваетъ этотъ предметъ, какъ національный, т. е. въ его истинности. Лишь постольку можетъ она имѣть ту продуктивную силу, которая принадлежитъ ей, какъ истинной наукѣ. Поэтому юристы должны дѣйствовать, какъ представители народа, если они хотятъ оказывать вліяніе на право», такъ что послѣднее создается всетаки народомъ, хотя въ данномъ случаѣ и непосредственно.

Въ послѣднемъ параграфѣ разсматриваемой главы Пухта доказываетъ, что правовыя убѣжденія народа заключены въ его обычаяхъ, и что не обычаи порождаютъ право, а наоборотъ, сами имъ порождаются. Главныя мысли этого § заслуживаютъ также вниманія, такъ какъ здѣсь Пухта съ своей точки зрѣнія объясняетъ происхожденіе обычая. Словами «обычай» и «привычка» характеризуется дѣйствіе, «возвращающееся при одинаковыхъ условіяхъ вслѣдствіе извѣстнаго, лежащаго въ его основѣ, внутренняго и молчаливаго опредѣленія воли», причемъ подъ привычкой разумѣется дѣйствіе единицы, какъ таковой, возвращающееся только вслѣдствіе того, что оно уже имѣло мѣсто при подобныхъ же обстоятельствахъ, тогда какъ обычай «имѣетъ основу не въ отдѣльной личности, какъ таковой, но въ убѣжденіи, общемъ ей съ другими и возникшемъ естественнымъ путемъ». Пухта потому считаетъ правовое сознаніе источникомъ обычая, что оно-то и есть то опредѣленіе воли, которое сообщаетъ дѣйствію предикатъ обычая,—и, кромѣ того, доказываетъ, что обычай не можетъ возникнуть изъ привычекъ: дѣйствіе превращается въ обычай въ силу лежащаго въ его основѣ убѣжденія, которое требуетъ повторенія, а не въ силу самого повторенія».

III. Критика ученія Пухты.

Ученіе Пухты подвергалось критикѣ, конечно, не одинъ разъ, между прочимъ, и въ русской литературѣ. Не имѣя ни надобности, ни времени повторять все, что говорилось противъ изложенныхъ воззрѣній Пухты разными представителями юридической науки, я ограничусь только нѣкоторыми замѣчаніями критиковъ, именно такими, которыя имѣютъ отношеніе къ нашему главному вопросу. Проф. Муромцевъ совершенно вѣрно отмѣчаетъ вліяніе шеллинговой философіи на Пухту, причемъ, по словамъ этого ученаго, Пухта пошелъ еще далѣе своего учителя и впалъ въ крайность, которой остерегся философъ. Шеллингъ училъ именно, что дѣйствія человѣчества въ исторіи составляютъ правильный ходъ, но тотъ нравственный порядокъ, о коемъ говорилъ онъ, еще не представлялся ему какъ нѣчто, существующее внѣ людей, такъ какъ, по Шеллингу, порядокъ этотъ составляетъ общее произведеніе всѣхъ умовъ, насколько всѣ посредственно или непосредственно желаютъ такого порядка, т. е. каждый порядокъ существуетъ, насколько всѣ думаютъ одинаково. «У Пухты, говоритъ проф. Муромцевъ, правовой порядокъ получаетъ самобытное существованіе, *народно-правовое убѣжденіе отличается рѣзко отъ убѣжденій отдѣльныхъ членовъ народа.* Поводомъ къ тому, продолжаетъ онъ, могло послужить извѣстное наблюденіе, удостовѣряющее, что дѣятельность общественнаго союза не можетъ быть сведена на сумму дѣятельностей членовъ его, отдѣльно взятыхъ,— что сила каждаго лица, вступившаго въ союзъ, своеобразно увеличивается вслѣдствіе соединенія съ силами другихъ лицъ. Но понятое и выраженное неправильно, оно привело къ совершенно ошибочному представленію о процессѣ образованія права. *Этотъ процессъ объективировался. Образованіе права происходитъ какъ бы внѣ отдѣльныхъ лицъ, въ недоступной имъ области олицетвореннаго народнаго духа.* Одну изъ логическихъ ошибокъ Пухты проф. Муромцевъ весьма основательно усматриваетъ въ томъ, что у него «*отрицаніе произвола въ процессѣ образованія права было передѣлано въ отрицаніе участія человѣческой дѣятельности*, а самый процессъ объективированъ. Этимъ путемъ, продолжаетъ нашъ критикъ, онъ вырывался окончательно изъ рукъ произвола; правовая дѣйствительность, сложившаяся въ силу исторической необходимости, обусловленной свойствами народнаго духа, становилась внѣ вліянія личной воли». Уже Безелеръ, одинъ изъ послѣдователей исторической школы, замѣтилъ,—приводимъ опять слова проф. Муромцева,—

«ускользнувшій отъ вниманія Пухты фактъ, что *народно-правовое убѣжденіе не дѣйствуетъ непосредственно чрезъ всю массу народа, но выражается и руководится въ различной степени различными индивидуумами.* Въ связи съ этимъ, не ограничивая значенія законодателя однимъ пассивнымъ воспроизведеніемъ обычнаго права, Безелеръ указываетъ на его творческую дѣятельность, не идущую въ разрѣзъ съ народнымъ убѣжденіемъ». Тѣмъ не менѣе, и у этого юриста господствуетъ, какъ и во всей школѣ, то, что можно назвать объективизмомъ въ смыслѣ «наклонности приписывать самобытное существованіе порядку, который на самомъ дѣлѣ созданъ умственною и нравственною дѣятельностью людей». Проф. Муромцевъ ставитъ этотъ объективизмъ въ связь съ тогдашними ученіями нѣмецкой философіи, и это совершенно вѣрно. «Извѣстная метафора, говоритъ онъ еще, сравнивала развитіе права съ развитіемъ зерна, которое будто бы «само собою» превращается въ широкоствольное дерево,—какъ будто бы дерево не обязано своимъ происхожденіемъ столько же окружающей его средѣ, сколько и зерну... Любой правовой институтъ развивается не самъ собою, но чрезъ взаимодѣйствіе многихъ факторовъ, изъ которыхъ главные надо искать внѣ области права». Общій приговоръ критика тотъ, что аналогіи, къ коимъ охотно прибѣгала историческая школа, «внесли въ юриспруденцію туманъ, покрывшій собою процессъ образованія права въ его деталяхъ и надолго скрывшій ихъ отъ изслѣдователя». Именно онъ находитъ, что, утверждая зависимость права отъ народной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ желая показать, какъ данное содержаніе юридическихъ нормъ обусловлено всѣмъ прошедшимъ ходомъ народной исторіи, писатели исторической школы удовлетворялись общимъ указаніемъ на народное убѣжденіе, тогда какъ именно требовалось изслѣдованіе факторовъ, образующихъ право,—изслѣдованіе, которое показало бы, какимъ путемъ жизнь даетъ содержаніе «правовому убѣжденію» и вытекающему изъ него праву, и, служа общимъ источникомъ того и другаго, связываетъ ихъ прошедшее съ настоящимъ». Поэтому-то «отъ науки, говоритъ проф. Муромцевъ, ускользнулъ процессъ образованія народнаго убѣжденія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отъ начала до того момента, когда убѣжденіе принимаетъ, наконецъ, видъ юридической нормы», и процессъ постепеннаго историческаго образованія обычнаго права игнорировался точно такъ же, какъ игнорировался тотъ же процессъ по отношенію къ самому народно-правовому убѣжденію; такъ какъ при объективизмѣ, предполагающемъ, что правовые принципы имѣютъ самобытное значеніе, умаляется

интересъ, который имѣетъ изслѣдованіе права, какъ совокупности результатовъ исторической дѣятельности человѣчества», то историческая школа и не замѣчала, что образованіе права *«всегда соединено, какъ съ непремѣннымъ условіемъ, съ извѣстною затратою психическаго труда»*. Критикуя историческую школу, авторъ «Образованія права» высказываетъ и собственныя воззрѣнія на предметъ, съ коими мы познакомимся въ своемъ мѣстѣ.

«Пухта, говоритъ другой русскій критикъ проф. Коркуновъ, объективируетъ, олицетворяетъ понятіе (народнаго духа). Онъ видитъ въ немъ какую-то силу, дѣйствующую въ организмѣ народной жизни и существующую *независимо отъ сознанія отдѣльныхъ членовъ народа*.... Народный духъ не производитъ изъ себя въ народной жизни, въ томъ числѣ и право, такъ что *отдѣльныя личности не имѣютъ никакого активнаго участія въ его образованіи;* не ихъ сознаніемъ обусловливается то или другое развитіе права, а свойствами народнаго духа. Поэтому, если Савиньи говоритъ еще объ образованіи права, какъ объ общемъ дѣлѣ (eine gemeinschaftliche That), то у Пухты идетъ рѣчь, напротивъ, *объ естественномъ саморазвитіи* (Naturwüchsigkeit) права». «Это ученіе исторической школы, говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ, представляется, конечно, крайнимъ преувеличеніемъ идеи закономѣрности историческаго развитія права. Возставая противъ признанія права продуктомъ личнаго произвола, *историческая школа естественно пришла къ совершенному отрицанію какого либо значенія личной воли въ развитіи права.* Къ этому присоединилась, еще усиливая это отрицательное отношеніе къ значенію человѣческой воли въ развитіи права, консервативная тенденція школы. Дѣло въ томъ, что историческое направленіе въ началѣ настоящаго столѣтія явилось прямой реакціей противъ революціонныхъ ученій, опиравшихся на раціоналистическія системы XVIII в.; *ученіе же объ естественномъ ростѣ права безъ всякаго участія человѣческой воли* отняло значеніе у революціонныхъ попытокъ измѣненія издавна сложившихся порядковъ. Однако, продолжаетъ проф. Коркуновъ, такой взглядъ на развитіе права не только не представляется необходимымъ послѣдствіемъ историческаго направленія, но даже находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ историческимъ пониманіемъ права. *Исторія не есть какъ-то самъ собою совершающійся процессъ, по отношенію къ которому люди являются лишь безучастными свидѣтелями. Исторія слагается именно изъ людскихъ дѣйствій, творится людьми.* Если таковъ характеръ исторіи вообще, не можетъ имѣть иного характера въ частности и

исторія права. *Главнымъ непосредственно дѣйствующимъ факторомъ исторіи права также служатъ дѣйствія людей*».

«Теорія Пухты, говоритъ проф. Сергѣевичъ въ своихъ лекціяхъ по русскому праву, хотя она возникла и на исторической почвѣ, не можетъ быть, однако, названа дѣйствительно исторической. Исторія представляетъ *значительное разнообразіе силъ, созидавшихъ право въ разныя историческія эпохи, смотря по особенностямъ этихъ эпохъ.* Пухта не ставитъ себѣ задачей выясненіе историческаго процесса развитія источниковъ. Онъ даетъ общую теорію для настоящаго; эту теорію онъ выводитъ, какъ результатъ всего предшествовавшаго юридическаго развитія Германіи. Исторія является здѣсь пособіемъ, а не предметомъ изслѣдованія. Въ результатѣ получается не выясненіе измѣнчивыхъ историческихъ формъ, а философское обобщеніе долженствующаго быть. Философскій элементъ выступаетъ преобладающимъ даже въ частностяхъ изслѣдованія. Утверждая, что государственная власть есть органъ выраженія общей воли народа, Пухта очевидно, стоитъ на почвѣ раціоналистической философіи и только повторяетъ извѣстное положеніе Руссо. Да и основная точка отправленія—бытіе единаго народнаго убѣжденія—нигдѣ не доказывается, какъ положительный историческій фактъ, а имѣетъ значеніе только философски объединяющаго предположенія». — «Историческіе памятники древнѣйшаго времени, говоритъ тотъ же ученый въ другомъ мѣстѣ, не знаютъ обычаевъ, которые были бы дѣйствующимъ правомъ цѣлаго народа; они имѣютъ дѣло съ дробными обычаями отдѣльныхъ мѣстностей, которые являются объединенными въ предѣлахъ одного или нѣсколькихъ племенъ, а никакъ не цѣлаго народа.... Между обычными правами отдѣльныхъ племенъ встрѣчаются нѣкоторыя сходства въ частностяхъ. Но такія отдѣльныя сходства можно найти и между правами совершенно различныхъ народовъ. Эти сходства, слѣдовательно, нѣтъ надобности выводить изъ единства народнаго духа.... Это несоотвѣтствіе теоріи съ историческими фактами давно было замѣчено нѣмецкими учеными и вызвало нѣкоторыя поправки къ господствующему ученію. Такъ, напримѣръ, Кирульфъ согласенъ, что въ основаніи обычая лежитъ «общее мнѣніе», но не цѣлаго народа, говоритъ онъ, а опредѣленнаго круга людей. Эта поправка подрываетъ всю теорію. «Опредѣленный кругъ людей» есть нѣчто совершенно неопредѣленное; у этого-то неопредѣленнаго субъекта мы должны предполагать свое общее мнѣніе о правѣ. Откуда же оно? Почему одинъ кругъ людей проникнутъ однимъ общимъ убѣжденіемъ, а другой—другими»? Въ другомъ своемъ сочиненіи, на кото-

рое намъ уже приходилось ссылаться выше, проф. Сергѣевичъ по поводу ученія Савиньи высказываетъ ту мысль, что «народное сознаніе есть только сумма согласныхъ сознаній отдѣльныхъ лицъ», что же касается до послѣднихъ, то сознаніе отдѣльныхъ лицъ «обусловливается тѣми разнообразными бытовыми и историческими вліяніями, подъ дѣйствіемъ которыхъ состоятъ эти лица». При такомъ взглядѣ онъ, конечно, не допускаетъ, чтобы народное сознаніе было послѣднимъ основаніемъ права.

Эти критики совершенно подрываютъ теорію Пухты и притомъ съ разныхъ ея сторонъ. Проф. Муромцевъ особенно вооружился противъ того въ этой теоріи, что называетъ объективированіемъ процесса правообразованія, что мы, съ своей стороны, обозначили бы, какъ сведеніе этого процесса къ безличной эволюціи: онъ выдвигаетъ самъ идею психическаго труда, идею человѣческаго творчества, которымъ и создается объективный порядокъ. Весьма важно отмѣтить, что критикъ признаетъ притомъ, что факторы, образующіе право, принимаютъ участіе въ этой работѣ не въ одинаковой степени. Это соотвѣтствуетъ нашему общему представленію о неравенствѣ человѣческаго дѣйствія въ исторіи, о градаціи историческихъ агентовъ по степени и формѣ ихъ участія въ исторіи (ср. нашу книгу: «Основные вопросы философіи исторіи» кн. III, гл. II). Проф. Коркуновъ, подчеркивая невѣрность общаго представленія исторіи, какъ безличной эволюціи (Naturwüchsigkeit), указываетъ на противорѣчіе, въ какомъ «историческая школа» находится съ «историческимъ пониманіемъ» права: критикъ указываетъ на немыслимость исторіи безъ людской дѣятельности. На этомъ противорѣчіи особенно настаиваетъ проф. Сергѣевичъ, обращая преимущественное вниманіе на разнообразіе силъ, создающихъ право, и на то, что единаго народнаго убѣжденія въ томъ смыслѣ, въ какомъ его принимаетъ Пухта, никогда не существовало и не можетъ вообще существовать. Указаніе на разнообразіе силъ вполнѣ гармонируетъ съ той исторической теоріей, которую мы излагаемъ въ книгѣ о «сущности историческаго процесса и роли личности въ исторіи», а отрицаніе единаго народнаго убѣжденія—съ нашимъ представленіемъ о групповыхъ общественныхъ явленіяхъ, которое мы также принимаемъ въ свою теорію. За всѣмъ тѣмъ, однако, мы не можетъ оставить Пухту и его критиковъ, чтобы перейти къ воззрѣнію Іеринга, не сдѣлавши собственныхъ критическихъ замѣчаній.

Съ точки зрѣнія вопроса о роли личности въ исторіи, о положеніи ея въ обществѣ, ученіе Пухты представляется намъ принадлежащимъ

къ числу тѣхъ, которыя настаиваютъ на безусловной зависимости индивидуума отъ окружающей его соціальной среды или того, что самъ Пухта называетъ народомъ. Ошибка Пухты прежде всего въ томъ, что эта среда является у него какимъ то изначальнымъ фактомъ, коему ничто не соотвѣтствуетъ, тогда какъ она сама есть продуктъ человѣческой же дѣятельности, а затѣмъ ошибка его въ томъ, что зависимость индивидуума отъ среды является у него безусловной, тогда какъ на дѣлѣ индивидуальное сознаніе сплошь и рядомъ въ большей или меньшей степени, по отношенію къ большему или меньшему числу предметовъ, эманципируется отъ сознанія коллективнаго. Конечно, существующая соціальная среда вліяетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ на отдѣльныя личности и по отношенію къ нимъ играетъ роль чего то существующаго помимо ихъ воли и отъ нихъ независимаго, но не нужно забывать, что сама эта среда для каждаго историческаго момента есть продуктъ жизненной дѣятельности прежнихъ поколѣній, которыя ее создали такой, какова она есть, и что она постепенно видоизмѣняется и дѣятельностью тѣхъ личностей, по отношенію къ коимъ мы говоримъ только объ ея на нихъ вліяніи. Другими словами, духъ народа, обусловливающій собою индивидуальныя души, самъ создается дѣятельностью этихъ душъ. Самъ Пухта приписываетъ «силу развитія», не народу, какъ цѣлому, а его отдѣльнымъ членамъ, и они то также, по его представленію, являются дѣйствующими, а не то цѣлое, въ составъ коего они входятъ. Пухта, однако, видитъ только вліяніе народнаго духа на единичный, совершенно умалчивая о вліяніи обратномъ: если единица и дѣйствуетъ, то только подъ вліяніемъ народнаго духа, какъ будто у нея нѣтъ ничего своего, а въ такомъ случаѣ она и не можетъ оказать никакого видоизмѣняющаго вліянія на народный духъ. Индивидуумы у Пухты подгоняются всѣ подъ одну мѣрку, подъ одну категорію одинаковыхъ носителей общихъ свойствъ народнаго духа: настаивая на «родствѣ способностей и убѣжденій», онъ обходитъ молчаніемъ тѣ групповыя и индивидуальныя разнообразія, которыя наблюдаются среди одного и то же народа, а потому, конечно, не упоминаетъ о происходящемъ въ народѣ психическомъ взаимодѣйствіи между личностями и группами (племенами, общинами, сословіями, классами, культурными слоями, партіями, профессіями), имѣющими также свое особое сознаніе. Дѣйствительныя явленія жизни, о коихъ юристу трудно было бы умолчать въ общей теоріи права, заставляютъ Пухту въ частностяхъ противорѣчить своему основному взгляду. Отрицая дѣятельность личностей, какъ таковыхъ, а не какъ простыхъ носитель-

ницъ общаго имъ со всѣми другими народнаго духа, отрицая въ силу этого возможность у законодателя такого правоваго сознанія, которое принадлежало бы ему самому, т. е. не было бы въ то же время сознаніемъ народа (или юристовъ), Пухта допускаетъ тѣмъ не менѣе, что законодатель (т. е. отдѣльная личность или совокупность нѣскольких отдѣльныхъ личностей) можетъ своей санкціей содѣйствовать превращенію въ общенародное убѣжденіе такихъ воззрѣній, которыя этого значенія безъ него не получили бы, т. е., сказали бы мы, законодатель вноситъ измѣненіе въ общенародное правосознаніе, превращая въ общее убѣжденіе то, что таковымъ не было, а было только личнымъ его, законодателя, убѣжденіемъ. Это разъ. Во вторыхъ, Пухта не могъ оставить безъ упоминанія и класса правовѣдовъ, спеціалистовъ права. Совершенно въ духѣ своей теоріи онъ дѣлаетъ изъ нихъ простые «склады» общенароднаго правосознанія, отрицая продуктивное значеніе ихъ дѣятельности: послѣдняя, по его словамъ, чисто рецептивная, т. е. они воспринимаютъ въ себя изъ народнаго сознанія существующее право, сами не творя ничего. Сказать то же самое объ ученыхъ юристахъ Пухта, конечно, не рѣшается: они продуктивны, они объединяютъ право въ цѣломъ, измѣняютъ его въ частностяхъ. Но, спрашивается, что мѣшаетъ распространить это и на болѣе раннихъ правовѣдовъ, подготовившихъ ученую юриспруденцію? Неужели ихъ головы были въ буквальномъ смыслѣ складами, куда «народъ» самъ сносилъ и свое общее пониманіе правовыхъ отношеній, и тѣ измѣненія, которыя производилъ въ частныхъ проявленіяхъ права? Наоборотъ, разъ потребности жизни вызвали къ бытію особыхъ знатоковъ права, они не могли не начать проявленія надъ нимъ своего творчества въ смыслѣ ли его систематизаціи, не могущей быть дѣломъ всего народа, въ смыслѣ ли частныхъ измѣненій въ зависимости отъ собственныхъ воззрѣній на вещи или отъ подмѣченныхъ ими же самими несоотвѣтствій существующаго права съ житейскими отношеніями, имъ регулируемыми. Такіе «представители, какъ говоритъ самъ Пухта, замѣняющіе народъ при правообразованіи», т. е. законодатели и правовѣды, могутъ вѣдь имѣть и свои мысли относительно права, да оно обыкновенно такъ и бываетъ, да и должно быть, и эти мысли могутъ быть усвоиваемы и другими. Послѣднее опять кажется Пухтѣ невѣроятнымъ, вслѣдствіе чего онъ, напр., не допускаетъ происхожденія обычаевъ изъ воззрѣній отдѣльныхъ личностей, принятыхъ другими. Конечно, «убѣжденіе отдѣльной личности не можетъ составлять никакого права», но оно можетъ сдѣлаться убѣжденіемъ другихъ посредствомъ усвоенія ими того, что

было первоначально мыслью отдѣльной единицы (конечно, если для такого усвоенія есть данныя): такое явленіе обходится безъ формальнаго договора. И оспариваемое Пухтою перенесеніе на право воззрѣнія Шлегеля на народную поэзію, на нашъ взглядъ, совершенно вѣрно: и обычное право, подобно народной пѣснѣ, будучи общимъ достояніемъ въ концѣ концовъ не есть общее произведеніе. Аналогія между обычнымъ правомъ съ народной поэзіей, въ которой наконецъ перестали видѣть какой то продуктъ олицетвореннаго народнаго генія, дѣйствительно существуетъ, и ниже мы приведемъ мнѣніе проф. Сергѣевича о происхожденіи обычнаго права, сводящее какъ бы въ согласіи съ нашей общей теоріей весь процессъ ко множеству личныхъ иниціативъ, подхватываемыхъ подражаніемъ со стороны другихъ. Замѣтимъ, что и самъ Пухта признаетъ для права юристовъ источникъ въ личныхъ убѣжденіяхъ ученыхъ правовѣдовъ, которые такимъ образомъ эманципируютъ свое право отъ общенароднаго правосознанія: тутъ оно перестаетъ быть всепоглощающимъ, но еще сомнительно, чтобы оно было таковымъ и въ раннюю эпоху, когда право складывалось, и личность въ своихъ дѣйствіяхъ руководилась иногда просто одними собственными инстинктами. Непосредственно продуктивнымъ бываетъ не народный духъ и на раннихъ ступеняхъ правообразованія, а не тогда только, когда является право юристовъ. Впрочемъ, признаніе послѣдняго съ его источникомъ въ индивидуальныхъ убѣжденіяхъ есть уже значительный подрывъ для теоріи. Правда, для ея спасенія Пухта придумываетъ оговорку объ особыхъ условіяхъ, когда юриспруденція можетъ быть продуктивна, но не совсѣмъ ясно, чего именно онъ требуетъ отъ юристовъ, когда желаетъ, чтобы они разсматривали свой предметъ, какъ національный, т. е. въ его истинности.

IV. Ученіе Іеринга о борьбѣ за право.

Мало-по-малу на смѣну положеній, высказанныхъ Савиньи и Пухтою и затѣмъ повторявшихся безъ всякой почти критики, стало приходить новое ученіе. Въ многочисленныхъ, но долго остававшихся разрозненными замѣчаніяхъ, разсѣянныхъ по литературѣ предмета, «были, какъ говоритъ проф. Муромцевъ, подмѣчены иныя стороны процесса (образованія права) и было замѣчено, что онъ происходитъ *при болѣе или менѣе дѣятельномъ участіи въ немъ всего общества или отдѣльныхъ его членовъ*... Образованіе юридическихъ воззрѣній приписывается *непосредственной дѣятельности индивидуумовъ*, дѣй-

ствующихъ, конечно, не произвольно, но въ гармоніи со всѣмъ направленіемъ жизни общества. Позднѣе уже смѣло утверждаютъ полную и неограниченную измѣняемость права и признаютъ въ народно-правовомъ убѣжденіи *результатъ взаимодѣйствія убѣжденій отдѣльныхъ членовъ народа*... Относительно обычнаго права замѣчаютъ далѣе, что оно не сразу сознается цѣлымъ обществомъ. *Принадлежащія сюда нормы высказываются первоначально отдѣльными, наиболѣе авторитетными личностями и затѣмъ постепенно принимаются другими*». Общій недостатокъ подобныхъ замѣчаній «состоялъ въ томъ, что выраженныя разрозненно и безъ рѣшительной тенденціи повлiять на характеръ господствовавшей теоріи, онѣ не были въ состояніи произвести должнаго впечатлѣнія». Впервые «воззрѣніе Іеринга объединяло всѣ поправки, сдѣланныя до него къ ученію Пухты». Положеніе, которое я противопоставляю этому ученію, говоритъ самъ Іерингъ въ своемъ знаменитомъ «Духѣ римскаго права», заключается въ слѣдующемъ: исторія права началась желѣзнымъ періодомъ, *тяжелою борьбою и работою человѣческаго разума; намѣреніе, рефлексія, сознаніе, разсчетъ, дѣйствовали уже при возникновеніи права*, юридическое искусство уже существовало при колыбели его. Какъ теперь понятія не достаются намъ сами собою, но должны пріобрѣтаться нами *трудомъ и напряженіемъ нашихъ силъ*, такъ, а не иначе было также въ ту историческую эпоху, когда образовывались основныя понятія права; и мнѣніе, полагающее, что народы не нуждались во время своего дѣтства въ отысканіи и выработкѣ понятій собственности, обязательства и др., но нашли эти понятія готовыми, не лучше другаго мнѣнія, по которому люди получили изъ рукъ природы въ готовомъ видѣ свои дома, плуги и т. п. Но какъ ради полученія этихъ послѣднихъ *надо было думать, работать, допытываться* въ продолженіе столѣтій, точно также и притомъ въ несравненно большей степени приходилось поступать относительно юридическихъ понятій. Всюду долженъ былъ пройти *періодъ пробъ и исканій, колебаній и неопредѣленности*, прежде нежели эти понятія приняли опредѣленныя твердыя формы, въ которыхъ онѣ выступаютъ передъ нами въ доступный для насъ періодъ времени».

Взглядъ, высказанный Іерингомъ въ этихъ словахъ, былъ подробнѣе развитъ имъ въ небольшомъ сочиненіи подъ заглавіемъ «Борьба за право».

«Всякое право въ мірѣ, говоритъ Іерингъ въ этомъ сочиненіи, должно быть добыто борьбой... Право есть непрерывная работа и

не только исключительная работа государственной власти, *но и цѣлаго народа*. Если мы окинемъ однимъ взглядомъ всю совокупность правовой жизни, то она представитъ намъ то же зрѣлище неустанной борьбы и работы всей націи, какое представляется намъ въ области экономической или умственной дѣятельности. *Каждый индивидуумъ, который поставленъ въ необходимость защищать свое право, принимаетъ участіе въ этой національной работѣ*, приноситъ свою лепту для осуществленія правовой идеи на землѣ». Конечно, послѣднее не относится ко всѣмъ въ одинаковой степени, ибо безъ борьбы протекаетъ жизнь тысячей индивидуумовъ по установившимся путямъ права. Доказывая свою общую мысль, Іерингъ прежде всего обращаетъ вниманіе на тотъ неоспоримый фактъ, что для государства поддержаніе правоваго порядка есть не что иное, какъ непрерывная борьба противъ беззаконія, которое стремится его нарушить: этотъ тезисъ нечего и доказывать. «Но, продолжаетъ онъ, нѣчто другое представляется въ отношеніи происхожденія права и не только его первоначальнаго происхожденія при началѣ исторіи, но и его ежедневнаго, на нашихъ глазахъ повторяющагося обновленія, возвышенія существующихъ институтовъ, ограниченія прежнихъ правовыхъ положеній новыми, короче сказать—поступательнаго движенія права». Свое воззрѣніе авторъ «Борьбы за право» прямо противополагаетъ тутъ теоріи Савиньи - Пухты, по которой, какъ онъ говоритъ, «образованіе права совершается такъ же незамѣтно, безболѣзненно, само собою, какъ и образованіе языка, не требуетъ не только усилія, борьбы, но и попытокъ», будучи «дѣйствующей въ тиши силой истины, которая безъ всякаго насилія, медленно, но вѣрно пролагаетъ себѣ путь, силой убѣжденія, которая овладѣваетъ умами и которая выражается въ ихъ институтахъ». Согласившись съ тѣмъ, что право, подобно языку, имѣетъ невидимое, безсознательное, органическое развитіе, и отнесши сюда во первыхъ, «всѣ тѣ правовыя положенія, которыя изъ самостоятельно дѣйствующихъ въ области права отдѣльныхъ правовыхъ случаевъ мало-по-малу складываются въ обычаи», а, во вторыхъ, «тѣ отвлеченія, послѣдовательныя заключенія и правила, которыя беретъ наука изъ предшествующаго права и преобразуетъ путемъ діалектики въ понятія», Іерингъ оговаривается, что сила обоихъ этихъ факторовъ, т. е. обычая и науки есть ограниченная: «она, говоритъ онъ, можетъ регулировать движеніе по существующимъ уже путямъ, помогать ему, но не можетъ прорвать плотины, которая препятствуетъ проложить потоку новое направленіе». Сдѣлать послѣднее въ состояніи «только законъ, т. е.

намѣренное къ этой цѣли направленіе дѣйствія государственной власти. Часто перемѣна затрогиваетъ слишкомъ сильно существующее право и частные интересы, что вызываетъ значительное сопротивленіе со стороны угрожаемыхъ интересовъ, а слѣдовательно и борьбу». Только этимъ Іерингъ и объясняетъ тотъ фактъ, что учрежденія, противъ которыхъ давно уже высказывается общественное мнѣніе, еще долго существуютъ. «Такимъ образомъ, говоритъ Іерингъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, гдѣ существующее право находится въ связи съ интересами, новое право устанавливается путемъ борьбы, которая часто продолжается цѣлыя столѣтія».

Іерингъ особенно выдвигаетъ на видъ эту идею борьбы. Сравнивая право съ языкомъ и искусствомъ, онъ находитъ, что послѣдніе два элемента искусства развиваются совершенно иначе. По собственнымъ его словамъ, «человѣческому духу, который безсознательно работаетъ надъ образованіемъ языка, при этомъ не представляется никакого сильнаго сопротивленія. Искусство, продолжаетъ онъ, также не имѣетъ другаго противника, кромѣ своего собственнаго прошедшаго и господствующаго вкуса». Поэтому Іерингъ высказывается самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ сравненія развитія права съ развитіемъ языка. «Несомнѣнно, говоритъ онъ, что и развитіе права точно такъ же, какъ и развитіе языка, слѣдуетъ опредѣленнымъ законамъ, какъ и то, что оно удаляется по существу и формѣ отъ послѣдняго, и потому мы должны въ этомъ смыслѣ совершенно отказаться отъ проведенной Савиньи параллели.... между правомъ, съ одной стороны, и языкомъ и искусствомъ, съ другой». Ученіе Савиньи, по выраженію его критика, «обольщаетъ человѣка въ такой области, гдѣ онъ долженъ дѣйствовать съ полнымъ, яснымъ сознаніемъ цѣли, напрягая всѣ свои силы,—обольщаетъ тѣмъ, что *дѣло дѣлается само собой, что онъ лучше сдѣлаетъ, если положитъ руки въ карманъ и будетъ довѣрчиво ждать, что мало по малу появится на свѣтъ изъ источника права—національнаго правоваго убѣжденія*».

Іерингъ переноситъ свое основное воззрѣніе относительно образованія права и на доисторическое время, подвергнувъ прежде всего критикѣ старую моду надѣлять это время многими прекрасными качествами.

Ученіе Іеринга, по вѣрному замѣчанію проф. Муромцева, «отводитъ должное мѣсто явленію, одностороннее преувеличеніе котораго составляло грѣхъ «существеннаго» ученія о правѣ, а излишнее умаленіе—промахъ «историческаго» воззрѣнія. Право составляетъ про-

дуктъ человѣческой дѣятельности, хотя и не такой, какая предполагалась въ этомъ случаѣ юристами естественной школы. Современное воззрѣніе, заключаетъ онъ, соединяетъ вмѣстѣ вѣрный элементъ обоихъ ученій,—естественнаго и историческаго, — и отбрасываетъ ихъ ложные элементы». Съ этимъ приговоромъ мы тѣмъ болѣе не можемъ не согласиться, что сами держимся того воззрѣнія, въ силу котораго научная теорія эволюціи отдѣльныхъ элементовъ культуры, (въ томъ числѣ и права, конечно) должна быть примиреніемъ двухъ противоположныхъ ученій о происхожденіи и дальнѣйшихъ судьбахъ элементовъ культуры, т. е. ученія о свободномъ творчествѣ личности, господствовавшаго въ XVIII в., и ученія о безличномъ саморазвитіи, сдѣлавшагося извѣстнымъ только въ XIX вѣкѣ. Сравнивая теорію Іеринга съ воззрѣніемъ исторической школы, юристы обыкновенно обращаютъ особое вниманіе не на то, что для насъ въ данномъ случаѣ представляетъ главный интересъ, не на противоположность между концепціей безъ личной эволюціи и концепціей личнаго дѣйствія въ исторіи. Между тѣмъ эта противоположность существуетъ не въ однихъ только юридическихъ воззрѣніяхъ, въ виду чего сопоставленіе ученій Пухты и Іеринга получаетъ особый интересъ. Конечно, къ только что отмѣченной разницѣ не сводятся всѣ разногласія исторической школы и новаго воззрѣнія, и поднятые оппозиціей Іеринга вопросы могутъ рѣшаться въ ту или другую сторону, независимо отъ того, въ чемъ мы будемъ полагать сущность процесса правообразованія. Вотъ примѣръ, указывающій на то, что юристы могутъ говорить о спорѣ Іеринга съ исторической школой, не касаясь вопроса, наиболѣе способнаго заинтересовать общаго историка. Проф. Дювернуа, опредѣляющій въ недавно вышедшей книгѣ «изъ курса лекцій по русскому гражданскому праву» свое отношеніе къ виднѣйшимъ направленіямъ мыслей въ кругахъ нѣмецкихъ цивилистовъ», какъ разъ беретъ подъ свою защиту историческую школу противъ Іеринга, который, по его словамъ, именно и «не хочетъ знать скрытыхъ органическихъ процессовъ праворазвитія». «Ему, такъ характеризуется у проф. Дювернуа Іерингъ, нужны явные его факторы. Онъ не очень довѣряетъ существованію такихъ эпохъ въ правѣ, когда юридическія понятія выдѣлялись сами собой, какъ готовые результаты непосредственнаго народнаго сознанія. Передъ нами, продолжаетъ онъ, проходятъ картины *личной дѣятельной воли*, военнаго строя, договорныхъ формъ, сознательной, *разсчитанной дѣятельности людей* (persönliche Thatkraft), какъ главныхъ факторовъ развитія права». Несмотря на многочисленные труды Іеринга, его ученіе, по отзыву кри-

тика, не представляетъ «ничего досказаннаго, никакого довершеннаго дѣла, которое могло бы стать на пути прежняго направленія мыслей о изслѣдованіи историко-юридической школы». Поэтому онъ и отвергаетъ въ концѣ концовъ «всю основу ученія Іеринга», имѣя, впрочемъ, въ виду (что для насъ и интересно) не столько ту противоположность между ученіями исторической школы и Іеринга, которая имѣетъ такую важность съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса, отвлеченно взятаго, сколько другія стороны различія. Мы не касаемся, наприм., вопроса объ «оппортунизмѣ нѣкоторыхъ современныхъ ученій о правѣ», ставимомъ въ вину автора «Geist des römischen Rechts», такъ какъ это выходитъ за предѣлы нашего предмета, но именно тутъ-то и лежитъ вся тяжесть обвиненія противъ Іеринга. Въ чемъ правъ или неправъ проф. Дювернуа, какъ юристъ, какъ цивилистъ, ополчаясь противъ Іеринга, судить не намъ, но едва ли онъ взялъ бы подъ свою защиту идею безличной эволюціи противъ идеи личнаго дѣйствія, заявленной съ такою силою въ трудахъ Іеринга. Но намъ кажется, что въ отношеніи оппортунизма погрѣшила немало сама историческая школа.

V. Новѣйшіе взгляды русской юридической литературы.

Іерингъ, конечно, не единственный юристъ, выдвигающій идею личнаго творчества противъ идеи безличнаго саморазвитія. Въ нашей юридической литературѣ также высказываются аналогичныя воззрѣнія, отчасти подъ вліяніемъ ученія Іеринга, отчасти вполнѣ самостоятельно, въ виду прямо бросающихся въ глаза недостатковъ воззрѣнія исторической школы. Мы привели выше критическія замѣчанія на теорію Пухты нашихъ ученыхъ юристовъ. Посмотримъ, какъ сами они смотрятъ на этотъ предметъ. Начнемъ съ взглядовъ проф. Муромцева, защищающаго въ нашей литературѣ взглядъ Іеринга въ связи съ собственными оригинальными воззрѣніями на право и его эволюцію. Остановимся затѣмъ на ученіи о происхожденіи обычнаго права, высказанномъ проф. Сергѣевичемъ, знатокомъ исторіи русскаго права. Заключимъ нѣсколькими соображеніями проф. Коркунова, автора философскихъ «Лекцій по общей теоріи права».

«Первый основной и элементарный фактъ въ процессѣ образованія права, говоритъ проф. Муромцевъ, состоитъ въ томъ, что появленіе юридическихъ нормъ въ извѣстномъ обществѣ, насколько ихъ возникновеніе доступно наблюденію, *бываетъ всегда связано съ дѣятельностью самого общества, которая выражается такъ или*

иначе въ дѣятельности большаго или меньшаго числа членовъ его.... Дѣятельность общества въ процессѣ образованія права слѣдуетъ извѣстному порядку какъ внутри себя, такъ и относительно дѣятельности, касающейся другихъ сферъ, — отдѣльные акты дѣятельности общества подчинены извѣстнымъ постояннымъ отношеніямъ, законамъ». На первый планъ авторъ выдвигаетъ, однако, не закономѣрность правоваго развитія, а то, что творчество права «всегда соединено, какъ съ непремѣннымъ условіемъ, съ извѣстною затратою психическаго труда»: исторіи права онъ прямо ставитъ задачей «изслѣдованіе *условій, при которыхъ проявляется эта психическая дѣятельность, ея формъ и послѣдствій*». Принимая, однако, что право вырабатывается дѣятельностью человѣка и общества, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ, что «каждый актъ этой дѣятельности не составляетъ чего либо произвольнаго и изолированнаго, но обусловленъ результатами предшествовавшихъ ему актовъ и всѣми сопровождающими его обстоятельствами», между коими главное мѣсто отводится имъ «совокупности условій, вытекающихъ изъ природы человѣка и общества». Не ограничиваясь однимъ общимъ предположеніемъ о закономѣрности всего историческаго процесса творчества права, проф. Муромцевъ находитъ нужнымъ изслѣдовать закономѣрность каждаго отдѣльнаго акта этого процесса. Этимъ для историка права дается цѣлая программа науки, но для насъ въ ученіи почтеннаго автора особый интересъ представляетъ то, что, отказываясь отъ воззрѣній исторической школы съ ея безличной эволюціей, защищая идею творчества (психическаго труда), онъ тѣмъ не менѣе удерживаетъ изъ пріобрѣтеній исторической школы идею закономѣрной эволюціи, по которой располагаются отдѣльные акты психическаго труда. Иными словами, проф. Муромцевъ стоитъ за синтезъ двухъ противоположныхъ воззрѣній. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что находитъ одинаково неправильными взгляды, высказывавшіеся относительно обычая и убѣжденія какъ до исторической школы, такъ и этою послѣднею. Прежде говорили, что убѣжденіе складывается изъ обычая, а историческая школа провозгласила, что обычай родится изъ убѣжденія, тогда какъ убѣжденіе (психическое состояніе людей, соблюдающихъ обычный порядокъ) и обычай (внѣшній образъ дѣйствій тѣхъ же людей) составляютъ только двѣ стороны одного и того же предмета, возникающія и развивающіяся параллельно. Т. е. съ точки зрѣнія своего синтеза, примиряющаго вѣрныя мысли противоположныхъ воззрѣній, онъ отвергаетъ мысли невѣрныя. Кромѣ того, онъ указываетъ на то, что обычное право не есть единственный источникъ

права въ раннюю эпоху жизни народа. Во первыхъ, такимъ источникомъ бываетъ сдѣлка, «въ которой формулируется юридическая норма,—*только не сразу, а путемъ послѣдовательной разработки ряда случаевъ*. Одинаковыя сдѣлки повторяются, образуется сила прецедента и складывается обычное право. Будучи повторена въ сотый или тысячный разъ, сдѣлка не создаетъ новую норму, но лишь примѣняетъ норму, сложившуюся прежде при ея же содѣйствіи, а теперь перешедшую въ обычай. *Незамѣтно, въ каждой новой сдѣлкѣ что либо новое можетъ присоединиться къ старому, и тогда сдѣлка выступаетъ въ качествѣ средства, которое видоизмѣняетъ обычай*. И, прибавляетъ проф. Муромцевъ, никогда сдѣлка не утрачиваетъ своего творческаго значенія», а «такимъ образомъ развивается право путемъ казуальнаго творчества». Во вторыхъ, то же творчество сказывается и въ судебномъ рѣшеніи, причемъ «*выдающіяся личности среди судей отличаются созидательною дѣятельностью, остальные же повторяютъ старыя судебныя рѣшенія*». Въ только что приведенныхъ мѣстахъ почтенный авторъ мимоходомъ касается очень интересныхъ вещей. Одна изъ нихъ (накопленіе прецедентовъ путемъ подражанія первому случаю) была разсмотрѣна и проф. Сергѣевичемъ, когда онъ коснулся вопроса о происхожденіи обычнаго права: тутъ мы имѣемъ дѣло съ инціативой, подхватываемой подражаніемъ, и на это же указываетъ проф. Муромцевъ, когда говоритъ о выдающихся судьяхъ, отличающихся созидательной дѣятельностью, и о такихъ, которые способны только къ подражанію. Другая вещь—мелкія индивидуальныя инноваціи, видоизмѣняющія всякій элементъ культуры. «*Съ исторической точки зрѣнія*, говоритъ еще проф. Муромцевъ, называть правомъ слѣдуетъ совокупность только такихъ юридическихъ нормъ, которыя дѣйствительно примѣняются въ жизни. Это и есть право дѣйствующее», въ составъ коего входитъ положительное право лишь настолько, насколько оно примѣняется на практикѣ отдѣльными лицами или судебною властью. *Положительное право*, продолжаетъ онъ, *ограничивается, видоизмѣняется и дополняется подъ вліяніемъ нравственныхъ воззрѣній, чувства справедливости, привычекъ и предразсудковъ, свойственныхъ тѣмъ лицамъ, которыя его примѣняютъ*. Примѣненіе права имѣетъ тотъ существенный интересъ, что свидѣтельствуетъ о существованіи въ обществѣ расположенія къ праву,—расположенія, настолько сильнаго, что на дѣлѣ осуществляется обязательность данныхъ правилъ. Но, очевидно — прибавляетъ нашъ авторъ—что такое расположеніе *лишь въ рѣдкихъ случаяхъ раздѣляется всѣмъ обществомъ, во всей его совокуп-*

ности; несравненно чаще оно исходитъ отъ господствующей части общества, которая тѣмъ или другимъ способомъ владычествуетъ надъ остальными его членами». Проф. Муромцевъ указываетъ при этомъ на то, что во многихъ отношеніяхъ полное однообразіе права въ обществѣ нарушается вслѣдствіе неодинаковости отдѣльныхъ частей послѣдняго въ смыслѣ нравственнаго и умственнаго развитія: «общество, говоритъ онъ, распадается *на слои, изъ которыхъ каждый обладаетъ въ той или другой мѣрѣ своимъ особеннымъ правомъ»*. Далѣе, подробно развивая свою мысль, проф. Муромцевъ находитъ, что отдѣльныя личности, составляющія господствующій элементъ общества, могутъ проявлять свое расположеніе къ дѣйствующему правовому порядку: «однѣ изъ нихъ ясно сознаютъ полезность данной юридической нормы, у другихъ такое сознаніе достаточно смутно, третьи, наконецъ, не отдавая себѣ никакого отчета въ томъ, зачѣмъ нуженъ данный порядокъ, подчиняются насильно авторитету людей, признанныхъ ими за руководителей общества». То же самое наблюдается и въ другой части общества, относящейся недружелюбно къ дѣйствующему праву. Приводя эти мѣста изъ «образованія права», мы отмѣчаемъ въ нихъ то, что называемъ «неравенствомъ личнаго дѣйствія» въ исторіи. Съ этой точки зрѣнія интересно также, какую роль отводитъ проф. Муромцевъ дѣятельности юристовъ въ процессѣ образованія права. Послѣдній, по его представленію, происходитъ при участіи двухъ основныхъ факторовъ: «жизни общества (народа), которая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ родитъ потребность въ правѣ, и *мыслительной дѣятельности какъ всего общества, такъ въ особенности юристовъ,—дѣятельности, которая отыскиваетъ и творитъ право*. Юридическая норма, поясняетъ авторъ свою мысль, не вызывается непосредственно потребностями правовой жизни, но создается при участіи мышленія. Вслѣдствіе этого юридическая норма отражаетъ на себѣ свойства создавшаго ее мышленія». Мы только могли бы прибавить къ этимъ словамъ соображенія, относящіяся къ общей теоріи исторіи, именно соображенія о томъ, что потребности общества пораждаютъ средства удовлетворенія не иначе, какъ сдѣлавшись (въ видѣ впечатлѣній, произведенныхъ ими на нѣкоторыя личности) матеріаломъ для самостоятельной переработки въ сознаніи отдѣльныхъ, выдающихся индивидуумовъ.

Переходимъ къ воззрѣнію проф. Сергѣевича на обычное право.

«Имѣя источникомъ согласное убѣжденіе отдѣльныхъ лицъ, говоритъ проф. Сергѣевичъ, обычай не имѣетъ личнаго происхожденія, онъ *безличенъ* въ противоположность закону, который всегда издается

опредѣленнымъ законодателемъ; обычай выходитъ изъ народа, какъ безличной массы: всѣ такъ думаютъ и всѣ такъ поступаютъ. Будучи безличнымъ, продолжаетъ онъ, обычай не имѣетъ опредѣленнаго видимаго начала: мы можемъ замѣтить его начало только тогда, когда онъ уже сложился, когда люди уже дѣйствуютъ сообразно съ нимъ». Передавъ вкратцѣ воззрѣнія Пухты на происхожденіе обычая и высказавъ по этому поводу о немъ нѣсколько критическихъ замѣчаній, изъ коихъ кое-что нами было приведено выше, проф. Сергѣевичъ высказываетъ такой общій взглядъ на происхожденіе обычнаго права. «*Какое-либо убѣжденіе* и, слѣдовательно, убѣжденіе о правахъ *можетъ имѣть только отдѣльный человѣкъ*», а потому «объ убѣжденіи народа или племени можно говорить только, какъ о суммѣ убѣжденій отдѣльныхъ лицъ». На основаніи этого соображенія почтенный авторъ и выводитъ обычное право (т. е. первое право, возникшее въ исторіи) «изъ индивидуальнаго убѣжденія, проявляющагося въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ». При такомъ толкованіи остается неяснымъ, какъ возникаютъ въ такомъ случаѣ общія нормы, но, совершенно справедливо замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ, «*общія нормы возникаютъ изъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ не всегда и не непремѣнно*, а только при наличности нѣкоторыхъ благопріятныхъ для того условій. *Разные люди, при единствѣ интересовъ и сходствѣ условій жизни, могутъ въ одинаковыхъ случаяхъ поступать одинаковымъ образомъ*. Одинаковые поступки являются вслѣдствіе сходства характеровъ, потребностей и всей обстановки жизни. Если условія дѣятельности этихъ людей, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, остаются тѣ же, *является послѣдовательный рядъ одинаковыхъ дѣйствій въ одинаковыхъ случаяхъ*. Первоначально эти согласныя дѣйствія совершенно совпадаютъ съ волею дѣйствующихъ лицъ и прямо ею обусловливаются. Но по мѣрѣ ихъ накопленія, онѣ сами начинаютъ оказывать давленіе на волю и опредѣлять ея направленіе. Этому способствуетъ, съ одной стороны, желаніе оставаться вѣрнымъ самому себѣ (разъ принятому способу дѣйствія), съ другой—примѣръ другихъ людей. Возрастающія поколѣнія, прежде чѣмъ начнутъ дѣйствовать самостоятельно, наблюдаютъ дѣйствія старшихъ; ихъ личная воля слагается подъ вліяніемъ установившихся уже способовъ дѣйствія... Нежеланіе выдѣляться своими дѣйствіями изъ среды другихъ людей имѣетъ весьма важное вліяніе на поступки человѣка». Объясняя такимъ образомъ обязательность обычая изъ «присущаго человѣку свойства слѣдовать разъ намѣченному пути», проф. Сергѣевичъ сравниваетъ это свойство съ инерціей въ физикѣ. Обычное право, по

его мнѣнію, создаютъ двѣ именно силы: «индивидуальное сознаніе насущныхъ интересовъ человѣка», дающее начало извѣстнымъ дѣйствіямъ, и «инертная сила обыкновенія» въ томъ случаѣ, когда накопится значительная масса одинаковаго дѣйствія личной воли разныхъ лицъ въ одинаковыхъ обстоятельствахъ. Это то же самое, что иниціатива и подражаніе, о коихъ мы говорили въ предыдущей главѣ. Такъ дѣйствительно и смотритъ на дѣло проф. Сергѣевичъ. Образъ дѣйствія, говоритъ онъ, избранный *нѣкоторыми, всегда болѣе энергическими людьми,* становится общею нормою, обычаемъ, благодаря тому, что другіе *привыкаютъ болѣе или менѣе пассивно дѣйствовать такъ же.* Нѣкоторая практика переходитъ въ повальный обычай потому, что *путемъ пассивнаго подражанія дѣйствіямъ передовыхъ людей* слагается наконецъ и общее убѣжденіе о необходимости всѣмъ дѣйствовать такъ, а не иначе». Такимъ образомъ «обычай идетъ не отъ общаго, но отъ индивидуальнаго убѣжденія и становится болѣе или менѣе общимъ». При этомъ, однако, замѣчаетъ еще нашъ авторъ, «наличность соотвѣтствующаго убѣжденія всѣхъ и каждаго не есть необходимое условіе дѣйствія обычая. Но, продолжаетъ онъ, отсутствіе такого убѣжденія есть зерно разрушенія сложившагося обычая. *Люди слабые будутъ дѣйствовать по обычаю, хотя и не будучи убѣждены въ его цѣлесообразности; наоборотъ, люди энергическіе могутъ возстать противъ пассивнаго подчиненія обычаю, не соотвѣтствующему ихъ воззрѣніямъ.* Дѣйствуя по своему, изо дня въ день нарушая обычай, они *могутъ положить начало образованію новаго обычая,* который съ теченіемъ времени и при наличности благопріятныхъ условій можетъ вытѣснить старый. «Такимъ возникновеніемъ обычнаго права проф. Сергѣевичъ объясняетъ и нѣкоторыя особенности этого права. Между прочимъ, онъ указываетъ на то, что оно «возникаетъ не въ народѣ (націи) и даже не въ племени, *а въ каждой группѣ людей, ведущихъ совмѣстную жизнь и имѣющихъ возможность вліять другъ на друга своими дѣйствіями*». Съ другой стороны, указывается на то, что первоначальное обычное право есть право сильнаго, такъ какъ «первыми дѣятелями обычнаго права были люди энергичные и сильные»: въ немъ царствовалъ произволъ. «Отдѣльныя дѣйствія предшествуютъ образованію нормъ обычнаго права. Для того, чтобы образовался обычай, связывающій частную волю, въ памяти людей долженъ уже былъ накопиться настолько значительный матеріалъ сходныхъ прецедентовъ, чтобы воля была подавлена этимъ матеріаломъ.... Обычай, слѣдовательно, при всей его древности, не есть первоначальная форма, которою управляются дѣйствія людей. Что же было до обычая?

Автономныя дѣйствія, самоопредѣленіе въ формѣ самоуправства. Отсюда въ начальной исторіи права каждаго общества надо предполагать великую безурядицу». Вотъ все существенное, что заключаютъ въ себѣ «Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права» проф. Сергѣевича по вопросу о происхожденіи обычнаго права. Заканчивая это изложеніе, мы не можемъ еще не привести словъ автора, въ коихъ толкуются старинные синонимы, обычаи—«пошлина» и «старина». Пошлиной у насъ называлось то, что пошло издавна, изъ старины, и, конечно, такая пошлина имѣла свое начало. *Всякій порядокъ*, говоритъ проф. Сергѣевичъ *пошелъ отъ отдѣльнаго случая;* моментомъ, опредѣлившимъ тотъ или другой способъ дѣйствія въ извѣстномъ случаѣ, была *чья либо личная воля*, быть можетъ, даже воля князя, но этотъ порядокъ становится правомъ не потому, что такъ хотѣло извѣстное лицо, а *потому, что онъ соблюдался цѣлымъ рядомъ лицъ.* Только въ силу соблюденія дѣлается онъ обязательнымъ. Ссылаются не на лицо, которое такъ поступило, а на соблюденіе ихъ старины. Всякая пошлина есть старина».

Таковы взгляды двухъ нашихъ историковъ права. Посмотримъ, какъ отнесся къ тому же предмету авторъ философской теоріи права.

Разрѣшеніе вопроса о происхожденіи права въ своихъ «Лекціяхъ» проф. Коркуновъ справедливо считаетъ довольно труднымъ, такъ какъ «въ юридической литературѣ, говоритъ онъ, до сихъ поръ нѣтъ установившагося объясненія первоначальнаго возникновенія права». «Объясненіе происхожденія права, говоритъ онъ еще, не можетъ ограничиться указаніемъ лишь на то, какъ развивается право. Главный и самый трудный вопросъ заключается въ объясненіи первоначальнаго возникновенія права, въ объясненіи того, какимъ образомъ появляется впервые самое сознаніе о правѣ. Въ современномъ быту, продолжаетъ онъ, мы знаемъ, *право творится и развивается сознательною дѣятельностью,* и при этомъ отправляются отъ сознанія недостатковъ или неполнотѣ уже существующаго права. Но откуда же, спрашиваетъ онъ, взялось первоначальное сознаніе о правѣ?» Вотъ какъ отвѣчаетъ самъ г. Коркуновъ на этотъ вопросъ, исходя изъ того положенія, что «первоначально объектъ правосознанія дается безсознательнымъ актомъ. Въ силу одинаковости условій и несложности отношеній въ первобытномъ обществѣ, говоритъ онъ именно, люди въ немъ естественно ведутъ *совершенно одинаковый образъ жизни.* Малое развитіе сознательной мысли, скудость и ограниченность испытываемыхъ впечатлѣній, *сильно развитая наклонность къ подражанію* приводятъ къ тому, что первобытный чело-

вѣкъ въ большинствѣ случаевъ *дѣйствуетъ такъ же, какъ и другіе, такъ же, какъ отцы и дѣды* Въ силу этого въ каждомъ изъ нихъ образуется увѣренность, что при одинаковыхъ условіяхъ всѣ будутъ поступать одинаково. Человѣкъ ожидаетъ такого одинаковаго, обычнаго поведенія, онъ разсчитываетъ на него, и въ этомъ разсчетѣ располагаетъ и устраиваетъ свои собственныя дѣла. Если затѣмъ въ какомъ-либо частномъ случаѣ онъ обманется въ своихъ разсчетахъ, если кто-либо поступитъ въ отношеніи къ нему не такъ, какъ онъ ожидалъ, не такъ какъ другіе обыкновенно поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ, человѣкъ испытываетъ чувства недовольства, гнѣва. Онъ обращается къ обманувшему его надежды съ нареканіями, онъ старается отомстить ему. По мѣрѣ того, какъ такія столкновенія повторяются, представленіе о нарушеніи установившагося, обычнаго поведенія ассоціируется съ представленіемъ о приказаніяхъ, о гнѣвѣ, о мести со стороны тѣхъ, кто терпитъ ущербъ отъ такого нарушенія. И вотъ, въ силу этого прежнее инстинктивное, безсознательное, само собой складывавшееся соблюденіе обычаевъ переходитъ въ сознательное... Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, возникновеніе права обусловлено сознательнымъ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ поведенія, какъ обязательныхъ, но содержаніе этихъ первоначальныхъ юридическихъ нормъ не творится сознательно: оно дается безсознательно сложившимися обыкновеніями». Отдавая въ вопросѣ о развитіи права предпочтеніе ученію Іеринга передъ воззрѣніемъ исторической школы, проф. Коркуновъ вноситъ въ это ученіе нѣкоторыя ограниченія, не допуская прежде всего, чтобы право было всецѣло продуктомъ сознательной дѣятельности, сознательной борьбы, такъ какъ необходимо именно допустить первоначально безсознательное установленіе обычаевъ, становящихся со временемъ юридическими. Съ этой точки зрѣнія самое развитіе права представляется ему борьбою стараго, безсознательно установившагося права, не соотвѣтствующаго измѣнившимся условіямъ жизни, съ правомъ новымъ, сознательно вырабатываемымъ.

Въ приведенномъ мѣстѣ мы отмѣчаемъ прежде всего указаніе автора на одинаковость условій, въ коихъ дѣйствуютъ члены первобытнаго общества. Это имѣетъ двоякое значеніе: во первыхъ, чаще возможны случаи, когда иниціативы отдѣльныхъ лицъ, дѣйствующихъ безъ всякихъ прецедентовъ, оказываются тождественными; во вторыхъ, поданный примѣръ находитъ подражателей въ однородной средѣ съ большею скоростью, чѣмъ въ средѣ дифференцированной. Во вторыхъ, проф. Коркуновъ указываетъ на силу подражательности, особенно

значительную въ первобытномъ обществѣ, какъ на факторъ, устанавливающій обычаи. Въ третьихъ, заслуживаетъ вниманія идея борьбы права, сознательно вырабатываемаго, съ правомъ, безсознательно установившимся: это — происходящая въ обществѣ борьба личнаго творчества съ безличной эволюціей.

Къ сожалѣнію, для теоріи этой борьбы или, беря предметъ шире, для теоріи взаимодѣйствія между безличной эволюціей соціально-культурной среды и личнаго творчества элементовъ культуры исторія права и ея теорія, только недавно освободившаяся отъ господства исторической школы, сдѣлали пока еще очень мало. Теорія историческаго процесса, отвлеченно взятаго, однако, должна считать себя обязанной юристамъ за то, что они уже ей дали въ своихъ философскихъ и историческихъ трудахъ, и это намъ даетъ право надѣяться, что юристы и въ будущемъ окажутъ такія же услуги теоріи историческаго процесса.

Н. Карѣевъ.

ИСТОЧНИКИ УЛОЖЕНІЯ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Вопросъ объ источникахъ Уложенія не есть только вопросъ археологическаго интереса, но вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ правильное уясненіе положенія Уложенія царя Алексѣя Михайловича въ ряду другихъ законодательныхъ памятниковъ нашей исторіи. Важность этого вопроса достаточно признана въ литературѣ [1]), между тѣмъ только тремя изслѣдователями онъ поставленъ принципіально: г. Владимірскимъ-Будановымъ (по отношенію къ Литовскому Статуту), г. Загоскинымъ (къ участію выборныхъ) и въ наше время г. Сторожевымъ (къ указн. кн. помѣст. приказа). Недостаточность литературной разработки этого вопроса объясняется прежде всего состояніемъ источниковъ нашего права. Всѣмъ извѣстно, какія сокровища по-

---

1) Литература вопроса: *Строевъ*, Истор.-юрид. изслѣдованіе Уложенія 1649 г.—1837 г.—*Шпилевскій*, Объ источникахъ русскаго права до Петра I. (Уч. зап. каз. унив. 1862 г.).—*Есиповичъ*. Литературная разработка и общая характеристика Уложенія 1649 г. (Журн. мин. юст. 1859 г.).—*Платоновъ*. Замѣтка по исторіи Московскихъ земскихъ соборовъ (Жур. мин. нар. просв. 1883 г.; Мартъ).—*Линовскій*. Уголовное право по Уложенію.—*Неволинъ*. Рецензія на это сочиненіе, VI т. — *Архангельскій*. Соборное Уложеніе въ отношеніи православной церкви.—*Латкинъ*. Земскіе соборы.—*Владимірскій-Будановъ*. Литовскій статутъ и Уложеніе царя Ал. Мих. (Сбор. гос. знаній Безобразова, IV т. 1877 г.).—*Загоскинъ*. Земскій соборъ 1648 г. и Уложеніе царя Ал. Мих. — *Сергѣевичъ*. Земскіе соборы въ Моск. госуд. (Сбор. гос. знаній Безобразова, т. II).—*Вингеберъ*. Взглядъ на сочиненіе Строева объ Улож. Ал. Мих.—*Морошкинъ*. Рѣчь объ Улож. и послѣдующемъ его развитіи.—*Забѣлинъ*. Свѣдѣніе о подлинномъ Улож.

хитили послѣднія бѣдствія Москвы изъ рукъ нашей исторіи и въ какомъ жалкомъ видѣ оставили они намъ большую часть памятниковъ, свидѣтельствующихъ о нашемъ юридическомъ развитіи и изъ которыхъ только немногіе нашли своихъ издателей. Между тѣмъ есть полное основаніе говорить о существованіи еще неизданнаго матеріала, гдѣ масса статей Уложенія найдетъ свой источникъ: таково, напр., вліяніе на II гл. Уложенія неизданныхъ указовъ разбойнаго приказа «о наказаніи смертною казнью и ссылкою измѣнниковъ и мятежниковъ» (Загоскинъ, Столы разряднаго приказа, также Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія). Пользуясь по необходимости только печатнымъ матеріаломъ, намъ приходится удовольствоваться только гадательнымъ рѣшеніемъ объ источникахъ многихъ статей Уложенія.

Но помимо состоянія нашихъ законодательныхъ памятниковъ вопросъ о вліяніи источниковъ Уложенія представляется труднымъ самъ по себѣ. Намъ неизвѣстенъ ходъ работъ по составленію Уложенія 1649 года; всѣ свѣдѣнія по этому вопросу остаются до сихъ поръ весьма скудными, и до тѣхъ поръ, пока новыя данныя не обогатятъ нашихъ знаній, они останутся въ положеніи только болѣе или менѣе близкомъ къ истинѣ. При такомъ сознаніи мы, конечно, не разсчитываемъ на послѣднее слово по этому вопросу и имѣемъ въ виду не болѣе какъ 1) указать на тѣ пріемы, какіе могутъ служить къ разрѣшенію указаннаго вопроса, 2) устранить тѣ соображенія, которыя въ качествѣ гипотезъ или апріорныхъ заключеній мѣшаютъ его рѣшенію и 3) показать общія статьи Уложенія и его источниковъ, которыя даютъ основаніе признать соотвѣтствующее мѣсто источника—источникомъ Уложенія. Такова задача настоящей статьи.

Ал. Михайловича (Архивъ Ист. Юр. свѣдѣній, кн. 3). — *Мейчикъ.* Дополнительныя данныя къ исторіи Улож. 1649 г. (Сбор. Арх. инст., кн. 3).—*Его-же.* Поѣздка слушателей института въ Москву (кн. 2) и рецензія на статью Загоскина (кн. 4).—*Дитятинъ.* Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи Москов. государствомъ (Русск. Мысль, 1880 г., № 5).—*Щаповъ.* Земскій соборъ 1648/9 г. (Отеч. Зап. 1862 г., № 11). — *Дитятинъ.* Къ вопросу о земскихъ соборахъ XVII ст. (Русск. Мысль, 1883 г., кн. 12).—*Кавелинъ.* Рецензія на 1 кн. Архива, а вмѣстѣ съ нимъ и на статью Забѣлина (III т.).—*Моск. Телеграфъ*, ч. 37. О подлинномъ Уложеніи.—*Розенкампфъ.* Изслѣдованіе о кормчей книгѣ. *Горчаковъ*, Монастырскій приказъ. — *Пахманъ.* Исторія кодификаціи. — *Строжевъ.* Указная книга помѣстн. приказа (опис. док. и бум. мин. юст., кн. 6). — *Владимірскій-Будановъ.* Хр. по Истор. русск. права и др., также важнѣйшіе курсы исторіи права.

I.

Рѣшеніе вопроса о способахъ въ отысканіи источниковъ Уложенія зависитъ отъ тѣхъ требованій, которыя мы въ правѣ здѣсь предъявить. Извѣстенъ споръ о томъ, представляетъ ли Уложеніе 1649 г. кодексъ или сводъ; не касаясь существа этого спора, намъ кажется и то и другое мнѣніе одинаково несправедливымъ. Уложеніе не кодексъ и не сводъ: Уложеніе 1649 г. — есть сводный кодексъ. Оно не представляется актомъ собранія лишь однихъ дѣйствующихъ нормъ, но, въ то же время, въ немъ нѣтъ одного общаго начала и выдержанной системы. Въ Уложеніи Алексѣя Михайловича видна попытка привести въ систему дѣйствующее право, измѣнивъ его сообразно требованію времени. Отсюда понятно само собою, что мы не можемъ признавать источниками Уложенія только тѣ статьи, которыя буквально повторены Уложеніемъ, такъ какъ Уложеніе не ограничивается только сведеніемъ дѣйствующихъ нормъ въ одну книгу. Составители прилагаютъ въ дѣлѣ заимствованія извѣстную работу сообразно извѣстнымъ началамъ, которыя, хотя и остаются пока не выясненными, но несомнѣнно были—въ этомъ легко убѣдиться изъ сличенія Уложенія съ его источниками. Это отношеніе составителей Уложенія ко всѣмъ источникамъ его безразлично мы должны характеризовать отношеніемъ «свободнымъ», какимъ характеризовалъ г. Владимірскій-Будановъ отношеніе составителей къ Литовскому статуту. Это «свободное отношеніе» должно служить и для насъ отправною точкою въ нашей работѣ. Мы не должны быть педантами, чтобы не повредить дѣлу: даже малѣйшее сходство даетъ право говорить о вліяніи. Такая работа, противная на первый взглядъ юридической точкѣ зрѣнія, однако, для пользы дѣла здѣсь необходима. Таковъ общій принципъ; далѣе мы должны слѣдовать особымъ пріемамъ.

1) Извѣстно, что при многихъ статьяхъ въ подлинной рукописи Уложенія отмѣчены ихъ источники: число такихъ отмѣтокъ простирается до 176. Въ нашемъ изслѣдованіи мы пришли къ положительнымъ фактамъ, оправдывающимъ эти подлинныя отмѣтки въ противуположность мнѣнію проф. Сергѣевича (Юрид. библіографія, № 5), который считаетъ ихъ ничего не доказывающими. Если подлинное Уложеніе дѣлаетъ ссылки на Лит. Статутъ, Стоглавъ, Городскіе законы, Старый Судебникъ, то можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что соотвѣтствующія Уложенію статьи здѣсь имѣютъ свое мѣсто; ожиданія вполнѣ оправдываются сличеніемъ. Надо, однако, замѣтить, что подъ

«Старымъ Судебникомъ» не слѣдуетъ разумѣть судебникъ 1497 г., а оба безразлично и преимущественно, какъ и слѣдовало ожидать, судебникъ царскій. По отношенію къ судебнику есть только одинъ случай, когда подлинное Уложеніе указываетъ его источникомъ, а между тѣмъ въ судебникѣ его нѣтъ—это 15 ст. XXII гл. Она взята изъ указа 145 г. 19 мая (Хрестоматія Вл.-Буд., в. 3, стр. 73). Недоразумѣніе легко объясняется текстомъ указа; здѣсь мы читаемъ: «которые на Москвѣ и въ городѣхъ дѣвки и мужни жены и вдовы, *а по Судебнику* и по Уложенію дойдутъ до смертной казни и т. д.».

Нѣсколько труднѣе говорить о такихъ отмѣткахъ, какъ 1) «изъ уложенія такого-то года», «изъ уложенія», «изъ нынѣшняго уложенія», «изъ земскаго» и затѣмъ 2) «вновь», «попомнить», «вновь прибавлено», «вновь пополнено», «вновь написано», «поговорить съ бояры».

Трудность въ первомъ случаѣ заключается въ томъ, что мы рискуемъ не найти указа, такъ какъ далеко не всѣ указы до насъ дошли. Трудность въ другихъ отмѣткахъ заключается въ ихъ неопредѣленности. Однако и здѣсь ссылки на указы по большей части оправдываются. Только въ рѣдкихъ случаяхъ (XVI. 8, XX. 17. 83, IX. 19) мы находимъ указъ, предшествующій обозначенному году. Но мы знаемъ, что указы нерѣдко повторялись: отсутствіе указа не нарушаетъ дѣйствительность, такъ какъ онъ могъ затеряться. Что касается отмѣтокъ втораго рода, то здѣсь мы не стѣснены требованіемъ полной новизны. Для насъ безразлично, представляется ли статья новою по своей идеѣ, содержанію, или новизна касается части ея, измѣненія, напр., рода или степени наказанія. При этомъ мы не должны преувеличивать вліянія переговоровъ съ боярами на измѣненіе статьи. Переговоры могутъ остаться безъ послѣдствій и статья сохранитъ свой прежній видъ, въ какомъ она заимствуется изъ предшествующаго указа. Во всякомъ случаѣ, полное соотвѣтствіе отмѣтокъ подлинника съ дѣйствительностью при сравненіи ихъ съ Литовскимъ Статутомъ, Стоглавомъ, Городскими законами и судебниками, дошедшими до насъ въ цѣльномъ видѣ, гдѣ нѣтъ той утраты, которая тяжело ощущается въ указныхъ книгахъ, даетъ намъ право считать безъ исключенія всѣ отмѣтки на поляхъ подлинной рукописи Уложенія дѣйствительными и признать ихъ важнымъ указаніемъ въ отысканіи источниковъ Уложенія.

2) Въ самомъ текстѣ Уложенія мы нерѣдко встрѣчаемся съ ссылками на его источники. Мы устраняемъ всякое сомнѣніе относительно ихъ правильности. Указы, годъ которыхъ помѣченъ въ статьяхъ Уло-

женія или на которые сдѣланы ссылки безъ указанія года, по большей части сохранились; сравненіе Уложенія съ ними обнаруживаетъ ихъ сходство и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдываетъ показаніе текста. То же мы должны сказать и о ссылкахъ на правила св. апостоловъ и отцовъ. Отсюда мы не въ правѣ отказывать во вниманіи такимъ отмѣткамъ, какъ: «а нынѣ Государь указалъ» (XVII. 2. XX. III), «впредь съ нынѣшняго Уложенія» (XVII. 42), «впредь съ сего государева указу» (XVII. 44). Эти отмѣтки показываютъ *новое* въ Уложеніи. Такимъ образомъ указаніе текста Уложенія служитъ намъ также путеводной нитью въ нашей работѣ.

3) Внѣ такихъ внѣшнихъ указаній мы должны пользоваться простымъ сличеніемъ Уложенія съ его источниками, а для вліянія выборныхъ помимо указаній текста ихъ челобитными. Что касается сужденія о статьяхъ, представляющихъ собою *дальнѣйшее развитіе предъидущихъ*, метода принятаго г. Загоскинымъ въ опредѣленіи степени участія выборныхъ въ составленіи Уложенія, то нельзя, конечно, не согласиться съ мнѣніемъ проф. Сергѣевича (юрид. библ. № 5), что пріемъ этотъ нѣсколько *шатокъ*. Тѣмъ не менѣе и этимъ пріемомъ намъ не слѣдуетъ пренебрегать тамъ, гдѣ имѣется въ виду опредѣлить не степень участія составителей, выборныхъ или царской думы, а степень вліянія источниковъ на Уложеніе; хотя о многихъ такихъ статьяхъ возможенъ споръ, за то связь одной статьи съ другой въ качествѣ ея дальнѣйшаго развитія въ нерѣдкихъ случаяхъ бросается въ глаза. Тѣмъ не менѣе, этимъ пріемомъ мы старались пользоваться наиболѣе осторожно, и, во всякомъ случаѣ, не даемъ ему рѣшающаго значенія [2]).

II.

Второю нашею задачею служитъ устраненіе тѣхъ соображеній, которыя въ качествѣ гипотезъ или апріорныхъ заключеній могутъ мѣшать рѣшенію вопроса объ источникахъ уложенія. Мы имѣемъ въ виду гипотезу проф. Владимірскаго-Буданова и мнѣніе патріарха Никона объ Уложеніи.

Профессору Владимірскому-Буданову въ его статьѣ «Литовскій

[2]) Мы пользовались слѣд. изданіями источниковъ: *Кормчая книга*—изданіе 1786 г. въ 2-хъ частяхъ, экземляры С.-Пт. университета. *Литовскій статутъ*—изданіе 1811 г. сенатское. *Стоглавъ*—изданіе Кожанчикова 1863 г. *Судебники и Указы* по хрестоматіи Вл.-Буданова. *Указная кн. помѣстн. приказа*—послѣднее изданіе Сторожева (опис. док. и бум. мин. юстиціи кн. 6).

статутъ и Уложеніе царя Алексѣя Михайловича» принадлежитъ честь постановленія Литовскаго Статута въ рядъ источниковъ Уложенія 1649 г. Послѣ него уже никто не сомнѣвается въ степени вліянія этого замѣчательнаго памятника нашего литовско-русскаго права на право великорусское; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему принадлежитъ гипотеза, нѣсколько затрудняющая изслѣдователя и въ то же время не оправдываемая существомъ дѣла. Г. Владимірскій-Будановъ, не допуская возможности непосредственнаго заимствованія изъ Литовскаго Статута при самомъ составленіи Уложенія, думаетъ, что такое предположеніе не облегчило бы, а затруднило рѣшеніе недоумѣній насчетъ быстроты составленія Уложенія. «Составителямъ Уложенія, говоритъ профессоръ, пришлось бы обозрѣвать весь обширный литовско-русскій кодексъ, дѣлать выборъ статей, переводить ихъ на оффиціальный языкъ, согласовать съ прочими туземными законами, наконецъ размѣщать въ разныхъ главахъ». Въ наше время, когда составленіе Уложенія уже не кажется актомъ, завершившимся столь быстро (какъ извѣстно составленіе продолжалось $6^1/_2$ мѣсяцевъ: отъ 16 іюля 1648 г. до 29 января 1649 г.), такое опасеніе становится неосновательнымъ. При этомъ напрасно думаетъ пр. Владимірскій-Будановъ, что весьма достовѣрное предположеніе о томъ, что составители Уложенія были такъ хорошо знакомы со Статутомъ, не облегчаетъ могущія возникнуть сомнѣнія. Къ тому же при знакомствѣ составителей со Статутомъ нѣтъ необходимости предполагать такой работы, какая должна была быть при составленіи Уложенія, по мнѣнію г. Владимірскаго-Буданова. Какъ бы то ни было, г. Владимірскому-Буданову кажется болѣе вѣроятною гипотеза, согласно которой рецепція статей Статута была сдѣлана «раньше составленія Уложенія и предлежала готовою въ указныхъ книгахъ приказовъ». Эту гипотезу профессоръ подтверждаетъ 1) существованіемъ въ нашемъ правѣ «дополнительныхъ статей къ указной кн. разбойнаго приказа», взятыхъ изъ Литовскаго Статута, и 2) слѣдующимъ соображеніемъ: «на подлинномъ Уложеніи, говоритъ профессоръ, отмѣчены взятыми изъ Литовскаго Статута далеко не всѣ статьи, дѣйствительно взятыя оттуда. Отчего это зависѣло? Если признать, что отмѣтки сдѣланы самими составителями (а признать это кажется намъ не только возможнымъ, но и необходимымъ), то хотѣли ли составители Уложенія скрыть свои источники, или они сами не знали подлиннаго источника нѣкоторыхъ своихъ постановленій? Для перваго не было никакихъ причинъ, по крайней мѣрѣ, мы ихъ придумать не можемъ;—остается второе. Составители Уложенія дѣйствительно могли не знать въ нѣкоторыхъ

случаяхъ своихъ источниковъ, если постановленія Статута уже ассимилированы, слиты съ туземными законами такъ, что слѣды ихъ иноземнаго происхожденія совсѣмъ исчезли». Такъ думаетъ проф. Владимірскій-Будановъ. Посмотримъ, однако, насколько это справедливо? Что отмѣтки на поляхъ рукописи принадлежатъ самимъ составителямъ, въ этомъ сомнѣваться нѣтъ основаній. Въ то же время, мы, конечно, не думаемъ, чтобы въ составителяхъ Уложенія было какое-либо желаніе скрыть свои источники. Такое предположеніе было бы вполнѣ неосновательнымъ и не имѣющимъ за собою никакихъ оправданій. Но основывать свои предположенія на томъ, что далеко не всѣ статьи, на самомъ дѣлѣ заимствованныя изъ Статута, имѣютъ при себѣ указанія въ подлинникѣ, ни въ какомъ случаѣ нельзя. Намъ извѣстно также, что далеко не всѣ статьи, взятыя на самомъ дѣлѣ изъ гражданскихъ законовъ, Стоглава, судебниковъ и указовъ, помѣчены въ рукописи; только незначительная часть имѣетъ при себѣ эти отмѣтки, а между тѣмъ немыслимо предположить въ составителяхъ незнаніе этихъ памятниковъ или желаніе скрыть свое заимствованіе, тѣмъ болѣе, что эти послѣдніе источники оффиціально предложены составителямъ для пользованія при ихъ работѣ.

Что касается подтвержденія гипотезы ссылкою на статьи, заимствованныя изъ Литовскаго Статута и составляющія прибавленіе къ уставной кн. разбойнаго приказа, то при ближайшемъ сличеніи мы положительно убѣдились, что статьи прибавленія несравненно далѣе отстоятъ отъ текста Уложенія, нежели соотвѣтствующія §§ Литовскаго Статута; это легко обнаруживается даже при самомъ поверхностномъ сравненіи (ниже, рядомъ съ статьями Литовскаго Статута, мы указываемъ статьи прибавленія). Такимъ образомъ, намъ кажется наиболѣе вѣроятнымъ непосредственная рецепція Литовскаго Статута при самомъ составленіи уложенія.

Переходимъ къ мнѣнію патріарха Никона (Записки отдѣленія русской и славянской археологіи Импер. русск. археол. общества, т. 2). Оставляя въ сторонѣ исторію этого длиннаго посланія, заключающаго въ себѣ мнѣніе патріарха объ Уложеніи, какъ не имѣющую близкаго отношенія къ существу нашей задачи, мы постараемся въ нѣсколькихъ словахъ показать характеръ этого мнѣнія и обнаружить, насколько неправъ Никонъ въ своихъ нападкахъ на составителей Уложенія въ лицѣ предсѣдателя кодификаціонной коммиссіи кн. Одоевскаго. Никонъ возмущался отношеніемъ Одоевскаго и его товарищей къ составленію Уложенія. «Одоевскій врагъ Божій и всякой истины, писалъ Никонъ, все солгалъ: изъ правилъ апостолъ и свя-

тыхъ отецъ и благочестивыхъ царей градскихъ законовъ ничего не выписалъ, яко же и самая та уложенная беззаконная книга свидѣтельствуетъ беззаконія ихъ». Но правъ ли Никонъ? Начнемъ съ того, что изъ всѣхъ статей Уложенія, которыми патріархъ подтверждаетъ свое обвиненіе, только одна оказывается такою, которая въ текстѣ своемъ ссылается на правило святыхъ отцовъ (XVII. 1). Между тѣмъ, если бы Никонъ былъ правъ, то къ нимъ прежде всего долженъ былъ бы онъ обратиться. Между тѣмъ, Никонъ этого не дѣлаетъ и тѣмъ самымъ уже a priori возбуждаетъ къ себѣ наше недовѣріе. Но далѣе, посмотримъ, каковы же тѣ доводы, которые патріархъ такъ краснорѣчиво намъ предлагаетъ.

Свои доказательства патріархъ начинаетъ съ X гл. Первая статья этой главы установляетъ судъ: «судъ государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, судити боярамъ и окольничьимъ и т. д.». «Како же ты, восклицаетъ патріархъ, спасителю суда царски, а реку беззаконія, судъ глаголеши государя царя. Судъ бо Божій есть и отъ сперва, а не царевъ». Итакъ, Никонъ возмущенъ тѣмъ, что кн. Одоевскій установляетъ судъ государя,—судъ, который въ томъ же видѣ былъ и прежде, а не Божій. «Отвѣчай, говоритъ Никонъ, въ которыхъ то правилѣхъ написано, что судъ великаго государя царя, а не Божій». Мы увѣрены, что кн. Одоевскій не хуже Никона зналъ основныя ученія Христа, но странно было бы читать въ X гл. 1 ст.: «судъ Божій» вмѣсто «суда государя». Между тѣмъ на этомъ мѣстѣ патріархъ преимущественно основываетъ свои обвиненія. Онъ возвращается къ этому вопросу нѣсколько разъ. Ниже онъ говоритъ: «покажи намъ, гдѣ есть въ апостольскихъ и святыхъ отецъ и благочестивыхъ царей градскихъ законахъ и въ старыхъ судебникахъ прежнихъ великихъ государей: судити боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ людямъ и т. д.». «Покажи, восклицаетъ Никонъ, и не отрекися». Это обвиненіе, подобно обвиненію за 25 ст. X гл., въ высшей степени странно. Патріархъ недоволенъ тѣмъ, что въ 25 ст. Одоевскій на ряду съ днемъ Рождества Христова, днемъ св. Богоявленія и иными господними праздниками ставитъ рожденіе государя, его супруги и дѣтей. Между тѣмъ кн. Одоевскій въ обоихъ случаяхъ не вводитъ ничего новаго. Никону стоило бы обратиться къ судебникамъ и Стоглаву, чтобы въ этомъ убѣдиться. Столь же странны сѣтованія патріарха на уравненіе наказаній за преступленія религіозныя и государственныя и на статьи «о безчестьи». Въ послѣднемъ случаѣ Никонъ желаетъ осуществленіе идей, завѣщанныхъ Христомъ: «аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди об-

личи его; аще ли послушаетъ тебѣ, пріобрѣлъ еси брата своего и т. д.».

Посмотримъ теперь, насколько справедливо обвиненіе патріарха за 1 ст. XVII главы. По поводу этой статьи Никонъ пишетъ: «Правилъ такихъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ не обрѣтается». Однако кн. Одоевскій воспроизводитъ въ этой статьѣ указъ 136 г. 3 декабря (1628), гдѣ ссылка на правила св. апостоловъ и отцовъ имѣется. Таковы доводы патріарха. Мы разсмотрѣли ихъ только вкратцѣ, но и этого довольно, чтобъ показать ихъ неосновательность.

III.

Переходимъ къ указанію сходныхъ статей Уложенія и его источниковъ. Мы ограничиваемся здѣсь простымъ сопоставленіемъ, дѣлая отступленія только тамъ, гдѣ того требовали, какъ намъ казалось, обстоятельства дѣла. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы не могли указать прямаго источника статьи, а между тѣмъ намъ извѣстны подходящіе примѣры изъ практики, мы старались ихъ указывать. Само собою разумѣется, что тѣ статьи, объ источникахъ которыхъ мы не могли прійти къ какому либо заключенію, не вошли въ нашъ указатель. Помѣтки при статьяхъ въ подлинной рукописи Уложенія мы сохранили, обозначая ихъ курсивомъ.

Глава I.

1. *Изъ Моисеева Закона.* Кормч. кн., ч. II, гл. 45.

2 и 3. Стоглавъ, гл. 67.

4, 5, 6. Лит. Ст., раз. 11, ар. 3.

7. Изъ 4, 5, 6.

8, 9. См. мятежъ 1648, также 1650 и 1662 (Архангельскій). Мѣры къ пресѣченію безпорядковъ 1636 (А. А. Э. III, 264).

II.

1. *Изъ Литовскаго.* Раз. 1 ар. 3, § 1.

2. Тамъ же, § 2 и 3.

3. Тамъ же, § 3 и 4.

4. *Изъ градскихъ.* Грань 39, ст. 18.

5. Лит. Ст. раз. 1, ар. 3, § 5.

6. Тамъ же § 6 и 7.

7. Тамъ же § 6.

8. Тамъ же, ар. 6, § 1 и ар. 7, § 2.

9, 10, 11. Тамъ же, ар. 7, § 3.

12. Тамъ же, ар. 7, § 4.

13, 14. Град. зак. гр. 39, ст. 41.

15, 16. Лит. Ст. раз. 1, ар. 7, § 4.

17. Лит. Ст. раз. 1, ар. 5, § 2 и ар. 2, § 2.

18—22. Близкое сходство съ надкрестными записями (А. А. Э. II, 10, 37, 44. Собр. гос. гр. и дог. III, 5).

III.

Вся изъ Лит. Статута.

1. Раз. 1 ар. 9, § 1.

2. » — » § 2.

3, 4, 5. — » § 3.

6. Раз. — ар. 10, § 1.

7. Раз. [illegible] ар. [illegible] § 2.

8. » 10 » 4, § 1 и ар. 7, § 1. Также раз. 14, ар. 27.

9. Раз. 14, ар. 22, § 1.

IV.

Лит. Ст. раз. 1, ар. 16.

V.

1. Лит. Ст. раз. 1, ар. 17, § 1.

2. » » » » § 2.

Необходимо замѣтить, что виновные въ дѣланіи фальшивой монеты и до уложенія карались тѣмъ же способомъ (см. грамота 1637 г. А. А. Э. III, 266. Хрис. Вл. Буд. вып. 3, стр. 73). Однако заимствованіе изъ Лит. ст. не подлежитъ сомнѣнію.

VI.

Сюда относятся ар. 16, раз. 3, Лит. статута. Это единственный предметъ «о вольности выѣханья» изъ всѣхъ конституціонныхъ правъ статута, о которомъ уложеніе сочло возможнымъ говорить (см. Влад. Будановъ въ его статьѣ). Сюда можно отнести только § 1.

VII.

1. Лит. Ст. раз. 2, ар. 1 — 5, но уложеніе говоритъ иное сообразно различію условій воинской службы.

2. Лит. Ст. раз. 2, ар. 6, § 1 и 4.

3, 4, 5. Лит. Ст. раз. 2, ар. 6, § 4.

6, 7. » » » » § 5 и 6.

8. » » » » 10, § 2.

9. » » » » § 3.

10—16. » » » » 17.

17. » » » » 11 и 12.

18. Изъ 17.

19. Лит. Ст. раз. 2, ар. 14.

20. *Изъ градскихъ*. Гр. 39, ст. 17.

21—25. Лит. Ст. раз. 2, ар. 19 и 20.

26, 27. Лит. Ст. раз. ар. 25, § 1 и 2.

28. Градск. зак. гр. 39, ст. 53.

29. *Изъ градскихъ.* Тамъ же.

30. *Изъ Литовскаго.* Раз. 2, ар. 18, § 1 и 2.

31. Изъ 30.

32. Лит. Ст. раз. 2, ар. 21, § 1 и 2.

Слѣдуетъ замѣтить, что постановленія о ратномъ дѣлѣ въ московскомъ государствѣ были достаточно развиты и до уложенія, что видно изъ сообщеній г. Загоскина («столы разряднаго приказа» 1878). По словамъ г. Загоскина, въ столахъ разряднаго приказа сосредоточивается главнымъ образомъ вѣдѣніе ратнаго дѣла. Эти матеріалы не изданы.

VIII.

Составлена при участіи выборныхъ; въ этомъ мы убѣждаемся изъ послѣдующаго указа 1651 г. (А. И. IV, 43). Этотъ указъ далъ возможность проф. Загоскину считать VIII гл. новою. Въ противуположность этому г. Мейчикъ (Сб. Арх. инстр. 4), въ рецензіи на статью проф. Загоскина старался доказать, что она «безспорно не новая». Однако, мы позволяемъ себѣ съ этимъ не согласиться. Конечно, выкупъ плѣнныхъ существовалъ и прежде, но здѣсь не слѣдуетъ разумѣть самый институтъ выкупа, а измѣненіе въ его порядкѣ. Со времени уложенія деньги на выкупъ плѣнныхъ собираются со всего московскаго государства, со всѣхъ сословій, не исключая духовенства и государевыхъ дворцовыхъ селъ, *по новымъ переписнымъ книгамъ, а не по сошному письму, какъ было прежде*, о чемъ свидѣтельствуетъ 1 ст. этой главы. Съ этой точки зрѣнія постановленіе VIII гл. новое. Вотъ исторія этого вопроса. Если мы припомнимъ время стоглаваго собора (1551 г.) и результатъ его дѣятельности—«Стоглавъ», то мы увидимъ, что въ чи-

слѣ вопросовъ, занимавшихъ царя Ивана Васильевича и предложенныхъ на разрѣшеніе собора, былъ вопросъ «о полоненикахъ» (Стоглавъ, гл. V). Вопросъ этотъ показываетъ, что до Стоглаваго собора выкупъ плѣнныхъ не входилъ въ обязанность государственной благотворительности. Плѣнные выкупались своими средствами и слѣд., у кого ихъ не было, того «опять возятъ въ бесерменьство». Царь обращаетъ вниманіе на эту несправедливость и приглашаетъ церковь помочь своими средствами. Соборъ разрѣшаетъ вопросъ «о полоненикахъ», но, вопреки желанію царя, возлагаетъ выкупъ на суммы «изъ царевы казны», которые для цѣлей выкупа должны быть разложены «на сохи по всей земли» (72 гл. Стоглава). Это соборное рѣшеніе о плѣнныхъ сильно не нравилось бывшему митрополиту Іосифу, который въ своихъ замѣчаніяхъ на нѣкоторыя опредѣленія собора, по вопросу о плѣнныхъ сталъ на сторону царя и высказался противъ рѣшенія собора (см. 41 прил. къ 100 гл. Стогл.). Такимъ образомъ, можно съ полною увѣренностью утверждать, что выкупъ плѣннаго составляетъ до Стоглаваго собора предметъ его собственныхъ заботъ. Принципъ государственной благотворительности по этому вопросу впервые вошелъ въ «Стоглавъ» и чрезъ него въ уложеніе 1649 г. Уже г. Архангельскій замѣтилъ заимствованіе этого принципа и его повтореніе почти буквальными словами. Но, если принципъ государственной благотворительности о плѣнныхъ вошелъ въ уложеніе чрезъ вліяніе на него Стоглава, то выкупъ на средства также и духовенства взятъ уложеніемъ изъ отвѣта Іосифа.

IX.

1—5. Изъ указа 150 г. (1642) (Хр. Вл. Буд. вып. 3, стр. 159). Вл.-Буд. указываетъ на заимствованіе изъ Лит. Ст. раз. 1, ар. 30. Сравненіе скорѣе оправдываетъ наше мнѣніе.

7, 8. Изъ 1—5.

9—18. Лит. Ст. раз. 1, ар. 29.

19. *Изъ уложенія 154 г.* Указъ этого года не сохранился, но мы имѣемъ буквально повторенный указъ 150 г.

20. Изъ того же указа (Хр. Вл. Буд., вып. 3, стр. 159—160).

X.

1. Ц. суд. 1.

2. Ц. суд. 7, кн. суд. 2.

5. Ц. суд. 3, 28, 32.

6. Ц. суд. 3.

7 и 8 изъ 5.

9. Ц. суд. 6.

10. Ц. суд. 2.

11. *Изъ нынѣшняго уложенія.* Такая отмѣтка встрѣчается только два раза: при 11 и 14 этой главы. Подъ этою отмѣткою слѣдуетъ разумѣть указъ, современный уложенію. Указъ до насъ не дошелъ.

12. Ц. суд. 4 и 5.

13. Ц. суд. 28.

14. *Изъ стараго судебника и изъ нынѣшняго уложенія.* Ц. суд. 7, см. выше ст. 11.

19. Указъ 7090 (1582 г.) (Хр. Вл. Буд., вып. 3, стр. 35).

20. Ц. суд. 7.

21. *Изъ уложенія 154 г.* Указъ не дошелъ.

22. *Изъ Литовскаго.* Раз. 4, ар. 77.

23. Лит. Ст. раз. 4, ар. 4, § 1.

24. » » » » § 4.

25. Предъ словами: «Въ день рождества Христова», написано: *отъ втораго закона.* Этою отмѣткою составители указываютъ основаніе почитанія извѣстныхъ дней. Это основаніе см. во Второзаконіи гл. 5. Самая же статья взята изъ 94 гл. Стоглава.

26. Указъ 155 г. 17 марта (Хр. Вл. Буд., вып. 3, стр. 175).

27—99. Вопросъ о чести по уложенію Алексѣя Михайловича любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Здѣсь мы находимъ обширную лѣстницу штрафовъ, стоящую въ зависимости отъ положенія лица оскорбленнаго, отъ мѣста имъ занимаемаго и сословнаго происхожденія. Въ судебникѣ мы имѣемъ ст. 26, ближе всего соотвѣтствующую ст. 94 и 99 уложенія. Кромѣ того, видно, что уложеніе сохраняетъ тотъ же пріемъ соизмѣренія чести: 1) Положеніе лица въ государствѣ (служба) и обществѣ (состояніе). 2) Трудность лица защищать свою честь.

Можно указать на сходство съ Лит. Ст. раз. 12, ар. 3—7. Оба памятника различаются перечисляемыми лицами и величиною штрафовъ, что должно быть отнесено къ различію бытовыхъ условій. Различие въ размѣрахъ безчестья монастырскихъ чиновъ зависитъ отъ степеней монастырей. Извѣстія о нихъ доходятъ до $1/2$ XVI в. Съ небольшими измѣненіями порядокъ сохранился до уложенія (Исторія церкви митр. Макарія, т. VII).

100. Кн. Суд. 28, цар. 44, указъ 1582 г. (Хр. Вл. Буд , вып. 3, стр. 35).

103. Лит. Ст. раз. 4, ар. 65.

105. » » » 4 » 62, § 1.

106. » » » 4 » 7, § 1 и 2.

107 изъ 106.

108. Лит. Ст. раз. 4, ар. 23.

109. *Изъ Литовскаго.* Тамъ же.

110. *Изъ уложенія.* Указъ 136 г. (Хр. Вл. Буд. вып. 3, стр. 130).

111. *Попомнить.* Указъ 149 (тамъ же 162).

112. Указы 136 и 137 г. (тамъ же 129, 131).

113. Указъ 136 (тамъ же 130).

116. *Изъ Литовскаго.* Раз. 4, ар. 16, § 1.

117. Указъ 136 г. (Хр. Вл. Буд. вып. 3, стр. 128—9).

118, 119, 120. Указъ 136 г. (тамъ же, 130).

121. См. указъ 1629. Тамъ же, 140).

Послѣднія ст. 111—123 о съѣздахъ въ уложеніи наиболѣе сбивчивы. Однако, самое поверхностное сравненіе уложенія и предыдущихъ указовъ по этому вопросу, вошедшихъ въ росписи статейныхъ списковъ 7136 и 7 годовъ, убѣждаютъ въ несомнѣнномъ сходствѣ.

124. Старая; см. грамота «о судныхъ пошлинахъ въ Пермь Великую» (А. А. Э. II, 46).

125. Изъ обычая «по прежнему».

126. Указъ 132 г. (Хр. Вл. Буд., вып. 3, стр. 128—9 и 120).

128, 129. Ц. суд. 28.

132. Лит. Ст. раз. 7, ар. 18.

133. *Изъ Литовскаго.* Раз. 1, ар. 25.

134. Лит. Ст. раз. 1, ар. 25, § 7.

135. » » » 1 » 26, § 1 и 2.

136. *Изъ стараго судебника.* Ц. суд. 25.

137. *Вновь.* Ст. 137 — 141 и слѣд. 146, 147, 149 отличаются общею тенденціею подчинить дѣятельность органовъ власти нѣкоторымъ стѣсненіемъ въ ихъ произволѣ (см. Мейчикъ Сборн. Арх. инст. кн. 3, о нѣкоторыхъ изъ этихъ статей).

142. *Изъ Литовскаго.* Раз. 4, ар. 11, § 1, 3 и 4.

143 изъ 142.

144. *Изъ стараго судебника.* Ц. суд. 45, кн Суд. 29.

146, 147. *Вновь прибавлено.* Новая здѣсь строгость наказанія (Мейчикъ, тамъ же, кн. 4).

148. *Изъ стараго Судебника.* Кн. Суд. 31, Ц. Суд. 47.

149. *Вновь написано.*

150. Ц. Суд. 24.

151. *Изъ уложенія 154 г.* Указъ не дошелъ.

152. Указъ 136 (Вл. Буд., хр. вып. 3, 133

153. *Изъ уложенія.* Не дошелъ, сравни Ц. суд. 43.

154. *Изъ Литовскаго.* Раз. 4, ар. 25, § 1.

155. *Изъ уложенія 137 г.* (хр. Вл. Буд., вып. 3, стр. 140—1).

156, 157. *Изъ уложенія 137 г.* Тамъ же, 136—7.

158, 159, 160. Старыя; см. указъ 7064 г. ст. 8 и 9 (тамъ же, стр. 8).

161. Тамъ же, ст. 3, 4, 12 и 13.

162, 163. Тамъ, ст. 4 и 5.

164 и 165 изъ предыдущихъ.

166. Тамъ же, ст. 6. Въ текстѣ ссылка на 162 ст.

167, 168. Тамъ же, ст. 2 и 3.

169. Гр. зак. гр. 27, ст. 4.

170. Тамъ же, ст. 8.

171. *Изъ градскихъ.* Тамъ же, ст. 15.

174. Тамъ же, ст. 25.

183 и 184. *Изъ Литовскаго.* Раз. 4, ар. 66, § 1.

185. *Вновь.*

186. Лит. Ст. раз. 14, ар. 10.

187, 188 изъ 186.

189. *Изъ уложенія 143 г. Поговорить о той статьѣ съ бояры.* Указъ 143 (хр. Вл. Буд., вып. 3, стр. 147).

190, 191, 192 изъ 189.

194. *Изъ Литовскаго.* Раз. 7, ар. 30, § 1.

195. *Изъ Литовскаго.* Тамъ же, § 2 и 3.

196. *Изъ Литовскаго.* Тамъ же, ар. 27.

197. *Изъ Литовскаго.* Тамъ же.

198. *Изъ Литовскаго.* Раз. 11, ар. 1, § 1.

200. Лит. Ст. раз. 11, ар. 19, § 1, есть болѣе отдаленное сходство съ гр. зак., гр. 39, ст. 39.

201. Лит. Ст. раз. 11, ар. 22, § 1. См. приб. къ уст. кн. раз. прик. ст. 9.

202. *Изъ Литовскаго.* Раз. 10, ар. 40, § 1 и 2.

203. Лит. Ст. раз. 1, ар. 27, § 1 и 2.

204. Указъ 136 г. (Хр. Вл. Буд., вып. 3, 132).

205. Лит. Ст. раз. 1, ар. 27, § 3.

206. Ц. суд. 90.

207. *Изъ Литовскаго.* Раз. 11, ар. 48, § 1.

208. *Изъ Литовскаго.* Раз. 13, ар. 2, § 1—4.

209, 210. Лит. Ст. раз. 13, ар. 3, 4 и 5. при 210 *Изъ Литовскаго.*

211. *Изъ Литовскаго* }
212. Лит. Ст. } Раз. 9, ар. 22, § 1 и 2.
213. » » }

214. *Изъ Литовскаго.* Раз. 10, ар. 9, § 1 и 2.

215. Лит. Ст., раз. 10, ар. 10, § 1.

216. » » » 10, » 11, § 1, приб. къ уст. кн. раз. пр. 5.

217. *Изъ Литовскаго.* Раз. 10, ар. 12, § 1 и 2, пр. къ уст. кн. раз. пр. 5.

218. *Изъ Литовскаго.* Раз. 10, ар. 13, § 1, приб. ст. 3.

219. *Изъ Литовскаго.* Раз. 10, ар. 14, § 1 и 2, приб. ст. 4.

220. *Изъ Литовскаго.* Раз. 10, ар. 15, § 1.

221. *Изъ Литовскаго.* Раз. 10, ар. 16, § 1 и 2, приб. 7.

222. Тамъ же.

223. *Изъ Литовскаго.* Раз. 10, ар 17, § 1.

224. *Изъ градскихъ.* }
225. *Изъ градскихъ.* } Гр. 39, ст. 76.

226. *Изъ градскихъ.* Гр. 39, ст. 77.

227. *Изъ градскихъ.* Гр. 17, ст. 1.

228. *Изъ градскихъ.* Гр. 39, ст. 18.

229. Источника ея мы не знаемъ, но основаніемъ ея служитъ запрещеніе держать бѣглыхъ крестьянъ; см. XI гл.

230. *Изъ стараго судебника.* Кн. Суд. 61, Цар. 86.

231. Лит. Ст. раз. 9, ар. 18, § 1 и 2.

232. » » » 9 » 9.

233. *Изъ градскихъ.* Гр. 39, ст. 48.

234. *Изъ Литовскаго.* Раз. 9, ар. 18, § 2, (конецъ).

235. *Изъ Литовскаго.* Раз. 9, ар. 4, и раз. 4, ар. 83, § 2.

236. *Вновь пополнено.* Сюда же надо отнести ст. 237. Изъ позднѣйшаго указа (П. С. 3, т. I, № 580) видно, что ст.

236 попала въ уложеніе изъ наказа межевникамъ 135 и 136 г. Изъ указа видно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда сторожиловъ не было, споры о землѣ разрѣшались «образнымъ хожденіемъ», т. е. въ порядкѣ, удержавшемся въ уложеніи. О случаяхъ споровъ старожиловъ указъ не говоритъ, равно какъ объ этомъ не упоминаетъ наказъ. Этотъ случай предусмотрѣнъ ст. 237; по этой статьѣ споры старожиловъ разрѣшаются жребіемъ, что и составляетъ «пополненіе».

238. *Изъ Литовскаго*. Раз. 9, ар. 21, § 1.

239. *Изъ Литовскаго*. Раз. 10, ар. 3, § 1 и 2.

240. Лит. Ст. раз., 10, ар, 3, § 3, конецъ.

241. Лит. Ст. раз. 10, ар. 3, § 5.

242. » » » 10 » 4, § 1.

243 изъ 242.

244. *Изъ Литовскаго*. Раз. 7, ар. 23, § 1.

245. *Изъ Литовскаго*. Раз. 7, ар. 18, § 1.

246. Лит. Ст. раз. 7, ар. 7, § 1.

247. » » » 7 » 26, § 1.

248. Указъ 137 (Хр. Вл.-Буд., вып. 3, стр. 137).

249 изъ 248.

255. *135 году*. Не дошелъ. Въ текстѣ ссылка на правила св. апостоловъ и св. отецъ. См. 44 пр.

256. Указъ 137 (Хр. Вл. Буд., вып. 3, стр. 135).

257 изъ 256.

258. *137 году*. Не дошелъ.

259. *Изъ градскихъ*, гр. 16, ст. 12 и 13.

260. *Изъ градскихъ*, гр. 16, ст. 12 и 13.

261. *Изъ Уложенія*, указъ 136, ст. 7. (Хр. Вл.-Буд., в. 3, 132).

262. 263. 264. Изъ 261.

269. *151 года* (Хр. Вл.-Буд., в. 3, стр. 163).

270. Ук. кн. разб. прик., ст. 21. Сюда вошла часть статьи цѣликомъ; см. XX гл., 50 ст.

272. *Изъ градскихъ* гр. 17, ст. 9.

273. *Изъ градскихъ* гр. 17, ст. 10.

274. Град. зак. гр. 39, ст. 50.

275. *Изъ градскихъ* гр. 17, ст. 22.

276. *Изъ градскихъ* гр. 16, ст. 5; см. Ц. суд. 90.

277. *Изъ градскихъ* гр. 38, ст. 44.

278. *Изъ градскихъ* гр. 38, ст. 17.

279. Град. зак. гр. 18, ст. 18.

280. *Изъ Литовскаго* раз. 3 ар. 24 § 1 и 2.

281. 282. 283. Лит. ст. раз. 13, ар. 13, § 1 и 2. Приб. къ уст. кн. разб. прил. 12.

284. Лит. ст. раз. 13 ар. 14, § 1. Приб. къ уст. кн. разб. прик. 13.

XI.

Иниціатива выборныхъ въ составленіи XI гл. и, главнымъ образомъ, въ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ — несомнѣнна. Но, прежде чѣмъ придти къ заключенію о степени участія выборныхъ въ составленіи этой главы, необходимо указать на предшествующіе указы, относящіеся въ вопросу о прикрѣпленіи крестьянъ. О мѣрахъ, принимаемыхъ къ прекращенію бѣгства крестьянъ, можно говорить нисходя не ранѣе конца XVI вѣка. Только съ этого времени встрѣчаются указанія, что крестьянъ называютъ бѣглыми. Можно, слѣдовательно, предположить, что былъ указъ, которымъ запрещался переходъ крестьянъ и въ Юрьевъ день. Такой указъ относятъ къ 1592 г., основываясь на словахъ указа 1598 г.: «которые крестьяне бѣжали до нынѣшняго 106 г. (1598) за пять лѣтъ, на тѣхъ давати судъ». Но, какъ справедливо замѣтилъ проф. Сергѣевичъ (лекціи 1888 г.), такой выводъ нарушается послѣдующими словами указа 1598. По смыслу этого указа можно было и того отыскивать, кто бѣжалъ ранѣе, надо было только своевременно бить объ этомъ

челомъ. Слѣдуя, такимъ образомъ, мнѣнію проф. Сергѣевича, надо признать, что указъ о прикрѣпленіи крестьянъ былъ ранѣе 1592 г. Такимъ указомъ профессоръ считаетъ указъ Ѳеодора Ивановича, основываясь на указѣ Шуйскаго. О немъ ниже.

Отъ 1601 и 1602 г. (А. А. Э. II. 20. 23) мы имѣемъ частныя мѣры Бориса Годунова, касающіяся выхода крестьянъ. Въ 1606 году (А. А. Э. II. 40) пятилѣтняя давность исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ подтверждена боярскимъ приговоромъ, но въ 1607 г. замѣнена 15-лѣтней, если вѣрить указу, который приписывается Шуйскому. Погодинъ отвергаетъ подлинность этого указа, Костомаровъ, г. Влад.-Будановъ и г. Сергѣевичъ его признаютъ. Мы склоняемся на сторону Погодина и вотъ почему. Отъ 1615 г. мы имѣемъ грамоту Троице-Сергіевскому монастырю, изъ которой видно, что по челобитью монастыря (слѣд.: въ видѣ льготы) 1614 года разрѣшено отыскивать бѣглыхъ крестьянъ за 9 лѣтъ, т. е. съ 1606, а по второму челобитью 1615 г. велѣно сыскивать съ 7113 (1605 г.) сентября съ 1 числа и тому 11 лѣтъ (А. А. Э. III. 66). Объ этой привилегіи мы узнаемъ также изъ писцоваго наказа 1646 г. (А. А. Э. IV 14) Изъ этого наказа мы узнаемъ, что въ 1637 г. «Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ дворянъ и дѣтей боярскихъ украинскихъ и замосковскихъ городовъ, по ихъ челобитью велѣлъ имъ на бѣглыхъ крестьянъ въ крестьянствѣ давать судъ противъ Троицко-Сергіева монастыря властемъ, въ то время бѣглыхъ крестьянъ по суду отдавали за девять лѣтъ».

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ 1614 и 15 г., а затѣмъ въ 1657 г. въ видѣ льготы дано право отыскивать крестьянъ за 9 лѣтъ. Отсюда слѣдуетъ заключеніе: если бы урочныя лѣта были не до 5 лѣтъ, а въ 15, согласно указу Василія Шуйскаго 1607 г., то ни Троицко-Сергіевскому монаст., ни украинскимъ и замоск. дворянамъ просить о правѣ отыскивать бѣглыхъ крестьянъ за 9 лѣтъ и за 11 не имѣло бы смысла. Отсюда наше сомнѣніе въ подлинности этого указа. Во всякомъ случаѣ прикрѣпленіе и установленіе урочныхъ лѣтъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ совершено въ царствованіе Ѳеодора Ивановича. Въ этомъ насъ достаточно убѣждаетъ писцовый наказъ 1646 г., который, подтверждая 10-лѣтній срокъ урочныхъ лѣтъ, начинаетъ ихъ исторію съ Ѳеодора Ивановича установленіемъ пятилѣтняго срока въ 1598 г., а самъ указъ 1598 г. даетъ право думать, согласно замѣчанію проф. Сергѣевича, что общею мѣрою былъ указъ ранѣе 1598 г.

Въ 1641 г. Михаилу Ѳеодоровичу подано челобитье, въ отвѣтъ на которое урочныя лѣта увеличены до 10 лѣтъ (Хр. Вл-Буд., вып. 3, стр. 154). Срокъ этотъ, подтвержденный въ 1646 г. Ал. Михайловичемъ, сохранилъ свою силу до Уложенія, когда урочныя лѣта отмѣнены по челобитью выборныхъ. Объ этомъ челобитьѣ 1648 г. мы узнаемъ изъ грамоты 1649 г. Звенигородскому воеводѣ (А. И. IV. 30). Отвѣтъ на это челобитье вошелъ въ 1 и 2 ст. XI гл. Уложенія.

3. Новая, видно изъ текста: «по нынѣшній Государ. указъ».

4. Объ отписяхъ до Уложенія не упоминается, но отпускныя давались и прежде за подписью дьяковъ въ Москвѣ и въ городахъ. Ц. Суд. 77.

5. Принципъ «не билъ челомъ—не можешь искать» тотъ же, что въ указѣ 1598 г.

6. Взиманіе «Государевыхъ податей не съ тѣхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, за кѣмъ бѣглые крестьяне въ бѣгахъ жили, а съ тѣхъ, «за кѣмъ они по отдачѣ учнутъ жить въ крестья-

нахъ» — мѣра новая, какъ призналъ еще Бѣляевъ (Латкинъ, Лекціи).

7. Извѣстное начало: страдаетъ тотъ, кто могъ бы узнать, бѣглый ли крестьянинъ или нѣтъ.

8. Новая. См. текстъ: «кто до сего Госуд. Уложенія».

9. 10. Изъ писцоваго Наказа.

11. Новая. Она даетъ силу книгамъ 1646 и 7 годовъ, т. е. переписямъ, предпринятымъ Ал. Мих.

12. 13. 14. Новыя. Изъ текста 12 ст. «съ сего Гос. указу».

15. 16. 17. 18. *Вновь.*

19. Старыя, см. ук. 1597 г. (Хр. Вл.-Буд. вып. 3, стр. 89).

20. 21. Изъ Писцоваго наказа 1646 г.

22. Изъ челобитья 1648 г. (А. И. IV. 30).

23. *149 году.* Отвѣтъ на челобитье этого года (см. Хр. Вл.-Буд. в. 3, стр. 152).

24. Первая часть изъ писцоваго наказа, вторая новая: «и впредь сентября съ 1 числа нынѣшняго 157 г.».

25. 26. 27. Изъ указа 136 (Хр. Вл.-Буд., вып. 3, стр. 131).

28. *Изъ Уложенія*, изъ писцоваго наказа.

29. *Изъ Уложенія, 156 г.* не дошелъ.

30. *Вновь.*

31. Изъ 30.

32. Ц. Суд. 78. указъ 1559 г. (Хр. Вл.-Буд., вып. 3, стр. 105—6).

XII.

1. *149 году.* Челобитье этого года и указъ царя, см. Хр. Вл.-Буд., вып. 3, стр. 152—161.

2. Установляетъ наказаніе за неправильныя обвиненія. Въ виду новизны постановленія, вѣроятно, внесена самими составителями Уложенія. Въ указѣ подобной статьи нѣтъ.

3. Дословно изъ того же указа на челобитье 149 г.; см. 1 ст. этой главы.

Въ литературѣ мы встрѣчаемся съ мнѣніемъ г. Платонова, согласно которому 3 ст. XII гл. составляетъ краткій пересказъ 2 ст. XIII гл. въ примѣненіи къ болѣе ограниченному кругу. Мы не можемъ съ этимъ согласиться; хотя обѣ статьи установляютъ право подавать встрѣчный искъ въ тѣхъ же приказахъ, но одна устанавливаетъ его для людей патріаршихъ, другая для митрополичьихъ, архіепископскихъ и т. д. Если бы во 2 ст. XIII гл. были упомянуты также люди патріаршіи, то 3 статью XII гл., выдѣлившую для нихъ постановленіе въ отдѣльную ст., можно было бы считать краткимъ пересказомъ 2 ст. XIII гл. При настоящемъ положеніи дѣла къ этому заключенію прійти нельзя.

Нельзя не замѣтить, что оставленіе патріарху его прежнихъ правъ не есть «исключеніе, указывающее, какъ думаетъ проф. Горчаковъ (Монастырскій приказъ, стр. 73), епархіальнымъ архіереямъ на возможность независимости отъ Государственнаго суда и служащее напоминаніемъ прежней самостоятельности церковныхъ властей и учрежденій въ дѣлахъ гражданскихъ», но, какъ показалъ проф. Градовскій (Русск. Вѣстникъ 1868, авг.), есть сохраненіе прежнихъ правъ патріарха, которыя ничего общаго съ правилами епарх. архіер., издавна подчиненныхъ приказу Большаго дворца, не имѣютъ. См. также грамота патріарху Филарету (А. А. Э. III. 164).

XIII.

1. Новая. Изъ текста видно, что она возникла по челобитью.

2, 4, 5, 7. Изъ указа 1642 г. (Хр. Вл.-Буд., вып. 3, стр. 152 и слѣд.).

3. Старая. Воеводы и прежде имѣли право суда надъ духовными лицами (Градовскій. Русск. Вѣстникъ. 1868 г. Авг., и Акты юрид., № 25 и 26).

6. Изъ 4 и 5.

XIV.

1, 2, 3, 5. *Изъ Уложенія.* Указъ 133 г. (Хр. Вл.-Буд., вып. 3, стр. 122—3).

4. Ц. Суд. 27.

6. *Изъ Уложенія.* Нѣкоторое сходство съ указомъ Мих. Ѳед. (тамъ же 109).

7, 8. Изъ *Уложенія.* Указъ 137 г. (тамъ же 136 и слѣд.).

9. Изъ 7 и 8.

10. Предъ словами: «И того ради подобаетъ отцемъ духовнымъ дѣтей», и проч. написано: *изъ Стоглава.* 10 ст. имѣетъ различные источники: 1) 82 правило Вас. Великаго; 2) его же 64 пр.; 3) 72 запов. Льва Премудраго; 4) Стоглавъ 37 и 38 гл.

XV.

1., 2 *вновь*, 3 *вновь*, 4. — Новыя: видно изъ текста 4 ст.

5. Лит. Ст. роз. 4 ар. 85 § 1 и 2. Здѣсь «Третейскій судъ» занимаетъ отдѣльный артикулъ.

XVI.

Источникомъ этой и слѣд. главы служитъ по преимуществу указная кн. помѣстнаго приказа. Ссылки на нее мы дѣлаемъ по послѣднему ея изданію Сторожева (Описаніе документовъ и бумагъ Мин. Юстиціи, кн. 6).

1. Ук. 134 г. (П. пр. III. 1).

2. 138 (VI. 79).

3. 155 (VIII. 118).

4. Неизвѣстно, было ли разрѣшеніе мѣнять помѣстья на монастырскія вотчинныя земли въ періодѣ отъ 1631 г. до Уложенія, но съ достовѣрностью можно сказать, что до 1631 г. такая мѣна не разрѣшалась (VII. 98. Н.).

5, 6. 152 (VII. 110).

8. *135 году.* Не дошелъ, но есть 130 (V. 27).

10. *129 и 130 году* (V. 28).

12. 129 и 130 (V. 25).

14. 124 (V. 14).

15. Новая. Это видно изъ указа 1669 г. (П. С. З. 459).

16 Новая. См. 2 ст. XVII гл.

17. *128 года* (V. 26).

18. 145 (VII. 98. ж.).

19. Основаніемъ ея служитъ 14 прав. 4 всел. собора, разрѣшающее бракъ съ крещеною иностранкою.

20. 156 (VIII. 121).

21. 145 (VII. 98. в.).

22. 145 (VII. 98. 2).

23. 153 (VII. 114).

24, 25, 26. *128 году* (V. 30).

27, 28. *131 году* (III. 5).

29. 145 VII. 98. д.).

30, 31, 32. *152 году* (VII. III. с.).

33, 34. 145 (VII. 98. 3. к.).

35. 145 (VII. 98. к.).

36. Можно думать, что здѣсь имѣются въ виду «порозшія и дикія мѣста» указа 157 г. (IX. 122).

37. 145. (VII. 98. л.).

38. 145. (VII. 100).

39. 152 (VII. 112).

40. *156 г. поговоритъ съ бояры* (VIII. 119).

41, 42. *123 году* (V. 16).

43. 143 (VII. 93).

46, 47, 48. 138 (VI. 78. б.) къ 48, кромѣ того ук. 135 (VI. 78. а.) *изъ 135 году.*

49. *144 году* (VII. 95).

50. 145 (VII. 103).

64. 131 (VI. 80).

66, 67. *163 году.*

68. *135 году.*

69. *144 году.*

XVII.

1. 136 (VI. 45 а. VI. 50).

2. Изъ текста видно, что ст. новая. Она дополняетъ прежніе указы новымъ

постановленіемъ о наслѣдованіи матерей и бездѣтныхъ женъ. Указы: 136 (VI. 51. п. 71) и 137 (текстъ) остаются въ силѣ.

3. Изъ 2.

4. Подтверждаетъ указы 136 и 137 г. вошедшіе въ 1 и 2 ст.

5 и 6 изъ 2.

9. 137 (VI. 74. а).

10. 140 (VI. 86).

11. 136 (VI. 49).

12. 136 (VI. 53).

15. Изъ *градскихъ* гр. 19, ст. 17.

16. 140; см. указъ при 10 ст. этой главы.

17. *129 и 130 годовъ* (V. 12).

18. Подтверждаетъ указъ Мих. Ѳед. Это указъ 143 г. (VII. 94 б.) или 128 (VI. 39).

25, 26. 131 (III. 4).

30. Изъ *Стараго Судебника*.
31. Суд.
32. Изъ *Стараго Судебника*.
33. Изъ *Стараго*.
(30—33: Ц. Суд. 82.)

34, 35. *Вновь пополнено*.

38, 39, 40. Лит. Ст. раз. 1, ср. 8.

42. Новая. Составлена въ отвѣтъ на челобитье 9 ноября 1649 г. (А. А. Э. IV. 33), поданное съ просьбою о возстановленіи соборнаго приговора 1581 г. (А. А. Э. I. 308).

43, 44. Продолженіе новаго указа, что видно изъ словъ «до сего Государева указу».

45. 136 (VI. 68), 145 (VII. 98. б).

49. Ссылается на 1 ст. XVI гл.

54. 136 (V. 59).

55. Новая, видно изъ текста. Но отъ 136 г. 28 дек. по частному дѣлу есть указъ, которымъ дѣла, рѣшенныя до моск. пожара, остаются въ силѣ VI. 70. а. г. VII. 97. В.).

XIX.

Изъ наказной памяти, данной Колычеву въ февралѣ 1649 г., слѣдов. послѣ Уложенія (А. А. Э. IV. 36), узнаемъ о челобитьѣ царю. Здѣсь приведено рѣшеніе царя, гдѣ послѣдовательно и буквальными словами изложены статьи 1, 3, 5, 7—23, 26—39. Изъ сравненія обнаруживается полнота рѣшенія царя и неясность челобитья. Можно думать, что на подлинномъ челобитьѣ имѣли мѣсто всѣ статьи XIX гл.

34. Изъ челоб. 1649 г. (Д. къ А. И., III. 47).

40. Изъ указа 1643 г. (Хр. Вл. Буд., в. 3. 164—5).

XX.

Источникъ этой главы по преимуществу Ук. кн. приказа холопьяго суда. Противъ статей этой главы мы будемъ обозначать страницы по 3 в. Хр. Вл. Буданова.

1, 2, 3. 150 г. (161).

4. Старая 105 г. (92).

5. Ц. суд. 76.

6. Старая 106 г. (94).

7. *156 году*, не дошелъ.

9—12. Изъ 7.

13. Ц. суд. 78.

14. 105 г. (89).

15. 105 г. (91—2).

16. *105 и 118 году* (93 и 102), ср. ук. 115 (101—2).

17. *69 году* не дошелъ. См. ук. 64 (4—5). Сюда же ст. 18.

19. Ц. суд. 78.

20. Ук. 67 году (20—21).

21. Ц. суд. 79.

29. Ук. 121 текстъ.

30. 105 г. (83).

31. Ц. суд. 76.

32. Ц. суд. 79.

33. 116 (35).

34, 35, 36. Ц. суд. 80.

37. *67 году написано* и 38 Ук. 67 г. (23—4).

39. *69 году* (26—7).

40. Изъ 39.

41. *111 году написано* (98—100).

42. Изъ 41.

43. Изъ *Литовскаго*, раз. 12 ар. 19 § 1.

44. *156 году.* Не дошелъ.

45. Лит. Ст., раз. 12 ар. 22, § 1 и 3.

46. *143 году*, не дошелъ.

47, 48. Старая. Подъ ссылкою текста надо разумѣть указъ 114 г. (100).

79. *116 году* (104).

50, 51. Лит. Ст. раз. 12 ар. 18 § 1.

52. *117 году* (106).

53. Старая. См. ук. 105 г. (89).

54. *132 году*, не дошелъ.

55. Повторяетъ 110 ст. X главы.

56. 130 г. (113—114).

57, 58 *вновь*.

60. *Въ Уложеніи 140 г. написано*; не дошелъ.

61. Ц. суд. 76. Кн. Суд. 66.

62. Прав. 48 св. Апост.

63. *Въ Уложеніи 142 г. написано*; не дошелъ.

64. Изъ 61 и 63.

66. *Въ Уложеніи 143 г. написано*, не дошелъ.

67, 68. Прав. 82 св. Апост.

69. *146 г.*, не дошелъ.

70, 71. Согласно тексту взята изъ указа 136 г.

72. *148 г.*, не дошелъ.

75. *Въ Уложеніи 150 г. написано*, не дошелъ.

76. Новая изъ текста.

78. Въ Уложеніи 151 г. написано, не дошелъ.

80. Въ текстѣ прав. св. отцовъ. Сюда относятся: II прав. св. Павла и 12 св. Петра и Павла.

82. *Въ уложеніи 154 г. написано* не дошелъ.

83. *156 году* не дошелъ указъ 117 (107).

84. Св. Апостоловъ пр. 48.

88, 89, 90. *Изъ Литовскаго.* Раз. 11, ар. 14, § 1, раз. 12, ар. 17, § 1, раз. 12, ар. 17, § 1.

91. Лит. Ст. раз. 12, ар. 22, § 1.

92. Ст. 8, гл. I, первой заповѣди Юстиніана царя.

97. Старая, изъ текста.

100. Обычай «а то не повелося».

103. Старая, указъ 130 (113—114).

104, 105. Старая, указъ 104 и 105 г. (87); при 105 *въ уложеніи 184 г. написано.* Здѣсь, конечно, ошибка: надо 148. Указъ не дошелъ.

107, 113, 117. Новыя, изъ текста.

118. Старая, изъ текста.

XXI.

Преимущественно взята изъ указ. кн. разб. приказа. Рядомъ со ст. уложенія мы приводимъ ст. этой книги.

1, 2, 3. Сохраняетъ тотъ же порядокъ (Хр. Вл.-Буд., 113; Древ. росс. Вивл. XX, 307. Бѣлозерск. грамота 1534 г. указъ 1556 г. (Хр. Вл. Буд., 9).

Ст. 4—14 соотвѣт. послѣдовательно статьямъ: 56 и 59, 42, 60, 61, 36, 37, 38, 58, 39, 10, 40.

15. Стоглавъ 41 гл. вопр. 20, указъ 136 (хр. 126).

16, 17, 18—8, 10.

20, 28.

21. Ук. 137 (хр. 71).

22—29 соотв. 44, 45, 46, 47, 54, 55, 56.

30. *Изъ земскаго.* 156 (хр. 179).

31. *147 году*; изъ 41 ст. уст. кн. разб. пр. видно, что указъ этотъ былъ и въ 125 г.

32. Сравни со ст. 25, X гл.

33—43.

34. Старая. См. разсужденія по этому вопросу на соборѣ 1667 г. (П. С. I., № 105).

Статьи 35—50 послѣдовательно статьямъ: 1—7, 11—16, 18, 21.

51. *Изъ стараго Судебника.* Въ этой ст. уложеніе къ двумъ условіямъ поличнаго: 1) нахожденіе подъ замкомъ у обвиняемаго и 2) выимкѣ въ присутствіи пристава и понятыхъ, прибавляетъ: 3) явку о кражѣ (закличь по Русской правдѣ). О явкахъ въ суд. нѣтъ. Однако, зависимость

существуетъ и здѣсь. Извѣстно, что и по судебнику татя, пойманнаго съ поличнымъ—«пытати». Улож. сохраняетъ пытку, ограничивая ее условіемъ явки.

52, 53. *Изъ стараго Судебника.* Цар. суд. 94, 95, 96.

55—65. Соотвѣт. 22—28, 30—35.

66—68.—72, I.

69—73.—72, II.

74—72, III.

75—72, IV.

76—72, VI.

77. *107 году*, не дошелъ.

79, 80—66.

81. Лит. Ст. раз. 4, ар. 21, § 4.

83. Ц. суд. 53.

86. » » 54.

87. Лит. Ст. раз. 14, ар. 5, § 1—3.

88, 89, 90, 91. *Изъ Литовскаго.* Раз. 11, ар. 28, § 3, раз. 14, ар. 26, § 1, ар. 27, § 1, ар. 28, § 1 и 2.

92. Лит. Ст. раз. 14, ар. 34.

93—19.

100—102. Соотвѣт. 64, 68, 69.

103. Старая, указъ 7090 (хр. 35).

104. Старая Ц. суд. 71, кн. 43.

XXII.

1, 2. *Изъ Градскихъ.* Гр. 39, ст. 5.

3, 4, 5. *Изъ Литовскаго.* Раз. 7, ар. 11, § 2, раз. 8, ар. 7 и пр. къ уст. кн. разб. пр. 17, раз. 8, ар. 7, § 2.

6. *Изъ Стоглава* 36 гл. Изъ Стоглава взято основаніе права родителей наказывать дѣтей, самое же положеніе взято изъ Лит. Ст. раз. 8, ар. 7, § 3.

7, 8, 9. *Изъ Литовскаго.* Раз. 11 ар. 8, § 1, раз. 11, ар. 9, § 1.

10. Лит. Ст. раз. 11, ар. 27, § 2.

11, 12. Лит. Ст. раз. 11, ар. 28.

13, 14. *Изъ Градскихъ.* Гр. 39, ст. 6 и 78.

15. *Изъ стараго Судебника.* Указъ 145 г.; см. выше.

16. *Изъ градскихъ.* Гр. 39, ст. 36.

17, 19, 20, 21, 22, 25, 26. *Изъ Литовскаго.* Раз. 11, ар. 15, § 1, ар. 17. § 2, ар. 23, § 5, ар. 25, § 1, 2, раз. 14, ар. 31, § 1, раз. 11, ар. 60, § 1.

18. Лит. Ст. раз. 11, ар. 15, § 3.

23 и 24. Град. зак., гр. 39, ст. 78 и ст. 31, 32.

XXIII, XXIV, XXV.

Объ этихъ послѣднихъ главахъ уложенія мы почти не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы судить о ихъ источникахъ. Существуетъ весьма вѣроятное предположеніе Кавелина о вліяніи на 23 гл. Стрѣлецкаго приказа, а на 24 казачьяго. Не лишнее замѣтить, что оцѣнка животныхъ и птицъ (24 гл.) довольно подробно развита Лит. Ст. раз. 13, ар. 5, 6 и 7. Сюда же относятся ст. 8 и 9 приб. къ уст. кн. разб. приказа.

К. Верховскій.

КОДИФИКАЦІЯ И УЛУЧШЕНІЯ ВЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВѢ ИНДІИ *).

(Переводъ съ англійскаго).

Что Индія есть «прекрасная страна съ огромною будущностью» — стало теперь общимъ мѣстомъ, и быстрое матеріальное развитіе ея все болѣе и болѣе находитъ себѣ признаніе за ея предѣлами. Такъ, мы видимъ, напр., что манчестерскіе ткачи посылаютъ депутацію для изслѣдованія производства хлопка въ Индіи; изъ Японіи пріѣзжаютъ коммиссары для изученія веденія дѣлъ въ ея коммерческихъ палатахъ; наконецъ, самъ Германскій канцлеръ посылаетъ чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ изъ Берлина для изученія экономическаго и административнаго положенія и устройства нашей страны, нашего коммерческаго законодательства, способовъ аренднаго пользованія землею, желѣзно-дорожной администраціи и политики, внѣшней торговли и т. д. Если же при всемъ этомъ принять въ соображеніе, что Индія находится на пути непрерывнаго и быстраго развитія, то, какъ намъ кажется, читателямъ не безъинтересно будетъ узнать ближе послѣднія измѣненія и улучшенія въ законодательствѣ Индіи, которыя, по нашему мнѣнію, поставили эту страну въ отношеніи закон-

*) Въ настоящей статьѣ, представляющей собою переводъ брошюры, изданной на англійскомъ языкѣ, излагаются результаты, достигнутые законодательствомъ Индіи на пути уравненія правъ всѣхъ гражданъ, населяющихъ обширную Имперію. Оставляя на отвѣтственности автора его собственные взгляды и выражаемыя имъ симпатіи той или другой законодательной мѣрѣ, редакція считаетъ умѣстнымъ ознакомить своихъ читателей съ настоящею работою г. Ремфри, въ виду того громаднаго интереса, который представляетъ для европейцевъ внутренняя жизнь Индіи. *Ред.*

ности на одну высоту съ наиболѣе цивилизованными странами Европы и Америки.

Чтобы яснѣе видѣнъ былъ ростъ Англо-Индійскаго законодательства, бросимъ сперва бѣглый взглядъ на исторію или происхожденіе этого законодательства.

Англійское законодательство было введено впервые въ Индію 13 Ges 1-st, которымъ учреждался въ Калькуттѣ Судъ старшинъ (Mayors Court) [1]). Ранѣе этого англичане пользовались лишь тѣми частями изъ принесеннаго ими съ собою англійскаго законодательства, въ которыхъ оказывалась надобность соотвѣтственно положенію ихъ въ юной колоніи и условіямъ жизни ихъ [2]). Упомянутое выше учрежденіе можетъ быть названо благодѣяніемъ для страны. Оно не вводило въ нее ни явно, ни подъ какимъ бы то ни было покровомъ, чужеземнаго права, и не имѣло цѣлью прикрываніе какихъ бы то ни было злоупотребленій со стороны новыхъ поселенцевъ. Хотя этимъ законодательнымъ актомъ имѣлось въ виду привлеченіе иностранцевъ или колонистовъ на новую землю, — но исключительно путемъ строгаго и полнаго уравненія всѣхъ передъ законами. Въ нашей молчаливой борьбѣ за преобладаніе эта идея принесла желаемые плоды. Какъ только путь былъ такимъ образомъ открытъ, такъ англичане начали постепенно занимать обширную страну. По мѣрѣ того, какъ колонизація новой страны становилась на твердую ногу и цивилизація выше и выше поднимала свое знамя, явилась потребность въ законодательствѣ, и началась переработка бенгальскаго кодекса, съ цѣлью удовлетворенія насущныхъ нуждъ и потребностей населенія. Начиная уже съ 1834 года, стали издаваться многочисленны постановленія или акты Верховнаго Законодательнаго Совѣта (Supreme Legislative Council), касавшіеся различныхъ округовъ или областей страны. Эти постановленія исправлялись, и, частью, отмѣнялись сообразно вновь возникающимъ потребностямъ и въ зависимости отъ условій времени и мѣста, такъ что въ результатѣ получался самый разнообразный изъ когда-либо существовавшихъ подборъ законоположеній.

Переходя къ ближайшему намъ времени, мы можемъ отмѣтить тотъ фактъ, что съ того времени, какъ непосредственное управленіе Индіею перешло отъ Остъ-Индской компаніи къ англійской королевѣ, стало замѣтно стремленіе къ выработкѣ однороднаго для всей Имперіи законодательства. Работы по кодификаціи (начатыя, какъ утверждаютъ, по пред-

---

[1]) Advocate General and Rance Surnomoye 9 Moores I A.

[2]) Est General Martin. 1 Moores, I A.

ложенію Лорда Маколея) коснулись прежде всего уголовнаго кодекса, пересмотръ котораго былъ начатъ многими годами ранѣе вышеупомянутаго событія, и который введенъ былъ въ дѣйствіе въ 1870 году сэромъ Burnes Peacock'омъ. Въ чемъ же выразились результаты этого пересмотра? Едва-ли хотя слѣдъ остался отъ актовъ Верховнаго Совѣта, изданныхъ до 1871 года. Вмѣсто безчисленныхъ и часто противорѣчивыхъ актовъ и рѣшеній Верховнаго Совѣта мы имѣемъ въ настоящее время систему сжатыхъ кодексовъ, приспособленныхъ къ требованіямъ каждаго частнаго случая и легко доступныхъ пониманію нашихъ общинъ. Между ними должно упомянуть о слѣдующихъ законоположеніяхъ:

Уголовный кодексъ Индіи (Indian Penal Code).
Актъ о наслѣдованіяхъ (Indian Succession act).
Актъ о свидѣтельствахъ (Indian Evidence act) [1].
Актъ о договорахъ (Indian Contract act) [1].
Актъ о вознагражденіяхъ за убытки (Specific Relief act) [2].
Актъ о срокахъ или давностяхъ (Limitation act) [2].
Актъ о торговыхъ условіяхъ (Negotiable instruments act).
Актъ объ акціонерныхъ обществахъ (Joint-stock Coys act) [3].
Актъ о переходахъ собственности (Transfer of property act) [3].
Кодексъ уголовнаго судопроизводства (Criminal procedure Code).
Актъ о земельной собственности и арендахъ (Landlord and tenant act).

Всѣми этими актами и кодексами не только уничтожены совершенно такіе древніе обычаи, какъ самосожженіе вдовъ на могилахъ мужей, дѣтоубійство, невольничество, и другіе печальные остатки старины, но и легализированы браки индусскихъ вдовъ, и многія законодательныя аномаліи, существующія и до сего времени во многихъ странахъ, ранѣе Индіи вступившихъ на путь цивилизаціи, уничтожены или измѣнены къ лучшему. Въ подтвержденіе мы приводимъ ниже нѣсколько законоположеній, которыя, безъ сомнѣнія, вызовутъ удивленіе многихъ англійскихъ и американскихъ законовѣдовъ.

При регистраціи положеній о переходѣ изъ рукъ въ руки inter vivos владѣній, оцѣненныхъ свыше 100 фран., не сдѣлано различія въ нашемъ законодательствѣ между порядкомъ передачи недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ. Какъ движимыя, такъ и недвижимыя имущества (и притомъ принадлежащія какъ европейцамъ, такъ и туземцамъ) переходятъ однимъ и тѣмъ же порядкомъ, черезъ одно и то же

[1]) Вошелъ въ силу съ 1872 г.
[2]) Вошелъ въ силу съ 1877 года.
[3]) Вошелъ въ силу съ 1882 года.

лицо, именно—экзекутора (executor) или администратора (administrator). Такимъ образомъ Индійское законодательство освободилось отъ безполезнаго различія между переходомъ изъ рукъ въ руки движимаго и недвижимаго имуществъ, различія, которое дѣлаетъ столь сложными и запутанными англійскіе и американскіе гражданскіе кодексы.

Далѣе, экзекуторъ, или душеприказчикъ, то-есть лицо, которое, какъ предполагается, избрано самимъ завѣщателемъ, имѣетъ полную и безконтрольную власть распоряженія не только движимымъ, но и недвижимымъ имуществомъ завѣщателя. Это касается однако лишь имуществъ европейцевъ. Администраторы надъ туземными имуществами съ 1-го мая сего 1889 года получаютъ право распоряженія такого рода движимостями, какъ имущества, подлежащія продажѣ для раздѣла или уплаты казенныхъ или частныхъ долговъ (goveroment securities), но не признано возможнымъ облечь ихъ также властью распоряжаться недвижимымъ имуществомъ иначе, какъ съ разрѣшенія суда. Съ 1866 года рѣшенія экзекуторовъ по отношенію къ завѣщаніямъ и передачамъ имуществъ признаны неотмѣняемыми.

Но это не все. Въ Индіи документы за печатью (такъ называемые «specialities») имѣютъ не болѣе силы, чѣмъ простыя условія; тѣ и другія одинаково дѣйствительны, и для нихъ существуетъ одна и та же давность.

Актомъ объ условіяхъ и контрактахъ (Indian Contract act) отмѣненъ существовавшій исторически въ Индіи «statute of Frauds». Что касается поручительствъ (Bailments), то степень надежности (care) ихъ не опредѣляется или не разбирается, и къ нимъ прилагаются лишь правила обыкновенной осторожности (prudence).

Далѣе, англійская доктрина, что уплата меньшей суммы не можетъ быть принята судомъ для удовлетворенія претензій на бóльшую сумму, отмѣнена; поэтому обитатель нашей страны можетъ «уплатить часть вмѣсто цѣлаго», не тревожась мыслью, что онъ можетъ быть впослѣдствіи преслѣдуемъ судомъ за остальное. Лица, знакомыя съ доктриною, послужившею основаніемъ для приговора по извѣстному дѣлу Camber and Wane въ Англіи, по всей вѣроятности, оцѣнятъ это важное измѣненіе въ нашихъ законахъ.

Бенгалія имѣетъ сходство съ континентальными странами Европы по отсутствію какихъ-либо законовъ о первородствѣ и порядкѣ наслѣдованія между дѣтьми, по ясности и ненарушимости правъ на владѣніе землею и по крайней легкости и дешевизнѣ продажи и заклада послѣдней. Должно однако упомянуть и объ исключеніяхъ: такъ въ семействахъ нѣкоторыхъ правителей Индіи существуетъ право пер-

вородства, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Южной Индіи женщины наслѣдуютъ преимущественно передъ мужчинами.

Безъ сомнѣнія, многіе изъ нашихъ читателей слышали уже, что перемѣна религіи въ Индіи не сопровождается потерею какихъ-либо правъ; но большинству изъ нихъ вѣроятно не извѣстно, что, согласно акту XXI 1860 г., это преимущество касается индусовъ, обращающихся въ христіанство, но не въ магометанскую вѣру.

Переходимъ затѣмъ къ вопросу о вліяніи брака на собственность мужа и жены между всякаго рода обитателями страны, исключая индусовъ (какъ магометанъ, такъ и буддистовъ). Актъ о наслѣдованіи (Indian succession act) гласитъ, что «никто не получаетъ какого-либо права на собственность лица, съ которымъ онъ, или она, вступаетъ въ бракъ, и не лишается права на какое-бы то ни было дѣйствіе относительно своей собственности, какое онъ или она могли бы сдѣлать ранѣе вступленія въ бракъ». — Этотъ ясно выраженный законъ, вошедшій въ силу съ 1-го января 1866 года, весьма естественно произвелъ коренныя измѣненія въ обычныхъ правахъ, обязательствахъ и ограниченіяхъ правъ, существовавшихъ въ отношеніяхъ между мужьями и женами,—для лицъ, къ которымъ до тѣхъ поръ примѣнялось англійское законодательство. Въ то же время имъ неявно отмѣнялась (по отношенію къ собственности) доктрина объ «единоличности» мужа и жены.

Другое замѣтное отличіе отъ англійскаго законодательства состоитъ въ томъ, что по индійскому «succession act» все, полученное кѣмъ либо изъ дѣтей при жизни отца, не оставившаго послѣ себя духовнаго завѣщанія, не вычитается изъ его доли въ наслѣдствѣ и не переходитъ въ общее имущество для раздѣла.

Точно также индійскій «актъ о наслѣдованіяхъ» отмѣняетъ существующее въ Англіи правило, дозволяющее душеприказчику или экзекутору производить уплату кредиторамъ покойнаго (даже самому душеприказчику преимущественно передъ прочими, если онъ состоитъ кредиторомъ)—послѣ покрытія издержекъ по похоронамъ и расходовъ по администраціи, а равно по выплатѣ трехмѣсячнаго жалованья домашнимъ слугамъ, земледѣльческимъ рабочимъ и ремесленникамъ,—всѣхъ долговъ, какимъ либо способомъ обезпеченныхъ или оформенныхъ, по разверсткѣ.

Другимъ актомъ воспрещается экзекуторамъ и администраторамъ (кромѣ генеральнаго администратора) совмѣщеніе ихъ занятій съ какими-либо должностями по государственному управленію Остъ-Индіею.

Даже въ томъ случаѣ, когда наслѣдство переходитъ къ лицу, на-

значенному въ завѣщаніи экзекуторомъ или душеприказчикомъ, послѣдній не можетъ получить его иначе, какъ засвидѣтельствовавъ въ судѣ, или инымъ способомъ обнаруживъ свое намѣреніе взять на себя исполненіе обязанностей экзекутора.

Какъ примѣръ стремленія усилить денежное обращеніе въ странѣ съ богатою производительностью должно отмѣтить тотъ фактъ, что закономъ признается накопленіе доходовъ съ завѣщаннаго имущества только за одинъ годъ послѣ смерти завѣщателя.

Нужно замѣтить, что старое правило, по которому лицо, пріѣхавъ въ Индію, считалось измѣнившимъ свое мѣсто жительства (если только оно находилось на службѣ государства) — отмѣнено, и вмѣстѣ съ нимъ отмѣнены особыя формальности для пріобрѣтенія мѣста жительства въ Индіи. При этомъ слѣдуетъ упомянуть, что постановленія, заключающіяся въ § 283 «акта о наслѣдованіи» и гласящія, что если мѣстомъ жительства умершаго не была Индія, то обращеніе его недвижимаго имущества на уплату оставшихся послѣ его смерти долговъ должно быть подчинено законодательству той страны, въ которой онъ считался имѣющимъ мѣсто жительства,— имѣютъ быть вскорѣ отмѣнены особымъ биллемъ (Probate and administration Bill), находящимся въ настоящее время на разсмотрѣніи въ законодательномъ совѣтѣ (Legislative Council). Въ будущемъ всѣ индійскія имѣнія, оставляемыя завѣщателемъ для очистки его долговыхъ обязательствъ, будутъ регулироваться уже индійскимъ законодательствомъ.

Наконецъ, согласно упомянутому выше акту о наслѣдованіяхъ, никто, имѣющій племянника, племянницу, или болѣе близкихъ родственниковъ, не имѣетъ права завѣщать что либо изъ своей собственности на религіозныя и благотворительныя цѣли, если только воля завѣщателя не была исполнена уже за два года до смерти его,— и въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня исполненія ея объ этомъ не было заявлено въ особомъ, спеціально для этой цѣли предназначенномъ учрежденіи. Это постановленіе имѣетъ цѣлью противодѣйствовать предсмертнымъ завѣщаніямъ на благотворительныя цѣли со стороны лицъ, имѣющихъ близкихъ родственниковъ.

Съ большимъ удовольствіемъ отмѣчаемъ также тотъ фактъ, что лица, имѣющія нужду въ помѣщеніи капиталовъ и пр., часть которыхъ случайно будетъ находиться въ президентскихъ городахъ, могутъ поручать свою собственность оффиціальному опекуну (Truste), или генеральному администратору (administrator general),—правительственнымъ чиновникамъ,— и что внутри страны такъ называемые «moffu-

sil», или совѣтъ попечителей изъ десяти членовъ, принимаетъ на попеченіе и надзираетъ за наилучшимъ управленіемъ недвижимыми имуществами дѣтей собственниковъ, обладающихъ помѣстьями, или несовершеннолѣтнихъ капиталистовъ; кромѣ того, окружной судья имѣетъ право назначать опекуновъ (guardians) надъ имуществами и личностью малолѣтнихъ. Въ силу же новаго бенгальскаго акта о земельныхъ арендахъ, судьѣ дано право назначать общаго управляющаго (manager) надъ имѣніями въ томъ случаѣ, когда совладѣльцы не могутъ согласиться между собою относительно порядка собиранія доходовъ съ общаго ихъ имущества.

Весьма полезнымъ является также «актъ объ улучшеніи земель (land improvement act)», согласно которому правительство выдаетъ авансомъ ссуды земледѣльцамъ и другимъ лицамъ.

За исключеніемъ лицъ, которымъ опекунъ былъ назначенъ вышеупомянутымъ совѣтомъ попечителей, — совершеннолѣтіе лицъ всѣхъ расъ, живущихъ въ Индіи, опредѣляется въ 18 лѣтъ, а не въ 21 годъ, какъ по англійскимъ законамъ.

Существующее въ Индіи гражданское законодательство почти не имѣетъ корней въ прежнихъ законахъ и обычаяхъ страны, и представляетъ собою широкое примѣненіе идеи равноправности передъ судомъ и закономъ.

Все исковое производство (suits) регулируется однимъ, общимъ для всей страны кодексомъ о гражданскомъ судопроизводствѣ, состоящимъ изъ 652 статей, или секцій, и замѣнившимъ собою одиннадцать актовъ, содержавшихъ свыше тысячи различныхъ законоположеній, кромѣ статей, отмѣненныхъ послѣдующими постановленіями. Кодексъ этотъ раздѣленъ на десять частей, а именно: иски вобще, побочныя процедуры, иски въ частныхъ случаяхъ, предварительныя взысканія, спеціальныя процедуры, аппеляціи, порядокъ передачи и разсмотрѣнія дѣлъ въ верховномъ судѣ, порядокъ пересмотровъ рѣшеній, правила о привилегированныхъ верховныхъ судахъ, и смѣсь.

Отвѣтчикъ можетъ быть преслѣдуемъ каждымъ судомъ, въ предѣлахъ юрисдикціи котораго дѣло начато, или въ которомъ отвѣтчикъ имѣетъ свое мѣсто жительства или мѣсто пребыванія по роду занятій. Никто, будь онъ принцъ или крестьянинъ, не изъятъ изъ юрисдикціи того или другаго изъ гражданскихъ судовъ. Само правительство страны можетъ быть преслѣдуемо въ обыкновенномъ порядкѣ, а не по «petition of right», такъ что отвѣтчикомъ можетъ быть и государственный секретарь Индіи.

Формы судопроизводства въ Индіи нѣсколько схожи съ тѣми, ко-

торыя были установлены извѣстными судебными актами (Indicature Acts) въ Англіи. Такъ, устное свидѣтельство можетъ быть, съ разрѣшенія суда, подтверждаемо подъ присягою. Въ гражданскихъ искахъ, разбирающихся передъ областными трибуналами, свидѣтельскія показанія могутъ быть отбираемы лично, или viva voce, коммиссіею отъ какого либо изъ высшихъ («High», ранѣе—«Supreme») судовъ Калькутты, Бомбея или Мадраса. Для уясненія фактовъ передъ слушаніемъ дѣла могутъ быть дѣлаемы допросы. Въ исключительныхъ случаяхъ даже «moffusil-courts» могутъ постановлять рѣшенія. Одинъ изъ членовъ высшаго суда недавно отнесся критически къ этому праву въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Юрисдикція, которая должна принадлежать лишь высшему суду, передана въ настоящее время «moffusil-courts», которые наказываются этимъ правомъ одинаково со своими жертвами».

Въ искахъ денежныхъ, если истцомъ является женщина, суды всѣхъ инстанцій могутъ принимать мѣры для обезпеченія уплаты судебныхъ издержекъ, если они убѣдятся, что «истецъ не имѣетъ достаточной недвижимой собственности внутри Британской Индіи, независимо отъ собственности, относительно которой начатъ искъ». Едва ли нужно прибавлять, что похвалы, расточаемыя авторомъ настоящей статьи Индійскому законодательству, не распространяются на вышеуказанное положеніе. Каковъ бы ни былъ его истинный смыслъ, подобное право ограничиваетъ массу справедливыхъ требованій, и потому слишкомъ жестоко по отношенію какъ къ европейскимъ женщинамъ въ Индіи, такъ и къ туземкамъ. Суровость его нѣсколько смягчается другимъ законоположеніемъ, согласно которому ни одна женщина не можетъ быть заключена въ тюрьму за долги. Даже по отношенію къ мужчинамъ тюремное заключеніе по гражданскимъ искамъ за частные долги должно считать практически отмѣненнымъ.

Относительно свидѣтельствъ на судѣ существуетъ общее правило, что всякія лица (не исключая мужа и жены), способныя понимать и здраво отвѣчать на обращенные къ нимъ вопросы, имѣютъ право свидѣтельствовать за себя или за другихъ лицъ какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ процессахъ. Никто однако не можетъ быть принужденъ къ дачѣ показаній; точно также и случаи, въ которыхъ законъ не дозволяетъ говорить свидѣтелю, хотя бы послѣдній желалъ этого, согласно индійскому акту о свидѣтельствахъ (Indian Evidence act) крайне ограничены.

Судья имѣетъ право, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, въ видахъ возможно полнаго выясненія истины, предлагать

вопросы, какіе онъ считаетъ нужными, въ какой бы то ни было формѣ и какимъ бы то ни было свидѣтелямъ или сторонамъ, относительно какихъ бы то ни было касающихся или не касающихся разбираемаго дѣла фактовъ, и можетъ собственною властью изготовлять всѣ требуемые при этомъ бумаги и документы.

Индія свободная страна; она имѣетъ свободную печать и ея законодательство «обезпечиваетъ всѣмъ подданнымъ Ея Величества безъ различія расы и вѣроисповѣданія равенство передъ закономъ» [1]). Туземные уроженцы, ядро которыхъ образуютъ индусы и магометане, крайне довольны судопроизводствомъ, и барометръ легальности замѣтно поднимается. Каждый туземецъ чуть ли не за честь считаетъ имѣть законный искъ въ полномъ ходу. Есть люди, которые считаютъ противнымъ конституціоннымъ началамъ упрощеніе или сокращеніе формъ судопроизводства: эта идея негласно выражена, напримѣръ, въ «Relief act», которымъ запрещается обращеніе къ третейскому суду по дѣламъ о нарушеніяхъ условій. Къ счастью, однако, это требованіе на практикѣ часто не соблюдается (конечно—не намѣренно), какъ это можно видѣть изъ послѣдняго желѣзно-дорожнаго процесса.

Относительно сроковъ или давностей должно замѣтить, что акты, опредѣляющіе сроки, въ теченіе которыхъ могутъ быть вчинаемы иски и подаваемы различнаго рода прошенія и отзывы, включены въ одинъ общій актъ XV 1879 года. Всѣ законоположенія о срокахъ въ существенныхъ чертахъ сводятся съ слѣдующему:

Одинъ годъ полагается для вчинанія исковъ о вознагражденіяхъ за убытки, и

три года—для вчинанія исковъ по нарушеніямъ контрактовъ простыхъ или нерегистрованныхъ, включая сюда также иски о неуплатахъ арендъ. Такимъ образомъ арендаторъ долженъ сохранять квитанціи въ уплатѣ денегъ въ теченіе только трехъ лѣтъ, а не шести лѣтъ, какъ въ Англіи.

По регистрованнымъ документамъ, такъ же какъ и по отношенію къ сдѣлкамъ съ иностранцами, полагается 6-лѣтній срокъ.

Всякаго рода иски по возвращенію обратно недвижимыхъ имуществъ или собственности должны быть начаты не позже 12 лѣтъ, а по выкупамъ или залогамъ недвижимыхъ имуществъ назначенъ срокъ въ 6 лѣтъ.

По истеченіи указанныхъ въ вышеозначенномъ актѣ сроковъ теряются всякаго рода права на взысканія, кромѣ точно указанныхъ

---

[1]) Изъ недавней рѣчи лорда Дъфферина въ Калькутѣ.

случаевъ, а именно, когда было взято письменное удостовѣреніе, признающее требованіе правильнымъ, ранѣе истеченія срока, и когда отвѣтчикъ въ теченіе указаннаго времени находился въ отсутствіи изъ Индіи.

Наконецъ, декреты высшихъ судовъ могутъ быть приводимы въ исполненіе во всякое время, въ теченіе 12 лѣтъ, декреты же обыкновенныхъ судовъ—не позже 3-хъ лѣтъ, если судъ не сдѣлаетъ по этому поводу особаго постановленія.

По отношенію къ разсматриваемому вопросу должно замѣтить, что существуетъ строгое и точное правило, согласно которому всѣ суды Индіи обязаны принимать во вниманіе давность, независимо отъ того, будетъ ли поднятъ вопросъ о ней отвѣтчикомъ, или нѣтъ.

Аппелляціи подаются окружному судьѣ и идутъ въ высшіе суды, а въ дѣлахъ, превышающихъ сумму въ 1000 фунтовъ—въ Совѣтъ Ея Величества, въ Англіи.

Въ законодательствѣ нашемъ не забыты также и коммерческія сообщества, такъ какъ наша «Statute Book» содержитъ въ себѣ акты, касающіеся акціонерныхъ обществъ вообще, и въ частности—желѣзнодорожныхъ, мануфактурныхъ, конно-желѣзно-дорожныхъ, телеграфныхъ, телефонныхъ и проч. обществъ, а также обществъ внутренняго и внѣшняго судоходства.

Образцовый ярдъ Соединеннаго Королевства принятъ единицею длины и въ Индіи, соотвѣтственно требованію одинаковости мѣръ и вѣсовъ.

Литературныя и научныя общества подчинены закону, составленному по образцу англійскаго статута. Авторы и изобрѣтатели обезпечиваются актомъ объ авторской собственности, практически распространяющимъ на Индію англійское законодательство по этому предмету. Одно изъ послѣднихъ прибавленій къ нашему законодательству составляетъ законъ о привилегіяхъ на изобрѣтенія и образцы: желающіе подробнѣе ознакомиться съ этимъ закономъ могутъ обратиться къ книгѣ, изданной авторомъ настоящей статьи [1]).

Законъ о вознагражденіяхъ за нарушенія привилегій (Code of Torts) находится на разсмотрѣніи въ законодательномъ порядкѣ.

Мѣсто не позволяетъ намъ остановиться на нашихъ «Evidence act» и «Transfer of property act», а также на другихъ актахъ нашего гражданскаго законодательства; считаемъ нужнымъ только замѣтить, что прекрасно и тщательно составленное гражданское законодатель-

---

[1]) India, China, Straits Settlements and Ceylon, by H. H. Remfry, Calcutta 1888.

ство Индіи не уступаетъ ни въ чемъ законодательству какой либо другой изъ цивилизованныхъ странъ нашей планеты.

Переходимъ затѣмъ къ уголовному законодательству Британской Индіи. Оно кодифицировано въ «Penal and Criminal Procedure Codes».

Потребовалось бы значительно болѣе мѣста, чѣмъ мы можемъ удѣлить, только для того, чтобы перечислить тѣ измѣненія и улучшенія, которыя введены вышеупомянутымъ Уложеніемъ въ уголовное законодательство и дѣлопроизводство въ Индіи. Всѣ эти измѣненія заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны юристовъ и законодателей всѣхъ странъ. Основныя положенія этого законодательства тщательно собраны и систематически изложены въ двухъ-томномъ изданіи покойнаго м-ра Уитли Стокса, «Anglo-Indian Codes». Въ недавнее время это сочиненіе было опубликовано въ Clarendon Press, Oxford.

Не странно ли, что на Британскихъ Островахъ проступки противъ 7-й заповѣди преслѣдуются лишь въ гражданскомъ порядкѣ? Что-же въ такомъ случаѣ уголовное преступленіе? У насъ, въ Индіи, гораздо строже относятся къ нарушеніямъ заповѣдей. Въ нашемъ уголовномъ кодексѣ постановлено, что «гнусное оскорбленіе (a heinous offence)» наказывается пятью годами строгаго тюремнаго заключенія. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи Востокъ даетъ полезный урокъ Западу. Конечно, и у насъ нѣтъ недостатка въ такъ называемыхъ соціальныхъ реформаторахъ, не умѣвшихъ оцѣнить высокихъ принциповъ, руководившихъ нашими законодателями, и приравнивавшіе вышеупомянутый законъ къ англійскому amendment act. Мы упоминаемъ объ этомъ лишь для того, чтобы имѣть случай лишній разъ замѣтить, что, благодаря мѣстнымъ нравамъ и освященнымъ временемъ обычаямъ, точное согласіе между англійскими и индійскими законами невозможно.

Возвращаемся однако къ упомянутому выше уголовному кодексу.— Не только въ президентскихъ городахъ, но и во всѣхъ округахъ (moffussil) существуютъ правительственные чиновники (solicitors или pleaders), дѣйствующіе въ качествѣ публичныхъ обвинителей.

Во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ судья единолично рѣшаетъ вопросы, касающіеся какъ самаго факта, такъ и примѣненія къ нему статей закона; въ уголовныхъ же разбирательствахъ участвуютъ еще присяжные засѣдатели (жюри) или ассессоры (assessors), которые рѣшаютъ или выражаютъ свое мнѣніе, по отношенію къ разбираемому факту (включая сюда и экспертизу). Отсюда видно, что способы веденія гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ въ Индіи существенно разнятся между собою.

Обвиняемый не принуждается къ показаніямъ ни угрозами, ни какимъ либо другимъ способомъ, и не подвергается перекрестному допросу. Суду дано право предлагать ему вопросы безъ предварительнаго увѣдомленія объ этомъ и во всѣхъ фазисахъ судопроизводства, для разъясненія свидѣтельствующихъ противъ него обстоятельствъ. Присягу обвиняемые не принимаютъ. Судьи и присяжные (если таковые присутствуютъ) могутъ выводить изъ отвѣтовъ подсудимаго такія заключенія, какія имъ покажутся болѣе справедливыми и согласными съ истиною.

Судъ можетъ измѣнить обвиненіе во всякое время, прежде чѣмъ вердиктъ присяжныхъ будетъ произнесенъ, или выражено мнѣніе ассессоровъ. Эти измѣненія, конечно, объявляются обвиняемому, послѣ чего дѣло продолжается прежнимъ порядкомъ.

Какъ примѣръ тѣхъ затрудненій, съ какими приходилось бороться «судамъ десяти» въ Индіи, можно привести одинъ любопытный уголовный процессъ, происходившій нѣсколько лѣтъ тому назадъ и въ разбирательствѣ котораго пришлось участвовать автору настоящей статьи. Одинъ индусъ былъ обвиненъ по злобѣ въ убійствѣ своей дочери Камини. Corpus delicti не имѣлъ мѣста. Несмотря на это, мѣстнымъ полисменомъ (изъ туземцевъ) былъ представленъ въ качествѣ вещественнаго доказательства «черепъ бѣдной дѣвушки». Одинъ изъ мѣстныхъ жителей, побуждаемый похвальнымъ духомъ соревнованія, представилъ еще другой черепъ, меньшаго размѣра. На судѣ весьма серьезно приводились доказательства въ пользу того и другаго черепа, какъ черепа убитой дѣвушки. Къ счастью для отца, дочь сама явилась въ засѣданіе во время этого критическаго момента. На вопросы суда она разсказала исторію о томъ, какъ она была обманута «Parawola» (деревенскимъ полисменомъ), который, находя отца ея слишкомъ жестокимъ и непреклоннымъ, однажды ночью тайно послалъ ее на сѣверъ по сѣверной дорогѣ, обѣщаясь послѣдовать за нею. Отвѣчая на другіе вопросы, дѣвушка наивно заявила, что ни одинъ изъ предъявленныхъ суду череповъ не былъ ея черепомъ. Отецъ ея, конечно, былъ торжественно оправданъ, а злобный клеветникъ понесъ заслуженное наказаніе.

Въ «высшемъ судѣ» (High Court) засѣдаютъ «спеціальные» или «общіе» судьи въ составѣ 9 человѣкъ. Разбирательства въ «судѣ сессій» (Court of Sessions, главной судебной инстанціи въ каждомъ округѣ) производятся при содѣйствіи жюри, составляемаго изъ нечетнаго числа присяжныхъ засѣдателей (отъ 3 до 9), или ассессоровъ.

Отводъ безъ основаній допускается въ высшемъ судѣ по отноше-

нію къ 8 лицамъ со стороны короны, и такого же числа лицъ со стороны обвиняемаго. Кромѣ того, во всѣхъ судахъ допускаются отводы по различнымъ причинамъ,— напримѣръ, если лицо, назначенное присяжнымъ, моложе 21 и старше 60 лѣтъ, по предполагаемой причастности къ дѣлу, по занятію имъ какихъ - либо судебныхъ должностей, или по исполненію имъ полицейскихъ обязанностей, и проч.

Въ уголовныхъ разбирательствахъ предсѣдатель, по окончаніи допросовъ свидѣтелей и послѣ того, какъ адвокаты обѣихъ сторонъ будутъ выслушаны, резюмируетъ передъ присяжными засѣдателями главнѣйшія данныя свидѣтельскихъ показаній, объясняетъ, какимъ образомъ они могутъ быть истолкованы въ пользу подсудимаго и противъ его, и, не выражая своего мнѣнія, старается помочь присяжнымъ засѣдателямъ въ постановкѣ ими согласнаго съ истиною рѣшенія.

По индійскому закону не требуется единогласія присяжныхъ засѣдателей; напротивъ того, въ президентскихъ городахъ, если 6 человѣкъ присяжныхъ изъ 9 придутъ къ извѣстному рѣшенію, съ которымъ согласится также и судья, приговоръ считается состоявшимся; въ судахъ сессій для законности приговора необходимо рѣшеніе простаго большинства присяжныхъ и согласіе судьи; если же судья не согласится съ большинствомъ, то онъ имѣетъ право передать дѣло въ высшій судъ, который пользуется широкимъ правомъ пересмотра. Этимъ имѣется въ виду избѣгнуть вліянія на рѣшенія судовъ мѣстныхъ партій и ихъ интригъ. Высшій судъ не можетъ отмѣнить приговора присяжныхъ, если онъ не явно ложенъ или незаконенъ, или не является результатомъ ошибки въ судопроизводствѣ. При аппелляціяхъ къ нему, высшій судъ имѣетъ право, вмѣсто отмѣны или ослабленія приговора, усилить его. Хотя наши судьи высшаго суда и облекаются въ мантіи во время засѣданій, но париковъ не надѣваютъ. Почему? На это мы находимъ отвѣтъ въ книжкѣ «Помощникъ присяжнаго повѣреннаго», которая объясняетъ, что засѣданія въ парикахъ въ теченіе жаркаго времени года оказалось бы для большинства судей слишкомъ тяжелымъ испытаніемъ.

Вопросъ о кодификаціи и послѣднихъ измѣненіяхъ въ законодательствѣ Индіи, конечно, слишкомъ обширенъ для того, чтобы его можно было изложить на немногихъ страницахъ; но сказаннаго нами достаточно, какъ намъ кажется, для того, чтобы читатели наши не сочли пустою фразою наши слова, что въ области законодательства Британская Индія можетъ быть поставлена рядомъ (если не впереди)

съ своей метрополіей, и тѣми странами, которыя въ своемъ законодательствѣ идутъ по ея слѣдамъ.

Если справедливо, что отъ законодательства прямо зависятъ «счастье, нравственность, сила и умъ націи», то Британскую Индію можно поздравить съ ея законодательною системою, которая хотя и не лишена недостатковъ, какъ всякое созданіе рукъ человѣческихъ, но, по нашему искреннему мнѣнію, можетъ служить образцомъ, съ которымъ необходимо тщательно ознакомиться всѣмъ реформаторамъ-юристамъ, прилагающимъ заботы о прогрессѣ своей собственной страны.

H. H. Remfry.
F. M. Inst. P. A., M. S. C. I.
Solicitor.

ОШИБКА ВЪ ПРЕДМЕТѢ ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

(Aberratio ictus и error in objecto).

I.

А. съ цѣлью убить Б. сдѣлалъ выстрѣлъ, который попалъ въ В. и лишилъ его жизни; отравитель подалъ отравленный кофе тому, кому хотѣлъ, но случившееся при этомъ третье лицо, не подозрѣвая факта отравы, вырвало чашку и выпило кофе, или эту чашку передала ему жертва сама; нѣкто задумалъ убить отца, а ударъ попалъ въ посторонняго; нѣкто направилъ оскорбленіе въ другаго, пустилъ въ него чѣмъ нибудь, но тотъ успѣлъ уклониться и ударъ попалъ въ жену или дѣтей обвиняемаго и т. п.; нѣкто задумалъ убить кого либо, поджидая его въ засадѣ, принимаетъ въ потемкахъ за него другаго, котораго и убиваетъ; виновный предположилъ изъ мести къ сосѣду оскорбить его дочь, но, вторгшись къ ней ночью въ комнату, онъ, какъ оказалось, оскорбилъ ея подругу; должникъ выхватилъ изъ рукъ своего кредитора вексель, предполагая, что это его документъ, а изорвалъ въ дѣйствительности денежное обязательство другаго лица; нѣкто хотѣлъ украсть сундукъ своего соквартиранта, зная, что въ немъ хранится только что полученная имъ большая сумма денегъ, но ночью ошибся и похитилъ рядомъ стоящій незапертый сундукъ, цѣнностью со всѣмъ содержимымъ на сумму рублей въ 50 и т. д., и т. д.

Таковы случаи, которые извѣстны въ теоріи уголовнаго права подъ именемъ aberratio ictus и error in objecto. Существуетъ нѣсколько опредѣленій, въ которыхъ обобщаются всѣ подобные случаи въ одну

родовую группу. Изъ этихъ опредѣленій мы выбираемъ два: наименѣе и наиболѣе удачное.

Наименѣе удачнымъ мы считаемъ опредѣленіе, по которому случаи aberratio ictus и error in objecto суть случаи «выполненія преступленія не надъ предполагаемымъ объектомъ».

Буквально такое опредѣленіе даютъ проф. Таганцевъ и проф. Сергѣевскій.

Недостатки этого опредѣленія условлены неопредѣленностью и вытекающею изъ нея сбивчивостью содержащагося въ немъ термина «объектъ».

Въ теоріи уголовнаго права терминъ «объектъ» не имѣетъ опредѣленнаго безспорнаго содержанія и различные ученые придаютъ ему три совершенно самостоятельныя значенія. Подъ нимъ разумѣютъ:

1) лицо, пострадавшее отъ уголовнаго преступленія,

2) норму, велѣніе которой нарушается уголовнымъ преступленіемъ, и. наконецъ,

3) охраняемые правомъ блага и интересы, страдающіе отъ уголовнаго преступленія.

Не останавливаясь на рѣшеніи вопроса, какое изъ этихъ значеній дѣйствительно соотвѣтствуетъ разсматриваемому термину, слѣдуетъ сказать, что какое бы изъ нихъ мы ни придавали термину «объектъ», какое бы ни подставили въ опредѣленіе случаевъ aberratio ictus и error in objecto, какъ случаевъ «выполненія преступленія не надъ предполагаемымъ объектомъ», — правильнаго и точнаго опредѣленія этихъ случаевъ мы не получимъ.

Въ самомъ дѣлѣ:

1) если понимать подъ объектомъ преступленія лицо, пострадавшее отъ преступленія, то опредѣлять случаи aberratio ictus и error in objecto, какъ случаи выполненія преступленія не надъ предполагавшимся объектомъ — значитъ общею характеристическою отличительною чертою ихъ считать то, что въ нихъ отъ преступленія страдаетъ или оказывается пострадавшимъ другое лицо, чѣмъ то, которое предполагалъ страдающимъ или имѣющимъ пострадать дѣйствовавшій.

Можно ли назвать такой взглядъ на особенность разсматриваемыхъ случаевъ правильнымъ?

Конечно, нѣтъ. Стоитъ только бросить бѣглый взглядъ на вышеприведенные примѣры aberratio ictus и error in objecto, чтобы увидать, что между ними есть и такіе, въ которыхъ отъ совершившагося преступленія страдаетъ тоже самое лицо, какое и предполагалось дѣйствовавшимъ, какъ имѣющее пострадать — таковы, напримѣръ,

случаи кражи не той вещи, какую считалъ воръ похищаемой. Такъ, у проф. Таганцева находимъ слѣдующіе примѣры случаевъ error in objecto: должникъ выхватилъ изъ рукъ своего кредитора вексель, думая, что это его документъ, а изорвалъ въ дѣйствительнсcти денежное обязательство другаго лица; нѣкто хотѣлъ украсть сундукъ своего соквартиранта, зная, что въ немъ хранится только что полученная имъ большая сумма денегъ, но ночью ошибся и стащилъ рядомъ стоящій незапертый сундукъ, цѣнностью со всѣмъ содержимымъ на сумму рублей въ 50 и т. д.

Эти и подобные примѣры конечно нельзя считать за случаи «выполненія преступленія не надъ предполагавшимся лицомъ»; значитъ, подъ приведенное нами опредѣленіе совершенно не подходитъ цѣлый рядъ разсматриваемыхъ случаевъ, и поэтому оно не можетъ считаться опредѣленіемъ правильнымъ.

2) Предположимъ теперь, что подъ объектомъ преступленія должно разумѣть норму, велѣніе которой преступается, и что, сдѣдовательно, случаи aberratio ictus и error in objecto, согласно опредѣленію, суть «выполненія преступленія не надъ предполагаемой нормой». И здѣсь, конечно, даже болѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ, достаточно самаго поверхностнаго взгляда на конкретные примѣры, чтобы убѣдиться въ неправильности опредѣленія: оно совершенно очевидно идетъ здѣсь въ разрѣзъ съ природой группы фактовъ, понятіе которыхъ хочетъ выразить, такъ что ни одинъ примѣръ aberratio ictus и error in objecto, какъ ихъ понимаетъ доктрина, не подойдетъ подъ такое опредѣленіе.

3) Такимъ образомъ остается разсмотрѣть терминъ «объектъ» преступленія въ третьемъ изъ указанныхъ выше значеній его.

Въ этомъ значеніи подъ объектомъ преступленія разумѣютъ блага и интересы, охраняемые правомъ, и, слѣдовательно, употребляя этотъ терминъ въ выраженіи: «выполненіе преступленія не надъ предполагавшимся объектомъ», опредѣляютъ случаи aberratio ictus и error in objecto, какъ случаи выполненія преступленія не надъ предполагавшимся благомъ или интересомъ, охраняемымъ правомъ.

Всматриваясь внимательно въ это опредѣленіе, нельзя не согласиться, что, если оно и можетъ быть признано правильнымъ, то отнюдь не безусловно, а слѣдовательно, никакъ не можетъ быть признано точнымъ. Дѣло въ томъ, что блага и интересы, являющіеся съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ объектами преступленій, могутъ быть понимаемы двояко: на нихъ можно смотрѣть или какъ на конкретныя блага во всей ихъ индивидуальной фактической обстановкѣ,

или же брать ихъ въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ ихъ знаетъ право въ своихъ опредѣленіяхъ. Такъ, жизнь, какъ конкретное благо, есть всегда опредѣленное существованіе, приспособленіе опредѣленнаго индивидуума къ опредѣленной въ конкретныхъ подробностяхъ обстановкѣ. Въ опредѣленіяхъ же права, имѣющаго своей задачей регулировать фактическія людскія отношенія установленіемъ общихъ правилъ обязательнаго поведенія, жизнь, въ силу этой самой общности правилъ, является не болѣе, какъ лишеннымъ всѣхъ конкретныхъ отличій понятіемъ, не болѣе, какъ совокупностью тѣхъ отличающихъ жизнь отъ другихъ охраняемыхъ правомъ благъ и интересовъ чертъ, наличность которыхъ должна представлять каждая конкретная дѣйствительная жизнь, чтобы подойти подъ защиту правоваго велѣнія.

Согласно съ этою двойственностью въ возможности понимать блага и интересы, составляющіе объектъ преступленія, конечно, и самое выраженіе, употребляемое для опредѣленія случаевъ aberratio ictus и error in objecto, выраженіе «выполненіе преступленія не надъ предполагаемымъ благомъ или интересомъ, охраняемымъ правомъ» — является по своему значенію двойственнымъ.

А именно, употребляя его, говоря, что преступленіе выполнено не надъ предполагавшимся благомъ, охраняемымъ правомъ, мы можемъ имѣть въ виду двѣ группы случаевъ:

1) или случаи, гдѣ преступленіе выполнено надъ другимъ, чѣмъ какое предполагалъ дѣйствовавшій, конкретнымъ благомъ одного рода съ первымъ; случаи, гдѣ вмѣсто одной конкретной жизни прекращается другая, вмѣсто одной конкретной вещи похищается другая и подобные;

2) или случаи, гдѣ преступленіе выполнено не надъ предполагавшимся благомъ въ смыслѣ рода, т. е. случаи, гдѣ оно выполнено надъ благомъ другаго рода, чѣмъ то, надъ какимъ выполнить его предположилъ дѣйствовавшій. Это случаи, въ которыхъ, напримѣръ, вмѣсто жизни страдаетъ собственность или здоровье и наоборотъ и т. п. А. въ намѣреніи испортить новую шляпу В. ударяетъ его по головѣ, но такъ неловко, что В. умираетъ отъ удара; В., съ цѣлью нанести рану С., бросаетъ въ него камень, камень убиваетъ и т. д. и т. д.

Сопоставляя обѣ эти группы случаевъ съ примѣрами случаевъ aberratio ictus и error in objecto, мы легко замѣтимъ, что во 1-хъ, эти послѣдніе совершенно сходны съ первой группой случаевъ, что во 2-хъ, ни одинъ изъ нихъ не можетъ себѣ найти мѣста въ группѣ второй, и что въ 3-хъ, если такимъ образомъ и можно про случаи aberratio ictus и error in objecto сказать, что они суть случаи «вы-

полненія преступленія не надъ предполагавшимся благомъ, охраняемымъ правомъ», то только въ извѣстномъ, ограниченномъ значеніи этого выраженія, при чемъ это ограниченіе можно отмѣнить, употребляя вмѣсто слова «благо» выраженіе «конкретное однородное благо».

Итакъ, разобравъ выраженіе «выполненіе преступленія не надъ предполагавшимся объектомъ» въ его возможныхъ значеніяхъ, мы нашли, наконецъ, и то значеніе его, въ какомъ оно можетъ служить опредѣленіемъ случаямъ aberratio ictus и error in objecto.

Болѣе удачнымъ является другое опредѣленіе случаевъ aberratio ictus и error in objecto, защищаемое другими криминалистами, опредѣленіе, по которому это суть случаи, «когда преступное дѣйствіе, намѣренно направленное субъектомъ на одну вещь, поражаетъ, по стеченію независимыхъ отъ субъекта обстоятельствъ, другое лицо или другую вещь, или когда самъ субъектъ по ошибкѣ совершаетъ преступленіе надъ другимъ лицомъ или другою вещью, принявъ ихъ за тѣ, надъ которыми онъ былъ намѣренъ его совершить». Конечно, здѣсь мы имѣемъ дѣло не столько съ опредѣленіемъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, сколько съ описаніемъ, но тѣмъ не менѣе, сравнительно съ разобраннымъ опредѣленіемъ, и это описаніе имѣетъ выгоды. Выгоды эти состоятъ въ томъ, что въ немъ нѣтъ неопредѣленныхъ терминовъ, подобныхъ термину «объектъ», а потому оно не вызываетъ споровъ въ изложеніи и не сбиваетъ при изслѣдованіи.

Не трудно видѣть, что при всемъ томъ оно совершенно соотвѣтствуетъ выраженію «выполненіе преступленія не надъ предполагаемымъ конкретнымъ однороднымъ благомъ», такъ какъ все различіе конкретныхъ однородныхъ благъ, предполагавшагося и дѣйствительнаго, въ примѣрахъ aberratio ictus и error in objecto какъ разъ состоитъ или въ различіи лицъ, которымъ принадлежатъ эти блага, или въ различіи вещей, въ которыхъ они воплощаются.

Таковы опредѣленія случаевъ aberratio ictus и error in objecto, встрѣчаемыя въ доктринѣ уголовнаго права.

II.

Какое же значеніе придаетъ доктрина тѣмъ отличительнымъ чертамъ обѣихъ группъ, которыя, какъ мы видѣли, она констатируетъ?

Взгляды, сюда принадлежащіе, распадаются на двѣ группы.

Къ первой группѣ могутъ быть отнесены теоріи, защищающія за упомянутыми чертами извѣстное значеніе, усматривающія его въ особенностяхъ самой юридической конструкціи случаевъ aberratio ictus и error in objecto.

Ко второй же группѣ, въ этомъ случаѣ, отойдутъ теоріи, отрицающія какое либо значеніе этихъ чертъ.

Въ русской литературѣ къ ученіямъ первой группы должны быть отнесены теоріи Будзинскаго, Таганцева, Колоколова и Сергѣевскаго; къ ученіямъ второй группы—теорія Кистяковскаго.

А. Сущность теорій, отнесенныхъ нами къ первой группѣ, состоитъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) случаи, подлежащіе изслѣдованію, суть случаи выполненія преступленія не надъ предполагаемымъ объектомъ;

2) какъ въ таковыхъ, въ нихъ всегда можно констатировать наличность двухъ объектовъ: объекта—какъ его себѣ представляетъ дѣйствующій, и объекта, какъ онъ существуетъ въ дѣйствительности;

3) эта двойственность объектовъ необходимо обусловливаетъ особенности юридической конструкціи разсматриваемыхъ случаевъ, такъ какъ она требуетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія виновности по отношенію къ каждому изъ нихъ;

4) противное мнѣніе, разсматривающее все происшедшее, какъ единое цѣлое, вызываетъ сильныя возраженія и съ теоретической и практической стороны.

Обратимся къ разсмотрѣнію этихъ положеній.

Прежде всего, что касается до перваго изъ нихъ, а слѣдовательно и до втораго, представляющаго лишь перефразировку перваго, то мы знаемъ уже изъ вышеизложеннаго, въ какомъ значеніи они могутъ быть признаны правильными, соотвѣтствующими природѣ опредѣляемыхъ ими фактовъ. Мы знаемъ, другими словами, что въ нихъ обоихъ заключается не болѣе, какъ утвержденіе того, что въ случаяхъ aberratio ictus и error in objecto страдающее отъ нарушенія конкретное благо, какъ его себѣ представляетъ дѣйствующій, и оно же, какъ оно имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности, суть два различныя блага одного рода.

Посмотримъ теперь, даетъ ли право такая замѣчаемая съ правильной точки зрѣнія «двойственность объектовъ» въ случаяхъ aberratio ictus и error in objecto смотрѣть на нихъ какъ на случаи, къ которымъ необходимо примѣнить особую, отличную отъ конструкціи нормальныхъ случаевъ, конструкцію?

Посмотримъ, дѣйствительно ли такая «двойственность объектовъ» «требуетъ отдѣльнаго разсматриванія виновности по отношенію къ каждому изъ нихъ»—какъ это прямо утверждается однимъ изъ подлежащихъ нашему разбору положеній?

Не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію, что если виновность,

согласно общепринятому въ доктринѣ уголовнаго права опредѣленію, есть не что другое, какъ внутренняя сторона преступленія, психическій его элементъ, то говорить о двухъ отдѣльныхъ виновностяхъ можно не иначе, какъ имѣя въ виду два отдѣльныя преступленія.

Согласно съ этимъ, требованіе отдѣльнаго разсмотрѣнія виновности по отношенію къ каждому изъ объектовъ, двойственность которыхъ представляютъ случаи aberratio ictus и error in objecto, только тогда не будетъ нелѣпо, когдо такая двойственность объектовъ создаетъ и самую двойственность преступленій.

Такимъ образомъ очевидно: чтобы доказать возможность и необходимость отдѣльнаго разсмотрѣнія виновности по отношенію къ каждому изъ объектовъ, имѣющихся въ случаяхъ aberratio ictus и error in objecto, сначала нужно доказать, что въ нихъ двойственность объектовъ есть вмѣстѣ и двойственность самыхъ нарушеній.

Но напрасно мы стали бы искать въ разсматриваемой доктринѣ такихъ доказательствъ — возможность перехода отъ двойственности объектовъ къ двойственности и самыхъ нарушеній остается въ ней недоказанной.

Въ справедливости этого замѣчанія лучше всего можно убѣдиться изъ разсмотрѣнія слѣдующаго, прямо относящагося къ настоящему вопросу мѣста, принадлежащаго «Курсу» Таганцева.

«Если мы, говоритъ проф. Таганцевъ, обратимся къ принципамъ современнаго права, требующаго для полноты преступленія осуществленія воли въ дѣйствіи, т. е. наличности преступной и причинной связи, то съ этой точки зрѣнія разбираемый нами случай представитъ двойственность преступныхъ явленій, отличныхъ и по внутренней, и по внѣшней своей сторонѣ» («Курсъ» II, № 262).

Что въ этомъ утвержденіи никакой доказательной силы не заключается—это видѣть не трудно: оно или ничего не доказываетъ или доказываетъ слишкомъ много.

Въ самомъ дѣлѣ, если для полноты преступленія, согласно принципамъ современнаго права, требуется осуществленіе воли въ дѣйствіи, то съ этой точки зрѣнія мы или во всѣхъ случаяхъ несоотвѣтствія между волей и дѣйствіемъ должны признать двойственность преступныхъ явленій, отличныхъ и по внутренней, и по внѣшней своей сторонѣ, или же ни въ одномъ.

Въ первомъ случаѣ двойственность нарушеній, предполагаемаго и дѣйствительнаго, и вмѣстѣ необходимость особой юридической конструкціи была бы доказана для цѣлаго ряда случаевъ, повидимому ничего общаго со случаями aberratio ictus и error in objecto не имѣ-

ющихъ, случаевъ, вездѣ и всегда справедливо считавшихся за нормальные случаи нарушеній. Таковы слѣдующіе случаи: А. хочетъ нанести В. ударъ въ спину, промахивается и попадаетъ въ голову; А. хочетъ убить В. выстрѣломъ въ сердце, пуля попадаетъ въ глазъ; А. съ цѣлью убить В., сталкиваетъ его въ воду; В. падая, разбиваетъ голову о камень и под.

Во второмъ—и въ случаяхъ aberratio ictus и error in objecto нельзя видѣть съ этой точки зрѣнія двойственность нарушеній, потому что нельзя видѣть отличія только что приведенныхъ примѣровъ нарушеній нормальныхъ отъ любаго изъ примѣровъ aberratio ictus и error in objecto. Когда воля имѣетъ въ виду нанесеніе удара въ сердце, и отнюдь не въ другое мѣсто, а ударъ въ дѣйствительности попадаетъ въ лицо, то если въ такомъ случаѣ нельзя говорить о неосуществленіи воли въ дѣйствіи, — нельзя говорить о немъ и въ любомъ изъ примѣровъ aberratio ictus и error in objecto, гдѣ жертвою избирается опредѣленное лицо, отнюдь не другое, а падаетъ это другое. Конечно, если ударъ именно въ сердце былъ избранъ волею лишь предпочтительно передъ другими, если желаніе наносившаго ударъ не было ограничено исключительно однимъ опредѣленнымъ ударомъ—ударомъ въ сердце, то о неосуществленіи воли говорить въ такомъ случаѣ трудно. Но случай этотъ нельзя ставить въ параллель со случаями aberratio ictus и error in objecto. Ему строго соотвѣтствуютъ случаи другаго рода, подобные слѣдующему: А. изъ рядомъ стоящихъ В. и С. предпочтительно желаетъ убить В., но ничего не имѣетъ противъ смерти С., стрѣляетъ въ В., промахивается и попадаетъ въ С.

Итакъ, принципъ современнаго права, согласно которому для полноты преступленія требуется осуществленіе воли въ дѣйствіи—самъ по себѣ вовсе не даетъ основаній для выдѣленія случаевъ aberratio ictus и error in objecto въ особую группу, для признанія только въ ней двойственности нарушеній и вмѣстѣ особой юридической конструкціи.

И такимъ образомъ ссылка доктрины на этотъ принципъ, столь ясно формулированная у Таганцева ссылка въ доказательство возможности перехода отъ двойственности объектовъ къ двойственности и самыхъ нарушеній—ничего на дѣлѣ не доказываетъ.

А между тѣмъ, этотъ переходъ — самый важный пунктъ всей теоріи.

Но, можетъ быть, возможность его такъ очевидна, что и не требуетъ никакихъ доказательствъ?

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ замѣна одного объекта преступленія другимъ сама по себѣ не даетъ намъ другаго преступленія? Развѣ два

преступленія не могутъ разниться исключительно своими объектами? Объектъ преступленія не есть ли одинъ изъ элементовъ его состава, а потому различіе двухъ объектовъ не даетъ ли намъ непосредственно и различіе двухъ преступленій по ихъ составу?

Отвѣты на эти вопросы могутъ быть и утвердительные и отрицательные—это зависитъ отъ того, изъ какой отправной точки мы будемъ исходить.

Именно, нужно различать двѣ точки зрѣнія: конкретную—фактическую и отвлеченную—юридическую.

Едва ли можно оспаривать, что между этими точками существуетъ коренное различіе.

Фактическая точка зрѣнія—точка объективная, и, какъ таковая, она не можетъ игнорировать ни самой малѣйшей индивидуальной черты того или другаго предмета.

Напротивъ, точка зрѣнія юридическая есть прежде всего точка зрѣнія субъективная и, какъ таковая, она различаетъ предметы уже не индивидуальными ихъ чертами, а такъ, какъ это нужно сообразно съ цѣлями права. Ближайшая цѣль права—есть регулированіе фактическихъ отношеній общими мѣрами, установленіе общихъ правилъ обязательнаго поведенія, а для достиженія этой цѣли оно не можетъ иначе различать регулируемыя отношенія, какъ только извѣстными общими чертами, игнорируя индивидуальныя ихъ отличія. Безъ этого игнорированія и самая задача права недостижима—только этимъ путемъ оно и можетъ придти къ положеніямъ общимъ.

Никто, конечно, не станетъ оспаривать, что съ конкретной фактической точки зрѣнія несоотвѣтствіе между волей и дѣйствіемъ, между представленіемъ и дѣйствительностью, несомнѣнно существуетъ и въ томъ случаѣ, когда, напримѣръ, пуля хоть на волосокъ да отклонилась отъ предназначенной цѣли. Съ этой точки здѣсь, разумѣется, можно говорить о двухъ дѣйствіяхъ: дѣйствіи, какъ его себѣ представлялъ дѣйствовавшій, и дѣйствіи, какъ оно имѣло мѣсто въ дѣйствительности. А такъ какъ каждое изъ этихъ дѣйствій—и предполагавшееся и осуществившееся — могутъ быть названы, при извѣстныхъ условіяхъ, преступными, то съ фактической конкретной точки зрѣнія въ приведенномъ примѣрѣ можно, пожалуй, говорить и о двухъ преступленіяхъ. Но, конечно, никому и въ голову не придетъ настаивать въ этомъ примѣрѣ на отдѣльномъ разсмотрѣніи виновности по отношенію къ каждому изъ дѣйствій — и это потому, что съ юридической точки зрѣнія здѣсь различіе, несомнѣнное съ точки зрѣнія фактической, совсѣмъ не существуетъ, потому что съ

точки зрѣнія юридической здѣсь нельзя говорить о двухъ преступныхъ явленіяхъ: задуманное и выполненное здѣсь съ этой точки представляютъ тождество.

Изъ всего этого ясно слѣдуетъ, что если мы станемъ на точку зрѣнія фактическую, то, конечно, заключеніе отъ двойственности объектовъ въ случаяхъ aberratio ictus и error in objecto къ двойственности и самыхъ нарушеній будетъ заключеніемъ правильнымъ. Но для того, чтобы оно было правильно и съ точки зрѣнія юридической, необходимо сначала доказать, что конкретное различіе двухъ однородныхъ благъ, составляющее двойственность объектовъ, есть и съ юридической точки зрѣнія различіе, имѣетъ и юридическое значеніе. Само собой же это вовсе не ясно. Если въ примѣрахъ: А. въ намѣреніи повредить В. правую руку, стрѣляетъ въ нее, но попадаетъ въ лѣвую; при тѣхъ же условіяхъ А. попадаетъ въ лѣвую руку С., стоящаго рядомъ съ В.,—если въ этихъ примѣрахъ разсматриваемая доктрина въ первомъ видитъ единичное преступленіе съ единичною же виновностью, а во второмъ требуетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія виновности А. какъ по отношенію къ рукѣ В., такъ и по отношенію къ рукѣ С., то, безъ сомнѣнія, она должна доказать, что, между тѣмъ какъ конкретное различіе между правой и лѣвой рукой В. въ глазахъ права никакого значенія въ данномъ случаѣ не имѣетъ, конкретное различіе между рукой В. и рукой С., наоборотъ, такое значеніе имѣетъ; что, поэтому, если въ первомъ случаѣ и можно говорить о двойственности нарушеній задуманнаго и выполненнаго, то только съ точки зрѣнія фактической, во второмъ же такая двойственность имѣетъ мѣсто и съ юридической точки зрѣнія.

Единственную попытку привести такія доказательства мы встрѣчаемъ у проф. Колоколова, опирающагося въ рѣшеніи разбираемаго вопроса на теорію проф. Сергѣевскаго о различіи силъ совпадающихъ и привступающихъ.

Теорія эта состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что факторы, участвующіе въ произведеніи извѣстнаго явленія, по взгляду проф. Сергѣевскаго, распадаются на двѣ категоріи, если разсматривать ихъ въ отношеніи сознанія дѣйствующаго: къ одной категоріи отходятъ факторы, которые, если не въ отдѣльности, то, по крайней мѣрѣ, въ совокупности всегда сознаются дѣйствующимъ, къ другой же тѣ факторы, которые не иначе могутъ быть сознаны, какъ только въ отдѣльности.

Въ связи съ этой теоріей случаи aberratio ictus и error in objecto потому выдѣляются изъ массы другихъ случаевъ несоотвѣтствія между

волей и дѣйствіемъ, что они всегда представляютъ наличность факторовъ второй категоріи, что въ нихъ мы всегда можемъ подмѣтить участіе силъ привступающихъ, дѣйствующимъ не сознаваемыхъ, тогда какъ въ другихъ случаяхъ такого несоотвѣтствія совершившееся является результатомъ силъ совпадающихъ, всегда сознаваемыхъ дѣйствующимъ—или и въ отдѣльности, или же, по крайней мѣрѣ, во всей ихъ совокупности. Вслѣдствіе этого, между тѣмъ какъ въ этихъ послѣднихъ случаяхъ все происшедшее въ отношеніи сознанія дѣйствующаго является единымъ цѣлымъ—въ случаяхъ aberratio ictus и error in objecto всегда можно констатировать въ этомъ отношеніи извѣстную двойственность, изъ которой и вытекаетъ требованіе отдѣльнаго разсмотрѣнія виновности.

Противъ такой аргументаціи можно, какъ кажется, сдѣлать слѣдующія возраженія:

Во 1-хъ, вся она представляетъ пріемъ, заключающій въ себѣ petitio principii: нельзя значеніе различія послѣдствій строить на различіи предвидѣнія и непредвидѣнія факторовъ, такъ какъ самое значеніе такого предвидѣнія и непредвидѣнія условливается исключительно значеніемъ результатовъ. Если имѣетъ какое либо юридическое значеніе тотъ фактъ, что убитъ не В., а С., то и предвидѣніе или непредвидѣніе случившагося не останется безъ вліянія на юридическую оцѣнку событія, въ противномъ случаѣ оно игнорируется.

Во 2-хъ, самая теорія проф. Сергѣевскаго, положенная въ основаніе разсматриваемой аргументаціи, отнюдь не имѣетъ приписываемаго ей значенія. Различіе силъ совпадающихъ и привступающихъ не есть различіе матеріальное, такъ какъ возможность или вѣроятность предвидѣнія того или другаго фактора бываютъ всегда относительны: нельзя не согласиться, что у искуснаго стрѣлка, цѣлившаго въ правый и случайно попавшаго въ лѣвый глазъ противника, часто можетъ быть гораздо менѣе основаній допустить въ предвидѣніи случившееся, чѣмъ у инаго лица въ томъ или другомъ случаѣ aberratio ictus и error in objecto. Напротивъ, не трудно видѣть, что все различіе силъ совпадающихъ и привступающихъ есть не что иное, какъ презумпція, а потому и значеніе его можетъ быть исключительно процессуальное.

Поэтому разсматриваемая аргументація грѣшитъ еще и тѣмъ, что на различіи, имѣющемъ значеніе не болѣе какъ процессуальное, она пытается построить различіе матеріальное.

Итакъ, разобравъ единственную въ доктринѣ попытку обоснованія возможности перехода отъ двойственности объектовъ къ двойствен-

ности и самыхъ нарушеній, мы всетаки должны придти къ заключенію, что такая возможность остается въ доктринѣ совсѣмъ недоказанной.

Намъ кажется, что такое отношеніе доктрины къ самому важному пункту ея теоріи безспорно свидѣтельствуетъ о томъ, что ею смѣшаны двѣ указанныя точки зрѣнія: фактическая и юридическая. А смѣшать ихъ для нея было тѣмъ легче, что употребляемый ею терминъ объектъ одинаково годенъ для того, чтобы выраженіе «двойственность объектовъ» могло получить значеніе съ точки зрѣнія какъ фактической, такъ и юридической.

Дѣйствительно, выше уже мы говорили, что блага и интересы, охраняемые правомъ и являющіеся, по опредѣленію нѣкоторыхъ ученыхъ, объектами преступленій, можно понимать двояко: или разумѣть подъ ними конкретныя блага и интересы, каковы: жизнь А., жизнь В., здоровье С., вещь а, принадлежащая Д., вещь в, принадлежащая Д. и т. д. и т. д.;—или же, если брать ихъ въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они входятъ въ правовыя велѣнія, разумѣть подъ ними родовыя понятія, своего рода типы,—таковы: жизнь, здоровье, имущество и т. под.

Въ первомъ случаѣ выраженіе «двойственность объектовъ» означаетъ извѣстное отношеніе, напримѣръ, жизни А. къ жизни В., во второмъ—отношеніе, напримѣръ, жизни къ здоровью, и т. д. И между тѣмъ, какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ совершенно ясно, что различіе или двойственность объектовъ есть вмѣстѣ и различіе, двойственность самыхъ нарушеній—въ первомъ такой переходъ отъ двойственности объектовъ къ двойственности нарушеній вовсе не очевиденъ и требуетъ непремѣнно доказательствъ.

Намъ кажется, что только смѣшеніемъ этихъ двухъ значеній термина объектъ можно объяснить отсутствіе въ разсматриваемой доктринѣ мотивировки выставляемыхъ ею положеній. Вотъ почему мы и считаемъ введеніе въ опредѣленіе случаевъ aberratio ictus и error in objecto термина «объектъ» очень неудачнымъ.

Но, вѣрно это замѣчаніе или нѣтъ, какъ бы то ни было, — тотъ фактъ, что, выставляя для случаевъ aberratio ictus и error in objecto, какъ случаевъ выполненія преступленія не надъ предполагаемымъ объектомъ, требованіе отдѣльнаго разсмотрѣнія виновности по отношенію къ каждому изъ объектовъ, доктрина не приводитъ въ защиту справедливости такого требованія никакихъ основаній—этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію.

Указаніе на этотъ фактъ и составляетъ одно изъ теоретическихъ возраженій противъ разсматриваемаго ученія.

В. Вопреки взгляду разсмотрѣнной доктрины, теоріи второй группы утверждаютъ, что двойственность объектовъ въ случаяхъ aberratio ictus и error in objecto никакого вліянія на юридическую конструкцію этихъ случаевъ не имѣетъ, что въ этомъ отношеніи, напротивъ, такіе случаи представляютъ не болѣе, какъ случаи обыкновенныхъ умышленныхъ нарушеній.

При этомъ, мотивируя свой взглядъ, теоріи второй группы ссылаются на общее ученіе объ умыслѣ и о невѣдѣніи. И дѣйствительно, намъ кажется, нельзя не согласиться, что этотъ взглядъ, защищаемый разсматриваемой группой теорій, находится въ полной гармоніи съ общимъ ученіемъ объ умыслѣ и о невѣдѣніи.

Слово «умыселъ» употребляютъ для обозначенія двухъ совершенно различныхъ понятій. Съ одной стороны, подъ умысломъ разумѣютъ психическій элементъ умышленнаго преступленія въ моментъ его совершенія, съ другой же—слово умыселъ употребляется для обозначенія нѣкоторыхъ предшествующихъ преступленію моментовъ.

Благодаря такому обстоятельству, самыя понятія, выражаемыя этимъ терминомъ, нерѣдко смѣшиваются. Между тѣмъ, различіе между ними покоится на незыблемомъ основаніи: на различіи между характеристикой психическаго состоянія субъекта въ моментъ совершенія дѣянія и характеристикой его въ предшествующіе моменты. Да и кромѣ незыблемости основанія, за принятіе этого различія говоритъ его важное значеніе, выступающее съ очевидностью при примѣненіи его къ самому дѣянію: психическое состояніе лица въ моментъ дѣянія есть психическій элементъ послѣдняго, психическое состояніе лица въ моменты, предшествовавшіе дѣянію, къ послѣднему могутъ стоять лишь въ причинномъ отношеніи. Такимъ образомъ, смѣшивать эти понятія въ одно—значитъ смѣшивать одно изъ условій явленія съ самымъ явленіемъ.

Имѣя въ виду указанное различіе понятій, выражаемыхъ словомъ «умыселъ», нельзя не согласиться, что умышленность или неумышленность нарушенія зависитъ исключительно отъ наличности или отсутствія умысла въ первомъ изъ приведенныхъ его значеній. Это видно уже изъ того, что умышленность есть одна изъ формъ виновности вообще, виновность же, по общепринятому взгляду, есть психическій элементъ преступнаго дѣянія. Каково бы ни было въ предшествующіе моменты отношеніе дѣйствующаго къ своему дѣйствію, умышленность или неумышленность послѣдняго опредѣлится въ зависимости исключительно отъ отношенія къ нему дѣйствующаго въ самый моментъ его совершенія. «Различеніе умысла и неосторожности,

говоритъ проф. Таганцевъ, должно заключаться въ различіи психическаго состоянія лица въ моментъ совершенія преступленія».

Изъ этого слѣдуетъ, что справедливость взгляда, по которому случаи aberratio ictus и error in objecto суть случаи обыкновенныхъ умышленныхъ нарушеній, будетъ доказана, если, по разсмотрѣніи условій умысла въ первомъ изъ указанныхъ его значеній, окажется, что всѣ эти условія на лицо и въ случаяхъ aberratio ictus и error in objecto.

Посмотримъ теперь, каковы же эти условія.

Внутренняя сторона дѣйствія или психическій элементъ его состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ или другомъ отношеніи дѣйствующаго къ дѣйствію.

Въ частности внутренняя сторона преступленія, какъ таковаго, есть то или другое отношеніе преступника къ совершаемому имъ преступному дѣйствію, какъ таковому, т. е., другими словами, къ запрещенности совершаемаго дѣйствія. Это отношеніе можно разсматривать или со стороны сознанія или со стороны воли.

Разсматриваемое со стороны сознанія оно является въ двухъ возможныхъ видахъ:

или a) субъектъ сознаетъ запрещенность совершаемаго дѣйствія,

или b) субъектъ не сознаетъ запрещенности совершаемаго.

Подобныя же двѣ формы принимаетъ отношеніе субъекта къ запрещенности совершаемаго имъ дѣйствія и въ томъ случаѣ, если его разсматривать со стороны воли:

или a) въ содержаніе воли дѣйствіе входитъ, между прочимъ, и какъ запрещенное

или b) какъ запрещенное оно не входитъ въ содержаніе воли.

По общепринятому въ доктринѣ уголовнаго права взгляду, изъ этихъ четырехъ формъ отношенія дѣйствующаго къ своему дѣйствію къ области умысла относятся только двѣ: первая и третья, соединяя которыя мы получимъ слѣдующее опредѣленіе умысла, указывающее на его общія условія: «умыселъ есть сознательное и волимое совершеніе правонарушенія».

Такимъ образомъ, для наличности умысла требуются два общія условія: требуется, чтобы дѣйствующій сознавалъ запрещенность совершаемаго, и требуется, чтобы въ содержаніе воли, опредѣлившей дѣйствіе, это послѣднее входило, между прочимъ, и какъ запрещенное.

Но не трудно видѣть, что эти два условія въ сущности сводятся къ одному — къ наличности сознанія запрещенности совершаемаго. Это потому, что: 1) въ содержаніе воли не можетъ входить ничего

помимо сознанія; 2) что и обратно, все то, что въ моментъ дѣйствія входитъ въ сознаніе дѣйствующаго, какъ имѣющее быть результатомъ совершаемаго — все это можетъ быть отнесено къ содержанію воли дѣйствующаго; что, наконецъ, 3) даже и несогласный съ этимъ долженъ же признать, что виновность дѣйствующаго съ сознаніемъ запрещенности совершаемаго—есть виновность умышленная.

Итакъ, сознаніе запрещенности совершаемаго—вотъ условіе, безъ котораго не можетъ быть и рѣчи объ умыслѣ и, обратно, наличность котораго дѣлаетъ виновность умышленною.

Что же требуется для наличности сознанія запрещенности совершаемаго?

Наличность сознанія запрещенности совершаемаго предполагаетъ свои нѣкоторыя предшествующія. Сознаніе это можетъ возникнуть въ душѣ дѣйствующаго лишь логическимъ путемъ заключенія отъ тѣхъ или другихъ достовѣрныхъ для него данныхъ. Эти данныя приводятъ его, съ одной стороны, къ знанію нормы, которая составляетъ большую посылку его заключенія, съ другой стороны, къ знанію совершаемаго дѣйствія и его обстановки, что составляетъ меньшую посылку заключенія. Такимъ образомъ, знаніе нормы и знаніе обстановки совершаемаго дѣйствія—таковы два предварительныя необходимыя условія умысла.

Условія эти можно разсматривать съ двухъ сторонъ: съ положительной и съ отрицательной. Разсматриваемыя съ положительной стороны, они даютъ отвѣтъ на вопросъ: до какой минимальной степени должны совпадать норма и обстановка, какъ ихъ себѣ представляетъ дѣйствующій—съ одной, и норма и обстановка, какъ они существуютъ объективно—съ другой стороны, чтобы можно было говорить о наличности знанія ихъ дѣйствующимъ, знанія достаточнаго для обоснованія умысла? или, другими словами: невѣдѣніе или ошибка относительно какихъ сторонъ нормы и обстановки дѣйствія дѣлаютъ невозможнымъ бытіе умысла?

Разсматриваемыя же со стороны отрицательной, они отвѣчаютъ на вопросъ: до какой степени могутъ не совпадать норма и обстановка дѣйствія, какъ ихъ себѣ представляетъ дѣйствующій,—съ одной, и норма и обстановка дѣйствія, какъ они суть объективно—съ другой стороны, не уничтожая умысла? другими словами: относительно какихъ сторонъ нормы и обстановки дѣйствія невѣдѣніе и ошибка дѣйствующаго не вліяютъ на бытіе умысла.

Отвѣчая на эти вопросы, опредѣляя ту степень знанія, которая необходима для бытія умысла, само собой разумѣется, мы постоянно

должны имѣть въ виду такое отношеніе, какое существуетъ между нормой и дѣйствіемъ съ его обстановкой, какъ между большей и меньшей посылками въ правильномъ умозаключеніи. Мы должны помнить, что для наличности умысла важно сознаніе запрещенности совершаемаго, что, поэтому, отыскивая требуемое для умысла знаніе нормы и дѣйствія въ его обстановкѣ, мы въ сущности говоримъ о знаніи необходимомъ и вмѣстѣ достаточномъ для того, чтобы дѣйствующій могъ придти къ сознанію запрещенности совершаемаго.

Имѣя это въ виду, не трудно уже опредѣлить искомую степень знанія какъ въ отношеніи нормы, такъ и въ отношеніи дѣйствія и его обстановки.

Въ отношеніи нормы, играющей для заключенія роль большей посылки, необходимой и достаточной можетъ считаться со стороны дѣйствующаго та степень знанія, при которой норма правильно представляется обнимающей дѣянія, однородныя съ совершаемымъ, такъ какъ только при этомъ условіи совершаемое, какъ меньшая посылка въ заключеніи, можетъ быть подведено подъ норму, какъ подъ большую посылку. Поэтому, напримѣръ, ошибочное представленіе объ исключеніяхъ изъ общаго правила нормы, результатомъ котораго является подведеніе совершаемаго не подъ правило нормы, а подъ одно изъ исключеній, дѣлаетъ сознаніе запрещенности, а, слѣдовательно, и бытіе умысла невозможнымъ.

Совершенно аналогично въ отношеніи дѣйствія и его обстановки со стороны дѣйствующаго необходимо и достаточно правильное представленіе о тѣхъ сторонахъ дѣйствіяхъ и его обстановки, которыми однородныя дѣйствія и обстановки очерчены въ соотвѣтствующей нормѣ, другими словами, о тѣхъ, отъ коихъ именно содѣянное и обращается въ противозаконное. Такое знаніе необходимо потому, что безъ него сопоставленіе совершаемаго съ нормой уже не приведетъ къ сознанію его запрещенности; оно вмѣстѣ и достаточно, потому что и при немъ, предполагая заблужденіе дѣйствующаго относительно всѣхъ другихъ сторонъ совершаемаго, сопоставленіе этого послѣдняго съ нормой неминуемо вызываетъ сознаніе его запрещенности.

Формулируя нѣсколько иначе это положеніе, мы получимъ вмѣсто него слѣдующія четыре:

Въ отношеніи дѣйствія и его обстановки со стороны дѣйствующаго для бытія умысла требуется правильное представленіе имъ тѣхъ сторонъ дѣйствія и обстановки, наличность которыхъ создаетъ противорѣчіе дѣйствія съ нормой, т. е. его запрещенность;

невѣдѣніе или ошибка относительно этихъ чертъ несовмѣстимы съ умышленностью нарушенія;

для умысла безразлично, правильно или неправильно представленіе дѣйствующаго относительно всѣхъ другихъ чертъ объективной обстановки;

поэтому невѣдѣніе или ошибка, этихъ второстепенныхъ чертъ касающіяся, не исключаютъ умышленности нарушенія.

Такимъ образомъ, мы отыскали ту степень знанія, которая требуется со стороны дѣйствующаго какъ въ отношеніи нормы, такъ и въ отношеніи совершаемаго имъ дѣйствія, для того, чтобы въ душѣ его могло возникнуть сознаніе запрещенности этого дѣйствія.

Посмотримъ же теперь, наконецъ, имѣется или нѣтъ такая степень знанія на лицо и въ случаяхъ aberratio ictus и error in objecto?

Что въ этихъ случаяхъ представленіе дѣйствующаго о совершаемомъ имъ дѣйствіи расходится съ дѣйствительностью — это мы уже знаемъ. Мы знаемъ также, что это несоотвѣтствіе между представленіемъ дѣйствующаго и дѣйствительностью состоитъ въ томъ, что вмѣсто страдающаго въ дѣйствительности отъ нарушенія конкретнаго блага, дѣйствующій предполагаетъ страдающимъ другое конкретное однородное благо.

Весь вопросъ, значитъ, въ томъ, къ какому разряду заблужденій должно быть отнесено то заблужденіе дѣйствующаго, которое можно констатировать въ любомъ изъ примѣровъ aberratio ictus и error in objecto: къ заблужденіямъ ли относительно тѣхъ чертъ дѣйствія и его обстановки, наличность которыхъ создаетъ противорѣчіе дѣйствія съ нормой, или къ заблужденіямъ относительно другихъ чертъ, не имѣющихъ такого значенія.

При такой постановкѣ вопроса, намъ кажется, нѣтъ никакой возможности колебаться въ выборѣ отвѣта: слишкомъ очевидно, что конкретныя различія однородныхъ благъ: предполагаемаго и дѣйствительнаго—для бытія преступленія никакого значенія не имѣютъ.

Для ясности мы пока оставимъ въ сторонѣ случаи, гдѣ одно изъ дѣяній—задуманное или выполненное—есть нарушеніе квалифицированное. Объ нихъ мы будемъ говорить ниже. Теперь же возьмемъ наиболѣе простой примѣръ разбираемыхъ случаевъ: А. стрѣляетъ въ В., промахивается и попадаетъ въ С.; или А., принимая С. за В., убиваетъ С. Можно ли сказать въ какомъ нибудь изъ такихъ случаевъ, что дѣяніе А., какъ оно имѣло мѣсто въ дѣйствительности, другими словами, убійство С., стало таковымъ или, по словамъ нашего уложенія, обратилось въ противозаконное, только благодаря

тому, что вмѣсто В. пострадалъ С.? Разумѣется, нѣтъ. Дѣяніе А. остается равно преступнымъ и въ томъ случаѣ, если мы мысленно устранимъ ошибку А., повлекшую смерть вмѣсто В. для С., и представимъ, что убитъ не С., а В.

Если лишеніе жизни считается одинаково запрещеннымъ убійствомъ, гдѣ бы оно ни совершилось, въ Тамбовской или Петербургской губ., въ городѣ или въ деревнѣ, на воздухѣ или въ комнатѣ; надъ кѣмъ бы оно ни совершилось,—лишенъ ли жизни крестьянинъ или дворянинъ, старикъ или молодой, нищій или милліонеръ, А. или В., В. или С.; когда бы оно ни совершилось; чѣмъ бы оно совершено ни было,—посредствомъ ли выстрѣла или удара, потопленія или удушенія и т. д. и т. д.,—то какую бы комбинацію мы изъ этихъ гдѣ бы, когда бы, надъ кѣмъ бы и т. д. ни составляли, всегда съ точки зрѣнія права мы будемъ имѣть дѣло съ тождественными нарушеніями права, регулирующаго тождественныя отношенія по поводу тождественныхъ объектовъ, которыми въ данномъ случаѣ являются тождественныя жизни тождественныхъ для права субъектовъ—и ясно, что различіе всѣхъ этихъ: когда бы, гдѣ бы, надъ кѣмъ бы и чѣмъ бы и т. д. никакого значенія для бытія преступленія не имѣетъ.

Конечно, всякое конкретное правонарушеніе, когда либо возникшее, равно какъ и когда либо имѣющее возникнуть, совершилось и будетъ совершаться въ конкретной опредѣленной обстановкѣ. Убивался всегда субъектъ, тѣми или другими индивидуальными чертами выдѣлявшійся изъ группы ему подобныхъ, всегда въ конкретной индивидуальными отличіями полной обстановкѣ, въ опредѣленномъ мѣстѣ, путемъ извѣстныхъ средствъ и т. д. То же самое предстоитъ и въ будущемъ. Но утверждать на основаніи этого, что опредѣленность субъекта, объекта, средствъ, вообще обстановки—необходимое условіе преступленія, а потому правильное представленіе о нихъ—необходимое условіе умысла, значило бы заходить слишкомъ далеко, бить дальше цѣли. Всѣ эти условія суть условія всякаго дѣйствія вообще, преступно оно или нѣтъ, даже всякаго движенія. Они говорятъ лишь о невозможности какого нибудь «бытія» вообще, «бытія» не конкретнаго — ни болѣе, ни менѣе. Конечно, такъ какъ невозможность фактическая исключаетъ возможность юридическую, то и обратно, требованіе наличной возможности фактической для наличности возможности юридической есть требованіе совершенно справедливое (ad impossibilia nulla obligatio). Но помѣщать его въ число условій нарушенія представляется тѣмъ не менѣе, съ одной стороны, излишнимъ, такъ какъ, признавая нарушеніе дѣйствіемъ, мы тѣмъ

самымъ включаемъ уже, какъ данныя, всѣ условія дѣйствія вообще,—съ другой стороны прямо невѣрнымъ: являясь условіемъ нарушенія, какъ дѣйствія, конкретная опредѣленность отнюдь не составляетъ условія *преступнаго* дѣйствія, какъ таковаго. Изъ того, что для бытія преступленія всегда требуется какая нибудь опредѣленная обстановка, совокупность конкретныхъ чертъ, слѣдуетъ, само собой, что та или другая индивидуальность любой опредѣленной обстановки вліянія на нарушеніе не оказываетъ. Нарушеніе только тогда впервые выдѣляется изъ области дѣйствій вообще, другими словами, дѣйствіе впервые только становится правонарушеніемъ, когда изъ всѣхъ конкретныхъ, опредѣленныхъ обстановокъ, въ какихъ оно когда либо имѣетъ совершиться, право выдѣлитъ нѣкоторыя въ особую группу, какъ отвѣчающія, при всей своей индивидуальности, тѣмъ или другимъ общимъ чертамъ, въ наличности которыхъ, и только ихъ, оно видитъ достаточную сумму условій нежелательныхъ ему результатовъ, и когда въ этой то именно группѣ обстановокъ оно объявитъ дѣйствіе запрещеннымъ.

Такимъ образомъ, опредѣленность, конкретность обстановки, объекта, средствъ и т. п. не входитъ въ число условій, выдѣляющихъ правонарушенія—понятіе видовое—изъ дѣйствій—понятія родоваго, а только о такихъ условіяхъ, условіяхъ, отъ коихъ именно, повторяя выраженіе нашего законодателя, содѣянное обращается въ противозаконное, у насъ въ этомъ мѣстѣ и идетъ рѣчь.

Еели же это такъ, то не впадая въ противорѣчіе съ общимъ ученіемъ объ умыслѣ и о невѣдѣніи, нельзя не согласиться, что нарушенія, имѣющія мѣсто въ случаяхъ aberratio ictus и error in objecto, суть нарушенія умышленныя, что велѣнія нормъ: не убей, не укради и т. д. въ нихъ преступаются сознательно, и что наблюдаемое въ нихъ несоотвѣтствіе между представленіемъ дѣйствующаго и дѣйствительностью никакого юридическаго значенія не имѣетъ.

Какъ ни простъ, какъ ни ясенъ, повидимому, этотъ взглядъ, послѣдовательно выведенный изъ общихъ положеній ученія объ умыслѣ и о невѣдѣніи, положеній, которыя въ доктринѣ уголовнаго права можно считать общепринятыми, тѣмъ не менѣе онъ вызываетъ въ той же доктринѣ извѣстныя возраженія, при чемъ одни изъ такихъ возраженій касаются теоретической стороны защищаемаго взгляда, другія стороны практической.

Съ теоретической стороны противники изложеннаго взгляда упрекаютъ его или въ односторонности, или же въ абстрактности, и согласно съ этимъ находятъ въ немъ противорѣчіе или

съ принципами современнаго права, или даже просто съ житейскою логикой.

Первый упрекъ состоитъ въ томъ, что смотрѣть на все происшедшее въ случаяхъ aberratio ictus и error in objecto какъ на единое цѣлое можно, будто бы, лишь исходя или изъ исключительно субъективной или изъ исключительно объективной отправной точки, что, напротивъ, взглядъ, согласный съ принципами современнаго права, требующаго для полноты преступленія осуществленія воли въ дѣйствіи, т. е., наличности преступной и причинной связи, долженъ будто бы признать въ этихъ случаяхъ двойственность преступныхъ явленій, отличныхъ и по внутренней и по внѣшней своей сторонѣ.

Намъ кажется не трудно показать всю несостоятельность приведеннаго возраженія.

Если бы опровергаемый такимъ возраженіемъ взглядъ, усматривая во всемъ происшедшемъ въ случаяхъ aberratio ictus и error in objecto единое цѣлое, исходилъ изъ строго субъективной точки, то онъ не могъ бы на это происшедшее смотрѣть иначе, какъ на покушеніе, такъ какъ разъ дѣйствующій предпринялъ все, что считалъ для наступленія извѣстнаго послѣдствія необходимымъ — съ этой точки безразлична не только уже невѣрность выполненія, но даже и то, наступитъ ли самое послѣдствіе, или нѣтъ: объективная его наличность или отсутствіе, согласно этому взгляду, значенія никакого имѣть не можетъ.

Равнымъ образомъ, если бы опровергаемый разсматриваемымъ возраженіемъ взглядъ, усматривая во всемъ происшедшемъ въ случаяхъ aberratio ictus и error in objecto единое цѣлое, исходилъ при этомъ изъ строго объективной отправкой точки, то это происшедшее являлось бы для него уже никакъ не умышленнымъ нарушеніемъ, а развѣ неосторожнымъ, такъ какъ все, что въ головѣ дѣйствующаго было не имѣющаго прямаго отношенія къ объективному составу происшедшаго—съ этой точки въ разсчетъ принято быть не можетъ.

Ясно такимъ образомъ, что взглядъ, противъ котораго направлены разбираемыя возраженія, взглядъ, по которому случаи aberratio ictus и error in objecto суть случаи обыкновенныхъ умышленныхъ нарушеній, не есть взглядъ ни строго объективный, ни строго субъективный. И при нѣкоторомъ вниманіи легко замѣтить, что онъ отнюдь не расходится съ принципами современнаго права, что—совсѣмъ напротивъ—своею отправкою точкою онъ избираетъ какъ разъ принципъ осуществленія воли въ дѣйствіи, что онъ не болѣе, какъ послѣдовательный выводъ изъ общихъ положеній ученія объ умыслѣ и

о невѣдѣніи, положеній вполнѣ согласныхъ съ указаннымъ принципомъ.

Такимъ образомъ, предъявленное ему защитниками взгляда противнаго разсмотрѣнное возраженіе проходитъ въ сущности мимо него, его не задѣвая.

Въ такомъ же положеніи, намъ кажется, находится и другое возраженіе, упрекающее опровергаемый взглядъ въ абстрактности, благодаря которой будто бы только и можно утверждать, что въ случаяхъ aberratio ictus и error in objecto наступившій результатъ вполнѣ совпадаетъ съ намѣреніемъ виновнаго субъекта. Такая абстрактность разсматриваемаго взгляда условливаетъ, по мнѣнію защитниковъ приведеннаго возраженія, логическую его несостоятельность, такъ какъ: «Mann kann nicht einen Menschen—unbestimmt welchen—tödten und ebensowenig einen Menschen unbestimmt welchen tödten wollen». Если внимательно вглядѣться въ это возраженіе, то легко можно замѣтить, что оно, по самому существу своему, отнюдь не заключаетъ въ себѣ опроверженія разсматриваемаго взгляда, а лишь одного изъ способовъ его обоснованія—и въ этихъ предѣлахъ оно несомнѣнно имѣетъ значеніе. Самый же взглядъ остается имъ не тронутымъ, такъ какъ, очевидно, онъ не только не связанъ необходимо съ опровергаемымъ обоснованіемъ, но даже, совсѣмъ напротивъ, весьма далекъ отъ непризнанія въ случаяхъ aberratio ictus и error in objecto конкретнаго несоотвѣтствія между задуманнымъ и выполненнымъ: онъ только не видитъ достаточныхъ побужденій къ выдѣленію этихъ случаевъ въ отношеніи юридической ихъ конструкціи изъ массы другихъ случаевъ несоотвѣтствія задуманнаго и выполненнаго.

Такимъ образомъ, оба разобранныя возраженія если и имѣютъ силу, то отнюдь не въ отношеніи самаго разсматриваемаго взгляда, а только въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ его обоснованій, возможныхъ или и дѣйствительно существующихъ.

Точно также не трудно показать недостатки и возраженій практическихъ, особенно подробно развитыхъ въ курсѣ у проф. Таганцева. Общая мысль этихъ возраженій та, что отрицаніе за случаями aberratio ictus и error in objecto особой юридической конструкціи, требованіе примѣненія и къ нимъ, какъ случаямъ нарушеній нормальныхъ, принципа единичной виновности приводитъ къ большимъ несообразностямъ, къ юридическимъ абсурдамъ въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ одно изъ различаемыхъ въ нихъ съ фактической точки зрѣнія нарушеній—задуманное или выполненное—есть нарушеніе квалифицированное, такъ какъ самъ собою возникаетъ въ этихъ случаяхъ

вопросъ: чѣмъ же опредѣлится въ нихъ юридическое значеніе факта—свойствами совершившагося, или свойствами задуманнаго?

Обращаясь къ анализу этого возраженія, нельзя прежде всего не замѣтить, что такое направленіе его лишь противъ нѣкоторыхъ изъ случаевъ aberratio ictus и error in objecto представляетъ косвенное удостовѣреніе того, что въ остальныхъ случаяхъ отрицаніе за нимъ особой юридической конструкціи и примѣненіе къ нимъ принципа виновности единичной никакихъ затрудненій съ практической стороны не представляетъ. Очевидно, что и самый вопросъ: чѣмъ же опредѣлится юридическое значеніе факта—свойствами совершившагося или задуманнаго,—теряетъ всякое значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда задуманное и выполненное юридически тождественны.

Но, дѣйствительно, такой вопросъ совершенно естественно возникаетъ относительно тѣхъ изъ случаевъ aberratio ictus и error in objecto, въ которыхъ одно изъ различаемыхъ съ фактической точки зрѣнія нарушеній—задуманное или выполненное—есть нарушеніе квалифицированное. И вотъ, возражая противъ примѣненія къ случаямъ aberratio ictus и error in objecto принципа единичной виновности, въ виду тѣхъ несообразностей, къ которымъ приводитъ такое примѣненіе этого принципа къ нѣкоторымъ изъ нихъ, обыкновенно разсматриваютъ два возможныхъ отвѣта на упомянутый вопросъ: отвѣтъ, по которому значеніе факта въ этихъ случаяхъ опредѣляется свойствами совершившагося, и отвѣтъ, по которому оно опредѣляется свойствами задуманнаго. Обратимся къ разбору этихъ отвѣтовъ.

До сихъ поръ, разсматривая случаи aberratio ictus и error in objecto, мы имѣли въ виду исключительно самые простые изъ нихъ, случаи, въ которыхъ несоотвѣтствіе между представленіемъ дѣйствующаго и дѣйствительностью не касалось ни одного момента, способнаго повліять на мѣру отвѣтственности дѣйствующаго.

Въ настоящее время анализу нашему подлежатъ случаи болѣе сложные, а именно случаи, въ которыхъ несоотвѣтствіе между задуманнымъ и выполненнымъ касается, между прочимъ, и такихъ моментовъ, которые, такъ или иначе, могутъ измѣнить мѣру наказанія дѣйствующаго. Очевидно, что такіе случаи могутъ быть двухъ родовъ:

1) къ первой группѣ могутъ быть отнесены случаи, въ которыхъ измѣняющіе отвѣтственность моменты, находясь на лицо въ дѣйствительности, не входятъ въ представленіе дѣйствующаго. Это случаи, въ которыхъ, по обыкновенной формулировкѣ, задуманное нарушеніе—нарушеніе простое, а выполненное—квалифицированное;

2) къ другой группѣ отойдутъ случаи, въ которыхъ, обратно, измѣ-

няющіе отвѣтственность моменты, входя лишь въ представленіе дѣйствующаго, отсутствуютъ въ дѣйствительности. Это случаи, въ которыхъ, по обыкновенной формулировкѣ, задуманное нарушеніе—нарушеніе квалифицированное, выполненное—простое.

Спрашивается, чѣмъ же опредѣляется въ такихъ случаяхъ отвѣтственность: свойствами задуманнаго, или совершившагося?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны сказать нѣсколько словъ вообще о моментахъ, вліяющихъ на отвѣтственность.

Между этими моментами можно различать моменты, усиливающіе отвѣтственность, и моменты, уменьшающіе ее. Наличность первыхъ дѣлаетъ нарушеніе квалифицированнымъ, наличность вторыхъ—привиллегированнымъ.

Въ доктринѣ уголовнаго права принято разсматривать лишь тѣ изъ относящихся сюда случаевъ aberratio ictus и error in objecto, въ которыхъ несоотвѣтствіе между представленіемъ дѣйствующаго и дѣйствительностью касается моментовъ, усиливающихъ отвѣтственность, но ясно, что могутъ быть случаи и такого рода, гдѣ это несоотвѣтствіе будетъ касаться и моментовъ, уменьшающихъ ее.

Въ положительномъ правѣ моменты, измѣняющіе отвѣтственность, исчисляются какъ въ общей, такъ и въ особенной частяхъ уголовныхъ кодексовъ. Смотря по законодательному опредѣленію, а также и по природѣ своей, такіе моменты бываютъ трехъ категорій: они принадлежатъ или

1) исключительно внѣшней сторонѣ нарушенія; таковы: вооруженіе при кражѣ, дѣвственность насилуемой, наступленіе смерти, какъ результатъ нанесенія ранъ. Эти моменты обусловливаютъ своею одною наличностью во внѣшней сторонѣ дѣйствія измѣненіе отвѣтственности, совершенно безотносительно къ сторонѣ внутренней;

2) или исключительно внутренней сторонѣ дѣйствія—такова, напримѣръ, корыстная цѣль при убійствѣ. Эти моменты, подобно предъидущимъ, обусловливаютъ измѣненіе отвѣтственности однимъ фактомъ своего присутствія, но уже во внутренней сторонѣ нарушенія, совершенно безотносительно къ сторонѣ внѣшней;

3) или, наконецъ, обѣимъ сторонамъ нарушенія—и внутренней и внѣшней; такъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ криминалистовъ, для наличности отцеубійства, какъ квалифицированнаго убійства, требуется: а) представленіе убійцы о томъ, что жертва ему приходится отцомъ, b) дѣйствительная наличность указанныхъ кровныхъ отношеній жертвы къ убійцѣ. Въ этихъ случаяхъ измѣненіе отвѣтственности наступаетъ лишь подъ условіемъ одновременнаго присутствія такихъ моментовъ

въ обѣихъ сторонахъ дѣянія: ни представленія одного самаго по себѣ, ни одной объективной наличности такихъ моментовъ для измѣненія отвѣтственности въ случаяхъ такого рода—какъ это легко видѣть—недостаточно.

Имѣя въ виду указанное разнообразіе моментовъ, измѣняющихъ отвѣтственность, теперь уже будетъ легко опредѣлить и ея мѣру въ разсматриваемыхъ случаяхъ.

Первую группу этихъ случаевъ, какъ было уже упомянуто, составляютъ тѣ изъ случаевъ aberratio ictus и error in objecto, въ которыхъ измѣняющіе отвѣтственность моменты, находясь на лицо въ дѣйствительности, не входятъ въ представленіе дѣйствующаго. Не трудно видѣть, что при такихъ условіяхъ изъ трехъ названныхъ категорій дѣйствительно вліять на отвѣтственность можетъ только категорія моментовъ, принадлежащихъ исключительно внѣшней сторонѣ дѣйствія, такъ какъ остальныя двѣ категоріи непремѣннымъ условіемъ своего значенія предполагаютъ свое присутствіе во внутренней сторонѣ дѣянія—условіе, которое въ данныхъ случаяхъ не имѣетъ мѣста по самому предположенію.

Если же это такъ, то, во 1-хъ, нельзя не согласиться, что отвѣтственность дѣйствующаго въ этихъ случаяхъ опредѣлится свойствами не задуманнаго а совершившагося, такъ какъ въ противномъ случаѣ были бы игнорированы такіе моменты, объективная наличность которыхъ, а вмѣстѣ и вліяніе на отвѣтственность, не подлежатъ здѣсь и сомнѣнію; во 2-хъ, должно признать, что вопросъ о мѣрѣ отвѣтственности въ этихъ случаяхъ не можетъ быть рѣшаемъ на примѣрѣ отцеубійства и под., и что поэтому возраженія, на разборѣ подобныхъ примѣровъ построенныя, невѣрны въ самомъ своемъ основаніи. Если задуманное нарушеніе—простое, то выполненное только тогда можетъ быть квалифицированнымъ, когда квалификація условливается исключительно объективною наличностью извѣстныхъ матеріальныхъ, входящихъ лишь во внѣшнюю сторону дѣйствія, моментовъ. Между тѣмъ, отцеубійство только тогда нарушеніе квалифицированное, когда убійца, совершая свое дѣяніе, сознаетъ свои кровныя отношенія къ жертвѣ. При отсутствіи же такого сознанія—въ данной группѣ случаевъ такое сознаніе отсутствуетъ по предположенію, такъ какъ задуманное нарушеніе является простымъ—отцеубійство, не имѣя необходимаго квалифицирующаго момента, ничѣмъ не выдѣляется изъ понятія убійства простаго.

Совершенно аналогично и опять безъ всякихъ затрудненій рѣшается вопросъ объ отвѣтственности и для второй группы подлежащихъ нашему разсмотрѣнію случаевъ.

Эта группа состоитъ, какъ мы уже знаемъ, изъ случаевъ, въ которыхъ, обратно съ случаями первой группы, измѣняющіе отвѣтственность моменты, входя лишь въ представленіе дѣйствующаго, отсутствуютъ въ дѣйствительности. Прежде всего, опять и здѣсь ясно, что изъ всѣхъ трехъ вышеуказанныхъ категорій моментовъ, вліяющихъ на отвѣтственность, при простомъ выполненномъ и при квалифицированномъ задуманномъ нарушеніяхъ, рѣчь можетъ идти лишь о первой категоріи моментовъ—о моментахъ, измѣняющихъ отвѣтственность своимъ присутствіемъ лишь во внѣшней сторонѣ дѣйствія, когда, напримѣръ, преступникъ ошибочно думаетъ, что насилуемая имъ особа дѣвственна, или не достигла 14 лѣтъ и под. Что же касается до моментовъ двухъ другихъ категорій, то наличность ихъ лишь въ представленіи дѣйствующаго или дѣлаетъ квалифицированнымъ и выполненное, или же не квалифицируетъ и задуманнаго. Такъ, корыстная цѣль при убійствѣ, кто бы ни оказался убитымъ—богачъ или нищій—дѣлаетъ совершенное убійство квалифицированнымъ, и въ такомъ примѣрѣ нельзя, значитъ, сказать, что преступникъ задумалъ нарушеніе квалифицированнымъ, а выполнилъ простое. Съ другой стороны, задуманное отцеубійство только тогда впервые обратится въ убійство квалифицированное, когда убитымъ дѣйствительно окажется родитель. Когда же этого нѣтъ—какъ то и имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности при разбираемыхъ условіяхъ—задуманное нарушеніе не можетъ быть названо квалифицированнымъ.

Если же это такъ, то и относительно разсматриваемой группы случаевъ рѣшеніе вопроса: чѣмъ опредѣлится въ нихъ мѣра отвѣтственности—свойствами задуманнаго, или совершившагося—не представляетъ никакихъ затрудненій. Очевидно, свойствами совершившагося, такъ какъ отличіе отъ него задуманнаго касается лишь обстоятельствъ, которымъ, при предполагаемыхъ условіяхъ, не можетъ быть дано никакого юридическаго значенія.

Итакъ, резюмируя все сказанное относительно разсмотрѣннаго вопроса, мы должны придти къ заключенію, что примѣненіе къ случаямъ aberratio ictus и error in objecto формулы, по которой отвѣтственность за все совершенное въ нихъ, если это совершенное разсматривать какъ единое цѣлое, опредѣляется не свойствами задуманнаго, а свойствами выполненнаго—примѣненіе этой формулы на практикѣ, съ точки зрѣнія матеріальнаго уголовнаго права, не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій.

Къ этому можно добавить, что точно также безъ особыхъ затрудненій примѣняется эта формула и съ точки зрѣнія формальнаго уго-

ловнаго права къ нарушеніямъ уголовно-частнымъ. Это ясно изъ слѣдующаго. Если законъ за покушеніе караетъ легче, чѣмъ за совершеніе—это значитъ, что на ряду съ субъективнымъ элементомъ нарушенія онъ признаетъ извѣстное значеніе и за элементомъ объективнымъ, матеріальнымъ. Между тѣмъ, какъ въ убійствѣ, напримѣръ, такимъ матеріальнымъ элементомъ является фактъ прекращенія жизни, въ уголовно-частныхъ нарушеніяхъ мы видимъ нѣсколько иное. Въ нихъ значеніе въ глазахъ закона получаетъ не самый фактъ попавшаго плевка, комка грязи или удара, а возникшее при этомъ и заявленное въ судъ извѣстное чувство въ душѣ потерпѣвшаго. Поэтому оконченнымъ нарушеніе уголовно-частное можетъ быть признано только тогда, когда имѣетъ мѣсто упомянутое заявленіе. Когда же его нѣтъ—а въ извѣстныхъ случаяхъ и когда его взяли назадъ—объ оконченномъ нарушеніи не можетъ быть и рѣчи. Такимъ образомъ, выполненное въ уголовно-частныхъ нарушеніяхъ, въ случаяхъ aberratio ictus и error in objecto является или покушеніемъ на извѣстное нарушеніе, или же оконченнымъ умышленнымъ нарушеніемъ (умышленнымъ потому, что, по самому предположенію, дѣйствующій сознаетъ противорѣчіе своего дѣйствія съ опредѣленной нормой: не оскорбляй, не насилуй и т. д.) и въ зависимости отъ этого опредѣляется отвѣтственность виновнаго.

Что касается до права иска, то, само собой, оно принадлежитъ 1) потерпѣвшему, 2) и тому, на кого учинено покушеніе, если только это послѣднее наказуемо. Согласно съ этимъ рѣшается и вопросъ о правѣ требованія «безчестья».

Итакъ, разсмотрѣніе всевозможныхъ видовъ случаевъ aberratio ictus и error in objecto приводитъ насъ къ заключенію, что примѣненіе и къ самымъ сложнымъ изъ нихъ формулы, по которой они разсматриваются какъ случаи обыкновенныхъ умышленныхъ нарушеній, не вызываетъ никакихъ затрудненій.

Послѣ всего этого ясно, что вопросъ: имѣютъ или нѣтъ общія aberratio ictus и error in objecto, отличающія ихъ отъ нормальныхъ случаевъ нарушеній, черты какое нибудь значеніе въ смыслѣ исключенія изъ общихъ положеній уголовнаго права—этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ отрицательно.

III.

Къ такому же отвѣту на подобный вопросъ неизбѣжно придемъ мы и относительно другаго рода чертъ, присущихъ случаямъ aberratio ictus и error in objecto,—чертъ ихъ взаимнаго различія.

Различіе между aberratio ictus и error in objecto доктрина усматриваетъ въ способѣ происхожденія ошибки дѣйствующаго. «Несоотвѣтственное выполненіе можетъ произойти или отъ того, что въ самый моментъ осуществленія дѣйствіе отклонилось отъ предположеннаго направленія, когда, напримѣръ, убійца промахнулся и попалъ въ близъ стоящее лицо—aberratio delicti, или же, во 2-хъ, потому, что дѣйствующій ошибочно предположилъ, что объектъ, надъ которымъ онъ выполняетъ преступленіе, и есть тотъ, противъ котораго онъ думалъ дѣйствовать — error in objecto». Такъ опредѣляетъ различіе между aberratio ictus и error in objecto проф. Таганцевъ,—такъ же или почти такъ же опредѣляютъ его и другіе криминалисты.

Спрашивается, можетъ ли имѣть значеніе наличность чертъ, создающихъ подобное различіе, и если можетъ, то какое?

На этотъ вопросъ доктрина уголовнаго права даетъ два отвѣта. Одни криминалисты—и ихъ большинство—отвѣчаютъ утвердительно, различая aberratio ictus и error in objecto не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Другіе — меньшинство—отрицательно: у нихъ aberratio ictus и error in objecto по своему значенію сливаются въ одну группу и существованіе двухъ различныхъ терминовъ для обозначенія случаевъ, составляющихъ эту группу, представляется излишнимъ.

Не трудно видѣть, что предпочтенія заслуживаетъ несомнѣнно этотъ второй отрицательный отвѣтъ, такъ какъ первый находится въ рѣшительномъ противорѣчіи съ однимъ изъ самыхъ основныхъ положеній общаго ученія объ умыслѣ и о невѣдѣніи, по которому способъ происхожденія ошибки или невѣдѣнія никакого значенія вообще не имѣетъ. «Останавливаясь на невѣдѣніи фактическомъ, говоритъ проф. Таганцевъ, мы должны прежде всего замѣтить, что для его юридическаго значенія безразлично: являлось ли оно въ видѣ незнанія совершеннаго, или ошибочнаго представленія о немъ, происходило ли оно отъ самого дѣйствующаго, или отъ дѣйствія другихъ лицъ»... и т. д. Такимъ образомъ, уже въ виду этого противорѣчія, взглядъ, по которому различіе между aberratio ictus и error in objecto заставляетъ къ нимъ относиться неодинаково, долженъ быть признанъ невѣрнымъ.

Тѣмъ болѣе неправильнымъ оказывается онъ, если судить о немъ по тому, какъ онъ проводится на дѣлѣ. Возьмемъ, напримѣръ, теорію проф. Таганцева. Защищая необходимость различнаго отношенія къ случаямъ aberratio ictus и error in objecto, Таганцевъ въ основаніи такой необходимости опирается на тотъ будто бы существующій фактъ, что въ случаяхъ error in objecto по отношенію къ намѣренію винов-

наго убить или изнасиловать находящагося передъ нимъ субъекта никакой ошибки, въ противность случаямъ aberratio ictus, не было.

Но если это такъ, если въ случаяхъ error in objecto, страдающимъ оказывается то самое лицо, какое предполагается и дѣйствующимъ, какъ страдающее, то ясно, что это уже не суть случаи выполненія преступленія не надъ предполагаемымъ объектомъ, каковыми они между тѣмъ должны быть по предположенію.

Такимъ образомъ взглядъ, предлагающій за различіемъ случаевъ aberratio ictus и error in objecto признавать извѣстное юридическое значеніе, долженъ быть признанъ неправильнымъ, какъ по ложности обоснованія, къ которому должны прибѣгать его защитники, такъ и по противорѣчію его съ основными положеніями общаго ученія объ умыслѣ и о невѣдѣніи.

IV.

Опираясь на приведенныя выше во всемъ предшествовавшемъ изложеніи критическія замѣчанія, мы можемъ, наконецъ, изложить въ существенныхъ чертахъ и тотъ взглядъ на изслѣдуемые случаи aberratio ictus и error in objecto, который лично намъ представляется болѣе правильнымъ.

Онъ можетъ быть выраженъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Между преступленіями, взятыми во всей ихъ массѣ, мы встрѣчаемъ множество такихъ случаевъ, въ которыхъ представленіе дѣйствующаго о совершаемомъ не совпадаетъ съ дѣйствительностью, въ которыхъ, другими словами, дѣйствіе, какъ его себѣ представляетъ дѣйствующій, и дѣйствіе, какъ оно имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности, суть два такъ или иначе различныя дѣйствія.

2) Обращаясь къ разсмотрѣнію такихъ случаевъ, мы легко замѣтимъ, что они допускаютъ нѣсколько различныхъ группировокъ. И прежде всего ихъ можно группировать или по признакамъ, лишеннымъ какого либо юридическаго значенія, или же по признакамъ, такое значеніе имѣющимъ.

3) Дѣленіе такихъ случаевъ на двѣ группы, изъ которыхъ одну составляютъ случаи aberratio ictus, случаи error in objecto, какъ понимаетъ эти случаи доктрина, другую—остальные, принадлежитъ къ группировкамъ перваго рода, т. е. къ группировкамъ по признакамъ, юридическаго значенія не имѣющимъ.

4) Противное мнѣніе вызываетъ сильныя теоретическія и практическія возраженія:

a. Съ теоретической стороны оно должно быть отвергнуто, какъ противорѣчащее основнымъ положеніямъ общаго ученія объ умыслѣ и о невѣдѣніи—объ этомъ подробнѣе было сказано выше.

b. Практическая же несостоятельность его легко обнаруживается изъ разсмотрѣнія тѣхъ выводовъ, въ которыхъ оно воплощается. Выводы эти слѣдующіе: юридическое значеніе выдѣленія случаевъ aberratio ictus и error in objecto изъ всей обширной группы случаевъ несоотвѣтствія задуманнаго и выполненнаго состоитъ въ особенностяхъ юридической конструкціи такихъ случаевъ: въ противность остальнымъ, они конструируются по принципу совокупности и являются или

α. въ формѣ: покушеніе, неосторожное совершеніе; или

β. въ формѣ: приготовленіе (иногда обнаруженіе умысла), умышленное совершеніе.

Недопустимость такихъ выводовъ видѣть не трудно.

α. Что касается до формы: покушеніе, неосторожное совершеніе, то она, прежде всего, представляетъ образецъ логической несообразности, такъ какъ предполагаетъ возможнымъ, чтобы субъектъ въ одно и то же время и сознавалъ и не сознавалъ противорѣчіе своего поступка съ извѣстной нормой, въ одно и то же время и думалъ и не думалъ, что онъ преступаетъ запретъ «не убей». Кромѣ этого форма: покушеніе, неосторожное совершеніе совсѣмъ неприложима къ цѣлому ряду преступленій, возможныхъ лишь при наличности умышленной виновности, каковы: воровство, изнасилованіе и т. п. Если А., задумавъ изнасиловать В., по ошибкѣ принимаетъ за нее и насилуетъ С., то, по разсматриваемой формулѣ, онъ долженъ быть обвиненъ въ покушеніи на изнасилованіе В. и въ неосторожномъ изнасилованіи С.—а это юридически невыполнимо. Отсюда, далѣе, слѣдуетъ, что положеніе, напримѣръ, вора и убійцы, при примѣненіи разсматриваемой формулы, будетъ относительно неодинаково: между тѣмъ какъ послѣдній будетъ нести наказаніе какъ за покушеніе на убійство, такъ и за неосторожное убійство, перваго наказаніе постигнетъ лишь за покушеніе, такъ какъ неосторожнаго наказуемаго воровства законъ не знаетъ.

β. Подобныя же возраженія вызываетъ и другая форма примѣненія принципа совокупности, форма: приготовленіе, умышленное совершеніе.

Точно такъ же, какъ и разсмотрѣнная, она противорѣчитъ логикѣ, допуская, что одно и то же дѣяніе въ одно и то же время является двумя различными стадіями развитія преступной дѣятельности. Точно также, далѣе, она создаетъ неравенство для различныхъ категорій

преступниковъ, наказывая, напримѣръ, убійцъ и поджигателей относительно строже, чѣмъ воровъ и т. д. Наконецъ, кромѣ этого, примѣненіе ея невольно вызываетъ вопросъ, почему ошибка въ лицѣ въ случаяхъ error in objecto ведетъ къ усиленію наказанія? Почему А., если онъ, задумавъ убить В., его и убьетъ, будетъ наказанъ легче, чѣмъ въ томъ случаѣ, если онъ, задумавъ убить В., приметъ за него и убьетъ С.?

5) Приведенныя возраженія, теоретическія и практическія, должны быть признаны, намъ кажется, достаточными для того, чтобы выставленное опровергаемымъ ими взглядомъ юридическое значеніе выдѣленія случаевъ aberratio ictus и error in objecto изъ всѣхъ случаевъ несоотвѣтствія между задуманнымъ и выполненнымъ было отвергнуто.

6) Такимъ образомъ, случаи aberratio ictus и error in objecto, какъ ихъ понимаетъ доктрина, съ юридической точки зрѣнія ничѣмъ не отличаются отъ многихъ другихъ случаевъ несоотвѣтствія задуманнаго и выполненнаго.

7) Равнымъ образомъ, какъ мы старались выше показать между этими случаями, съ юридической точки зрѣнія, не существуетъ и различія взаимнаго.

8) Если же это все такъ, то и самые термины aberratio ictus, иначе aberratio delicti и error in objecto, иначе error in persona, въ томъ ихъ значеніи, какое имъ даетъ доктрина—не суть термины юридическіе.

9) Изъ всего этого, однако, отнюдь не слѣдуетъ, что между тѣми или другими случаями несоотвѣтствія задуманнаго и выполненнаго вообще нельзя отыскать юридическаго различія, или что термины aberratio ictus и error in objecto вообще не могутъ имѣть юридическаго значенія.

10) Совсѣмъ напротивъ, между случаями несоотвѣтствія задуманнаго и выполненнаго вовсе не трудно замѣтить и такіе, въ которыхъ несоотвѣтствіе это не можетъ не имѣть юридическаго значенія. Таковы именно случаи, въ которыхъ указанное несоотвѣтствіе касается самой нарушаемой нормы. Юридическое значеніе несоотвѣтствія въ этихъ случаяхъ, особенность ихъ юридической конструкціи, двойственность нарушеній, необходимость примѣненія къ нимъ принципа совокупности—все это въ нихъ ясно само собой.

11) Такимъ образомъ, наряду съ тѣми или другими различіями, не имѣющими юридическаго значенія, между случаями несоотвѣтствія задуманнаго и выполненнаго существуетъ и различіе съ юридическимъ значеніемъ.

12) Съ этой точки зрѣнія вся обширная группа случаевъ несоотвѣтствія между задуманнымъ и выполненнымъ распадается на двѣ отдѣльныя меньшія группы: одну составляютъ случаи несоотвѣтствія исключительно фактическаго, т. е. всѣ случаи, въ которыхъ несоотвѣтствіе не касается нарушаемой нормы.

13) Другую—обратно указанные случаи несоотвѣтствія юридическаго, несоотвѣтствія, касающагося самой юридической нормы, т. е., обстоятельствъ, условливающихъ преступность дѣянія.

14) И еслибъ мы захотѣли закрѣпить установленное различіе между этими двумя группами съ помощью особенной терминологіи, то—какъ это ни страннымъ покажется съ перваго взгляда—термины aberratio ictus и error in objecto окажутся для такой цѣли наиболѣе подходящими. А именно, случаи первой группы, случаи несоотвѣтствія исключительно фактическаго, какъ разъ представляютъ изъ себя то, что выражается прямымъ смысломъ термина aberratio ictus или, еще лучше, aberratio delicti, такъ какъ дѣйствительно delictum въ нихъ совершается то же, какое и задумано, происходитъ лишь aberratio, отклоненіе его.

Съ другой стороны, ко второй группѣ случаевъ, случаевъ несоотвѣтствія юридическаго—какъ нельзя болѣе подойдетъ терминъ error in objecto (но не error in persona), если подъ объектомъ мы будемъ разумѣть нарушаемую норму.

15) Такимъ образомъ, подъ понятіе aberratio delicti въ предлагаемомъ нами значеніи этого термина подойдутъ:

1. Случаи aberratio ictus — въ томъ значеніи, какое даетъ этому термину доктрина (примѣры этихъ случаевъ были приведены выше).

2. Случаи error in objecto—въ томъ значеніи, какое даетъ этому термину доктрина (примѣры выше).

3. Множество другихъ случаевъ несоотвѣтствія между задуманнымъ и выполненнымъ, въ которыхъ несоотвѣтствіе это не касается ни одного такого обстоятельства, отъ коего именно задуманное или выполненное дѣяніе обращается въ противозаконное—другими словами: случаи, въ которыхъ несоотвѣтствіе не касается нарушаемой нормы.

Таковы слѣдующіе случаи: А. съ цѣлію утопить В. бросаетъ его въ воду, В. падая разбиваетъ себѣ голову о камень. А., желая убить В., стрѣляетъ въ него, причемъ выстрѣлъ разрываетъ ружье, осколокъ котораго и убиваетъ В.; А., думая, что даетъ своему врагу мышьякъ, даетъ ему морфій и т. п.

Во всѣхъ трехъ категоріяхъ этихъ случаевъ выполненное delictum юридически не отличается отъ задуманнаго; всѣ они съ этой точки

зрѣнія представляютъ сознательное нарушеніе опредѣленной нормы, отличаясь отъ нормальныхъ случаевъ нарушеній лишь не имѣющимъ юридическаго значенія признакомъ «отклоненія нарушенія» — aberratio delicti.

16) Наоборотъ, подъ понятіемъ error in objecto—въ предлагаемомъ нами значеніи этого термина—должно разумѣть лишь тѣ случаи, въ которыхъ несоотвѣтствіе между задуманнымъ и выполненнымъ касается какъ разъ одного изъ обстоятельствъ, отъ коихъ именно дѣяніе—задуманное или выполненное—становится противозаконнымъ, другими словами, случаи, въ которыхъ несоотвѣтствіе между задуманнымъ и выполненнымъ лежитъ въ самой нарушаемой нормѣ.

Примѣрами такихъ случаевъ могутъ служить слѣдующіе: А., съ цѣлію испортить новую шляпу В., наноситъ ему ударъ по головѣ, который и убиваетъ В., или причиняетъ ему рану; А., желая убить В., принимаетъ за него не другое лицо, а корову или статую, которымъ и достается выстрѣлъ и под. Очевидно, что въ этихъ случаяхъ задуманное и съ юридической точки зрѣнія отличается отъ выполненнаго, что дѣйствующій, совершая дѣяніе, посягаетъ разомъ на двѣ нормы—на одну сознательно, на другую безсознательно—и ясно, что это обстоятельство неизбѣжно обусловливаетъ особенность юридической конструкціи подобныхъ случаевъ въ сравненіи съ прочими случаями несоотвѣтствія, такъ какъ изъ него вытекаетъ требованіе отдѣльнаго разсмотрѣнія виновности по отношенію къ каждой изъ двухъ упомянутыхъ нормъ.

17) Остается сказать, что при томъ юридическомъ значеніи, какое мы предлагаемъ закрѣпить за терминами aberratio ictus и error in objecto, съ этимъ послѣднимъ ужъ конечно нельзя смѣшивать терминъ error in persona — терминъ, свидѣтельствующій о наличности ошибки въ лицѣ, т. е. объ обстоятельствѣ, никакого юридическаго значенія не имѣющемъ.

Ясно, что какъ aberratio delicti, такъ и error in objecto могутъ имѣть мѣсто какъ въ соединеніи съ error in persona, такъ и внѣ всякой съ нимъ связи.

Случаи: А., думая убить В., стрѣляетъ въ него, ружье разрываетъ и осколокъ убиваетъ В.; при тѣхъ же условіяхъ осколокъ убиваетъ не В., а С.—съ защищаемой точки зрѣнія одинаково суть случаи aberratio delicti, при чемъ второй соединенъ съ error in persona.

То же самое и относительно error in objecto.

А. Верещагинъ.

КЪ ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХЪ НЕДОИМОЧНОСТИ КРЕСТЬЯНСКАГО НАСЕЛЕНІЯ.

Платежи, недоимки и долги крестьянъ Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи.

Далеко и широко раскинулся Николаевскій уѣздъ и вдоль Волги, и вглубь территоріи къ востоку, до самыхъ предѣловъ владѣній Уральскаго казачьяго войска: отъ береговъ Волги и до восточной его границы онъ тянется на 285 верстъ, а съ сѣвера на югъ на 175 верстъ! Площадь Николаевскаго уѣзда равняется почти всей Московской губерніи, которая, по свѣдѣніямъ земскихъ статистиковъ, вычислена въ 2,960,672 десятины, тогда какъ одинъ Николаевскій уѣздъ заключаетъ въ себѣ 2,868,396,$_5$ дес., слѣдовательно послѣдній менѣе первой только на 92,276 десятинъ. На такомъ громадномъ пространствѣ и разселилось, положимъ, громадное количество людей, но все-таки оно не настолько велико, чтобы больше ужъ не куда было ихъ селить, чтобы не было мѣста для новыхъ переселенцевъ. По переписи статистическаго бюро, въ предѣлахъ уѣзда числится 76,438 крестьянскихъ дворовъ съ 406,444 душами обоего пола (не считая города Николаевска); значитъ, плотность населенія составляетъ всего 0,24 человѣка на десятину надѣльной крестьянской земли. Тутъ живутъ люди различныхъ національностей: великоруссы, малоруссы, мордва, татары, башкиры и нѣмецкіе колонисты, но за то нѣтъ чувашъ, которыхъ такъ много въ прочихъ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи. При громадности протяженія уѣзда, при малолюдности населенія и при недостаточности его орошенія само собою становится понятнымъ, что крестьянскія поля должны быть растянуты на многія версты; поэтому своевременная обработка земли и уборка хлѣбовъ сопряжена съ большими трудностями и большой проволочкой времени, особенно, если мы вспомнимъ, что крестьяне Николаевскаго уѣзда сѣютъ наиболѣе цѣнный хлѣбъ—бѣлотурку и переродъ, требующій для воздѣлыванія

его массы рабочаго скота. По земско-статистическимъ даннымъ, во всемъ Николаевскомъ уѣздѣ крестьянскія поля тянутся на 3-верстное разстояніе только въ 15 общинахъ, въ 9 общ. на 4—5 в., въ 44 общ. на 6—9 в. и наконецъ въ 52 общ. на 12—20 и 30 в. Селенія здѣсь тоже тянутся на 2—3—4 версты. При нынѣшнихъ временахъ, когда текущіе платежи и недоимки поступаютъ неисправно, мірскіе сходы бываютъ особенно часты. Исправникъ пріѣзжаетъ, становой, урядникъ, непремѣнный членъ, старшина, страховой агентъ, земскіе статистики,—всѣмъ собирай сходъ; а сколько своихъ частныхъ сходовъ—и не перечтешь! Улицы длинныя—предлинныя, и десятскіе и сотскіе совершенно не въ силахъ гонять по селу на своихъ на двоихъ и сзывать крестьянъ на сходъ, а тѣмъ болѣе въ весеннюю и осеннюю грязь, когда и отъ одного-то дому до другаго здѣсь ни дойти, ни доѣхать. Далѣе, чѣмъ больше разстояніе дальняго поля отъ усадьбы, тѣмъ на большее количество мелкихъ загоновъ приходится дробить пахатную землю и тѣмъ меньше, слѣдовательно, представляется возможности крестьянину прилагать старанія къ обработкѣ своей земли. Въ концѣ концовъ длинноземелье и длинноселенье, несомнѣнно, должны вызвать значительные денежные общественные расходы: на измѣреніе земли при передѣлахъ и переверсткахъ земли, на полевыхъ сторожей, на пастуховъ, на десятскихъ, сотскихъ, сборщиковъ податей и т. д. Если хороши урожаи хлѣбовъ, то расходы эти вмѣстѣ съ податями бываютъ не обременительны; при плохихъ урожаяхъ, каковыми они бываютъ въ послѣднее десятилѣтіе, они крайне обременительны и вызываютъ въ крестьянскомъ быту весьма не желательныя явленія, напр., увеличеніе контингента безземельныхъ, безлошадныхъ и безхозяйныхъ домохозяевъ, переселенія крестьянъ въ другія губерніи «на новыя земли» и т. п.

Постараемся прежде всего выяснить, какіе расходы несетъ крестьянское населеніе Николаевскаго уѣзда и насколько обработываемая имъ земля въ состояніи окупать лежащіе на ней платежи. Это выясненіе дастъ намъ возможность легче оріентироваться въ массѣ разнообразныхъ ненормальныхъ явленій въ области сельско-хозяйственной жизни населенія.

Выкупныхъ платежей	502,977,9 р.
Государственныхъ платежей	156,113,7 »
Земскихъ сборовъ	128,043,5 »
1½% сборовъ со скота	114,726,5 »
Волостныхъ сборовъ	62,529 »
	964,390,6 р.

Общественные расходы по отдѣльнымъ статьямъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Сельскому старостѣ	6,290 р. 93 к.
Церковному »	2,277 » 44 »
» сторожу	8,713 » — »
Сельскому » и ямщику	26,949 » — »
Лѣсному и полевому сторожамъ	958 » 50 »
Магазинному сторожу	1,564 » — »
Пожарному »	5,805 » — »
Десятскимъ	3,558 » — »
Сотскимъ	6,522 » — »
Сборщик. податей	1,652 » 57 »
Въѣзжая и сборная избы	9,066 » 64 »
Сельскимъ писарямъ	22,249 » 50 »
Рекрутамъ награды	5,944 » — »
На общественнаго быка	749 » 25 »
На измѣреніе земли при передѣлахъ и переверсткахъ пахатныхъ угодій и на обществ. запашки	2,858 » 93 »
Содержаніе мостовъ, колодцевъ, гатей и пр.	13,494 » 4 »
» причта	13,254 » 33 »
Ремонтъ церквей и домовъ причта	7,320 » 7 »
Просвирнямъ	534 » — »
На общественные молебны	1,332 » 50 »
» школы	9,400 » — »
Волостнымъ судьямъ	424 » — »
Оспопрививателямъ	657 » — »
Ремонтъ пожарн. обоза и др. общ. зданій	3,659 » — »
Дежурнымъ при становой квартирѣ	3,351 » — »
Лѣченіе бѣдныхъ, похороны скоропостижно умершихъ, на ледникъ для мертвецовъ	953 » — »
Непредвидѣнные расходы	4,514 » — »
Расходы, не обозначенные по статьямъ	7,661 » — »
На пастуховъ и подпасковъ	250,794 » 60 »
	422,502 р. 27 к.

Такимъ образомъ, общая сумма всѣхъ платежей крестьянскаго населенія выразится 1,386,892 р. 87 к. Принимая общее число окладныхъ душъ въ уѣздѣ (кромѣ двухъ нѣмецкихъ волостей) 116,871, а надѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ 54,174, получимъ платежей:

На окладную душу	11 р. 86 к.
» надѣльный дворъ	25 » 60 »
» десятину надѣла	1 » 08 »

Общая сумма платежей по отдѣльнымъ дворамъ распредѣляется такъ:

		%	Платежей на дворъ.
Домохозяевъ съ 1 надѣломъ.	18,551	30,3	10 р. 50 к.
» » 2 надѣлами.	24,402	40,4	21 » — »
» » 3 »	10,250	17	31 » 50 »
» » 4 и болѣе надѣл.	7,385	12,3	отъ 42 до 63 р.

Въ частности однихъ общественныхъ платежей сходитъ съ окладной души 3 р. 24 к., а на надѣльный дворъ 7 р. 80 к. Въ этомъ отношеніи Николаевскій уѣздъ далеко превзошелъ всѣ прочіе уѣзды Самарской губерніи. Такъ общественныхъ платежей на дворъ сходитъ:

Въ Бузулукскомъ уѣздѣ	2 р. 60 к.
» Бугурусланскомъ уѣздѣ.	2 » 40 »
» Бугульминскомъ »	1 » — »
» Ставропольскомъ »	4 » 62 »

Какъ видимъ, общественные сборы вдвое превосходятъ общую сумму земскихъ платежей и вдвое ниже платежей казенныхъ. Какъ и во всѣхъ уѣздахъ губерніи, хозяйственные расходы въ высокой степени преобладаютъ надъ всѣми остальными. Сравнивая между собой бюджеты общественныхъ расходовъ Николаевскаго уѣзда, напр., съ Бугульминскимъ, мы замѣтимъ между ними большую разницу какъ въ относительной величинѣ суммы отдѣльныхъ расходныхъ бюджетовъ, такъ и въ количествѣ самыхъ расходныхъ статей. Бугульминскіе крестьяне почти ничего не тратятъ на десятскихъ, сотскихъ (всего на тѣхъ и другихъ расходуется по уѣзду 326 р.) *), на жалованье волостнымъ судьямъ, оспопрививателямъ и дежурнымъ при становой квартирѣ, на что все вмѣстѣ въ Николаевскомъ уѣздѣ сходитъ 14,512 р.; далѣе, въ Бугульминскомъ уѣздѣ совсѣмъ нѣтъ расходовъ на ремонтъ пожарнаго обоза, а въ Николаевскомъ у. и на этотъ предметъ расходуется 335 р. Въ Бугульминскомъ уѣздѣ, благодаря захолустности самаго уѣзда, а слѣдовательно и патріархальности бытовыхъ условій жизни, пожарные сараи во многихъ селеніяхъ существуютъ только для виду: бочка съ водой, вѣчно на колесахъ, 2—3 багра и 1—2 лопаты, рѣдко гдѣ нибудь старый гидропультъ, — вотъ и все содержимое сарая, который и ремонтировать-то собственно нечего. Намъ пришлось однажды быть свидѣтелемъ пожара зимой въ одномъ изъ селеній Бугульминскаго уѣзда. Масса народу бросилась первымъ дѣ-

*) См. нашу статью въ «Сѣверн. Вѣстн.» 1887 г.: «Мірскіе доходы и расходы кр. Бугульминск. у.».

ломъ, конечно, къ пожарному сараю, къ которому не знали какъ и приступиться. «Зданіе» сарая представляло собой просто 4 жерди, вбитыя въ землю на извѣстномъ разстояніи, при чемъ съ трехъ онъ былъ загороженъ соломой, а сверху оставался совершенно открытымъ, отчего все содержимое въ сараѣ было совершенно завалено снѣгомъ. Народъ началъ отрывать бочку и багры; отрыли и гидропультъ, но и отрывши все это, крестьяне всетаки ничего не могли подѣлать относительно способа передвиженія бочки и гидропульта къ мѣсту пожарища: бочки и «машина» стояли на колесахъ, изъ коихъ одно колесо отъ прикосновенія даже развалилось... Пока крестьяне ходили по дворамъ искать сани, чтобы свезти на пожаръ бочку и «машину», пожаръ уже самъ собой почти прекратился; да къ тому же и «машина», хотя и налитая водой, почему-то совсѣмъ не дѣйствовала. Бабы все время ограничивались при этомъ однимъ лишь воемъ съ причитаніями. Сгорѣло 4 дома. Въ Николаевскомъ уѣздѣ пожарные сараи почти повсюду находятся въ исправности: бочки, напр., лѣтомъ стоятъ всегда на колесахъ, а зимой на саняхъ; почти въ каждомъ селеніи есть гидропульты, а въ иныхъ и бочекъ и гидропультовъ по двѣ штуки. Благодаря, конечно, большей исправности пожарнаго обоза въ Николаевскомъ уѣздѣ, пожары въ послѣднемъ уѣздѣ не такъ свирѣпы, какъ въ Бугульминскомъ уѣздѣ. Въ Бугульминскомъ уѣздѣ за послѣднее десятилѣтіе сгорѣло 4795 домовъ, въ Николаевскомъ — 2455, значитъ, въ среднемъ на годъ приходится въ первомъ 479 домовъ, въ послѣднемъ 245. Дороговизна содержанія сельскихъ старостъ, десятскихъ и сотскихъ обусловливается во первыхъ трудностью и хлопотливостью ихъ работы въ громадныхъ и до безконечности растянутыхъ селеніяхъ, а во вторыхъ, и тѣмъ, что первые всегда служатъ здѣсь по выбору, а «не по чередамъ», даромъ, какъ въ Бугульминскомъ уѣздѣ, поэтому въ старосты нерѣдко попадаютъ здѣсь люди среднезажиточные, всегда ведущіе самостоятельное хозяйство, слѣдовательно, отправленіе обязанностей старосты сопряжено съ нѣкоторымъ ущербомъ для хозяйства, почему они и служатъ всегда почти за жалованье.

По большому кораблю—большое и потому болѣе опасное плаванье. Подати и различные общественные платежи и повинности оказываются очень чувствительными для крестьянскаго кармана. Если бы доходы отъ земледѣльческой промышленности и разныя другія доходныя статьи могли вполнѣ покрывать всѣ платежи и удовлетворять всѣ домашнія нужды крестьянъ, то общества ни въ какомъ случаѣ не прибѣгали бы къ массовой сдачѣ въ аренду общественныхъ надѣльныхъ земель.

И въ этомъ случаѣ степень распространенности этихъ сдачъ обществами могутъ служить главнѣйшимъ мѣриломъ ихъ экономической устойчивости: чѣмъ чаще и въ бóльшихъ размѣрахъ практикуется обществами сдача въ аренду надѣльной земли, тѣмъ рѣзче, рельефнѣе выступаетъ на видъ ихъ экономическая несостоятельность, и наоборотъ—отсутствіемъ этихъ сдачъ характеризуется болѣе равномѣрное распредѣленіе экономическаго благосостоянія между всѣми членами общины.

Бюджетъ мірскихъ доходовъ Николаевскихъ крестьянъ слагается изъ слѣдующихъ статей:

Сдача въ аренду мельницъ.	7,009	р.	—	к.
Ярмарочныхъ и базарныхъ площадей. .	14,783	»	—	»
Общественныхъ лавокъ.	554	»	—	»
Рыбныхъ ловель	867	»	—	»
Общественныхъ мостовъ и перевозовъ .	2,023	»	—	»
За пастьбу скота со стороннихъ лицъ. .	1,166	»	55	»
Съ питейныхъ лавокъ.	4,700	»	—	»
Сдача дворов. мѣстъ стороннимъ лицамъ.	10,050	»	—	»
Общественныхъ земель.	116,758	»	—	»
Разныхъ случайныхъ доходовъ.	2,586	»	39	»
	159,496	р.	94	к.

Такимъ образомъ, бюджетъ мірскихъ расходовъ превышаетъ доходный бюджетъ на 263,005 р. 33 к., т. е. въ $2^1/_2$ раза болѣе. Неудивительно поэтому, что главная масса мірскихъ расходовъ покрывается доходами отъ сдачи въ аренду надѣльныхъ земель, и эти послѣдніе доходы составляютъ $73._4\%$ всѣхъ прочихъ доходныхъ статей. Конечно, было бы слишкомъ рискованно думать, что деньги, полученныя за сданныя въ аренду земли кулакамъ въ количествѣ 116,758 р., составляли дѣйствительный, а не фиктивный доходъ, вызванный лишь крайней нуждой населенія. Это скорѣе будетъ убытокъ, и притомъ убытокъ громадный. Предполагая среднюю арендную цѣну за десятину надѣльной земли 3 р. 25 к., получимъ 35,586 десятинъ, которыя, будучи обработаны общественнымъ, коллективнымъ трудомъ всѣхъ членовъ общины, дали бы урожая 1,779,300 п. ржи или пшеницы (при среднемъ урожаѣ minimum въ 50 п.), равныя по стоимости никакъ не менѣе, если не болѣе, 889,650 р. И такимъ образомъ на покрытіе всѣхъ платежей и повинностей не хватило бы только 454,505 р., или иначе не болѣе 8 р. на средній надѣльный дворъ, вмѣсто существующихъ 25 р. 60 к., уплачиваемыхъ теперь.

Изъ другихъ общественныхъ доходныхъ статей, напр., сдача съ

торговъ питейныхъ лавокъ, можетъ, пожалуй, привесть читателя въ нѣкоторое недоумѣніе, такъ какъ по новому питейному уставу крестьяне лишены возможности пользоваться питейными доходами, разъ они не воспользовались правомъ открытія у себя общественныхъ винныхъ лавокъ. Въ теоріи дѣйствительно такъ, но практика жизни учитъ крестьянъ совсѣмъ другому. Крестьяне научились «обходить» питейный уставъ съ трехъ сторонъ. 1) Общество выправляетъ патентъ на устройство общественнаго кабака и потомъ продаетъ право на торговлю водкой другому частному лицу; 2) сторонній купецъ подговариваетъ крестьянъ взять патентъ на открытіе въ своемъ селеніи винной лавки, за что онъ соглашается уплатить крестьянамъ и за патентъ, и дать имъ отступнаго 300—400 р.; 3) крестьяне составляютъ приговоръ о недопущеніи къ себѣ на квартиру кабатчика подъ страхомъ денежнаго штрафа. Кабатчикъ по необходимости нанимаетъ квартиру отъ общества. Если же, несмотря ни на что, кабатчику удастся втереться съ своимъ кабакомъ въ то или другое село, то онъ встрѣчаетъ со стороны общества другой дружный отпоръ: общество крестьянъ села Гусихи (Порубежск. вол.) составило приговоръ о томъ, «чтобы совсѣмъ никому не ходить въ кабакъ къ пріѣзжему кабатчику, а водку покупать, кому надо, въ другомъ селеніи». Кабатчикъ предложилъ крестьянамъ 100 р. и крестьяне «согласились снова ходить въ кабакъ». Такой способъ собиранія доходовъ съ питейныхъ лавокъ практикуется въ 19 обществахъ.

До 1886 г. не менѣе половины всѣхъ мірскихъ платежей, а въ иныхъ и до $^2/_3$, покрывались доходами съ кабаковъ; тогда и общественныхъ земель сдавалось въ аренду сравнительно меньше, но не это, конечно, служило причиною того, что представшая предъ обществомъ дилемма — какъ и чѣмъ покрывать платежи и повинности, поставила его въ положительный тупикъ. — Хотя землевладѣніе въ Николаевскомъ уѣздѣ повсюду общинное, но распредѣленіе земли въ большинствѣ общинъ практикуется по имущественной силѣ дворовъ, рѣже по числу работниковъ въ семьѣ, или по всѣмъ наличнымъ душамъ муж. пола. Богатѣй, имѣющій въ своемъ распоряженіи 5 лошадей или 10 воловъ, получаетъ на свою долю столько надѣловъ, сколько въ силахъ обработать. И это понятно. Тяжелыя суглинисто-черноземныя земли Николаевскаго уѣзда требуютъ для своей обработки не менѣе 4—5 лошадей или 10 воловъ, что въ переводѣ на денежную стоимость выразится суммой въ 200—400 рублей; кромѣ того, крестьянину надо держать еще 1—2 коровы и нѣсколько штукъ овецъ. Прокормить такую массу домашнихъ животныхъ требуетъ много кор-

мовыхъ средствъ. Своихъ собственныхъ надѣльныхъ сѣнокосныхъ угодій весьма недостаточно, поэтому среднему хозяину-земледѣльцу надо прибѣгать къ арендѣ сѣнокосовъ, пастбищъ и угодій, а на это не всякій способенъ, тѣмъ болѣе при существующихъ высокихъ арендныхъ цѣнахъ на земли. Подесятинная аренда пахатныхъ и сѣнокосныхъ угодій распредѣляется между 57.180 надѣльными домохозяевами слѣдующимъ образомъ:

	Число ихъ.	Десятинъ арендной земли.	Покосовъ на сумму.
I. Домохозяева безъ рабочаго скота съ 2—3 штук. рабочаго скота и 4 штук.	40,072	19,889,$_{6}$	218,005,$_{5}$ р.
II. Домохозяева съ 5—10—20 и болѣе штуками рабочаго скота.	17,108	51,251,$_{8}$	361,162,$_{8}$ »

Значитъ, 69% всей арендованной земли принадлежитъ послѣдней группѣ домохозяевъ, которые составляютъ всего около $^{1}/_{3}$ всѣхъ наличныхъ домохозяевъ уѣзда. Точно такія же процентныя отношенія получатся и при участковой арендѣ земли. Урожаи хлѣбовъ на собственныхъ надѣльныхъ земляхъ стали далеко ниже прежнихъ, ибо эти послѣднія земли выпаханы, истощены, что видно уже изъ того, что бѣлотурка высѣвается исключительно въ восточной части уѣзда, въ 24 селеніяхъ, въ остальныхъ общинахъ на мягкихъ земляхъ высѣваются перородъ, брызгалка и русская. По земско-статистическимъ даннымъ, 40 приволжскихъ общинъ давно уже жалуются на истощеніе земли, на забиваніе яровыхъ хлѣбовъ сорными травами, на быстрое перерожденіе лучшихъ сортовъ пшеницы. Слѣдствіемъ этихъ неблагопріятныхъ условій является, съ одной стороны, исчезновеніе изъ сѣвооборота нѣкоторыхъ культурныхъ злаковъ: проса, гречи, гороха и бахчей; а съ другой—необходимость количественнаго увеличенія посѣвныхъ сѣмянъ на десятину. Это усиленіе густоты посѣва зерна встрѣчается въ 276 общинахъ изъ 290. Въ 21 общинѣ густота посѣва зерна увеличилась въ послѣднее 20-лѣтіе съ 7,$_{5}$ п. до 9,$_{8}$ п. на хозяйственную десятину, или на 2,$_{3}$ п., и это количественное возрастаніе высѣваемыхъ сѣмянъ прогрессивно увеличивается по направленію отъ восточной границы уѣзда, недавно заселенной, къ западной, приволжской, заселенной столѣтіе назадъ тому. А потомъ не меньшій вредъ причиняютъ хлѣбамъ на надѣльныхъ земляхъ разныя вредныя насѣкомыя и мыши, суслики e tutti quanti. Если сотенная десятина (4,000 саж.) дастъ урожая самъ-шестъ, то крестьянинъ бываетъ радъ-радешенекъ: онъ и семью прокормитъ, и подати уплатитъ, и

свезетъ на продажу малую-толику въ Балаково. Замѣтьте, что здѣсь рѣдкій изъ среднихъ домохозяевъ не засѣваетъ 10—12 сотен. десятинъ. Но и такіе урожаи стали рѣдки. Въ 1886 г. половину хлѣба пришлось сгноить отъ безпрерывныхъ лѣтнихъ и осеннихъ дождей; въ 1887 г. урожай былъ посредственный; въ 1888 г. и хлѣбъ, и трава выгорѣли отъ засухи, и массы крестьянъ просятъ помощи у земства. При такихъ условіяхъ очень естественно въ бюджетѣ крестьянскихъ доходовъ стали появляться постоянные дефициты. Вотъ почему и количество безхозяйныхъ дворовъ въ Николаевскомъ уѣздѣ поднялось до такой солидной цифры—6,317, составляющихъ, значитъ, 15,9% къ общему числу надѣльныхъ домохозяевъ, а безземельныхъ дворовъ—до 5,550 дв., что составитъ все вмѣстѣ 11,867 дворовъ.

Результаты недоборовъ хлѣбовъ сказываются главнымъ образомъ въ возрастаніи недоимки. Недоимки здѣсь явленіе спорадическое, получившее свое начало въ голодный 1873 годъ, но потомъ постепенно исчезавшее и къ концу 70 годовъ почти совершенно исчезнувшее, когда голодуха 1880 года вновь потребовала весьма значительныхъ денежныхъ средствъ для продовольствія крестьянскаго населенія, и съ тѣхъ поръ недоимочный вопросъ не сходитъ съ языка гласныхъ ни на одномъ изъ губернскихъ земскихъ собраній. Къ 1 январи 1888 г. недоимокъ различныхъ категорій числилось за крестьянами Николаевскаго уѣзда:

		На окладн. душу.	На надѣльный дворъ.	На десят. надѣла.
Казенной	994,991 р. 60 к.	9 р. 70 к.	21 р. 10 к.	1 р. 12 к.
Земской	133,626 » 70 »			
Продовольственной	168,381 » 20 »			
	1,296,991 р. 50 к.			

По нѣкоторымъ отдѣльнымъ волостямъ недоимка возросла до поразительныхъ размѣровъ, такъ въ волостяхъ:

	НЕДОИМКИ.		
	На окладн. душу.	На надѣльный дворъ.	На десят. надѣла.
Мокшанской	34,6	84,3	2,3
Мостовской	19,2	41,2	2,2
Шишиновской	21,1	46,3	3,3
Воздвиженской	11,3	25,3	2,8
Дергуновской	22	48,8	1,8

Вообще же сумма недоимки превышаетъ средній поуѣздный размѣръ ея на хозяйственную единицу по 15 волостямъ Николаевскаго

уѣзда. Выбить изъ недоимочной колеи крестьянина могли бы только значительные, по крайней мѣрѣ, двухгодичные урожаи хлѣбовъ; но такихъ, при существующихъ условіяхъ сельскаго хозяйства, ожидать нельзя. Внѣ земледѣльческихъ промысловъ здѣсь никакихъ не имѣется. Но вѣдь такъ или иначе, а крестьянину, хотя бы не имѣющему и гроша за душой, жить надо, надо продовольствовать свою землю, сѣять хлѣбъ, платить текущіе платежи и повинности,—это necessitas absoluta, ея же не прейдеши. Вездѣ и повсюду обѣднѣніе крестьянства вызываетъ появленіе въ его средѣ разныхъ зловредныхъ элементовъ, которые присасываются къ общинному организму въ качествѣ паразитовъ. Нѣкоторые изъ самарскихъ купцовъ узнали изъ мѣстныхъ газетъ, что мужику въ деревнѣ стало жить плохо, потому что хлѣбъ сталъ родиться плохо; а отъ этого и ему—купцу стало плохо: «покупателей нѣтъ, да и купцовъ, нашего брата, развелось много». И вздумалъ переселиться купецъ къ мужичку въ деревню Тамъ онъ купилъ себѣ землицы 1—2 тысячи десятинъ, а то у мужичка же сталъ снимать ее по 30—40 к. за десятину, а потомъ его же, мужика, можно заставить обработывать эту землю, давши ему и денегъ впередъ; лишнія деньги, что нажиты въ городѣ торговлей, можно давать тому же мужику за проценты. Ростовщичество приняло теперь въ деревнѣ довольно большіе размѣры: богатый крестьянинъ-кулакъ, купецъ, мѣщанинъ, старшина, писарь, отставной солдатъ, черничка-келейница, что обрекла себя на спасеніе души, даже и сельскій батюшка,—всѣ охотно даютъ крестьянину деньги въ долгъ. Прежде купецъ посылалъ своихъ приказчиковъ въ городъ по домамъ со счетами или заставлялъ ихъ сидѣть на улицѣ за городомъ и ловить мужичковъ съ возами хлѣба; а теперь сами мужики идутъ къ нимъ, или приказчики ѣздятъ осенью и зимой по деревнямъ, собирая долги и %% съ крестьянъ. Работа эта несравненно легче и почетнѣе, ибо задолжавшіе деревенскіе мужики принимаютъ приказчиковъ съ поклономъ и хлѣбомъ-солью, чаемъ съ кренделями и водкой.

Изъ книгъ сдѣлокъ и договоровъ волостныхъ правленій, а также изъ книгъ рѣшеній волостныхъ судовъ за послѣднее пятилѣтіе (съ 1883 по 1887 годъ включительно) видно, что крестьяне Николаевскаго уѣзда ежегодно кредитуются у частныхъ лицъ за весьма большіе проценты. Кредитныя сдѣлки совершаются главнымъ образомъ предъ моментомъ лѣтнихъ работъ—жнитва и сѣнокошенія, рѣдко зимой для покупки сельскохозяйственныхъ предметовъ.

Сословіе кредиторовъ.	Сумма кредита.	% къ общему числу кредитной суммы.
Крестьяне	78,976 р.	$39,_1$
Томыловскій старшина и крестьяне: Шайкинъ, Акишинъ и Шепелевъ.	28,082 »	$13,_8$
Купцы.	67,151 »	$33,_2$
Мѣщане	9,984 »	$4,_9$
Крестьянки-келейницы.	6,960 »	$3,_2$
Нѣмецкіе колонисты.	5,396 »	$2,_6$
Лица духовнаго званія.	2,170 »	1
Волостные и сельскіе писаря.	777 »	$2,_2$
Отставные солдаты	1,567 »	
	201,662 р.	100%

Вышепоименованныя кредитныя сдѣлки совершены были 26 крестьянскими обществами и 2,352 отдѣльными лицами изъ крестьянъ; кромѣ того, 708 отдѣльными лицами и 16 обществами занято было хлѣба на 32,292 рубля, а всего вмѣстѣ занято 234,654 р. Что же касается величины процента на занятый капиталъ, то данныя объ этомъ имѣются у насъ только по 63 селеніямъ, составляющимъ $35,_8$% всѣхъ селеній Николаевскаго уѣзда, а именно:

Въ	4	селеніяхъ	за	300 %	годовыхъ
»	6	»	»	200 »	»
»	3	»	»	150 »	»
»	16	»	»	120 »	»
»	2	»	»	80 »	»
»	13	»	»	60 »	»
»	2	»	»	50 »	»
»	6	»	»	40 »	»
»	7	»	»	30 »	»
»	4	»	»	25 »	»
	63			$90,_8$%	

Установить точно процентную норму для крестьянскаго населенія крайне затруднительно, во 1-хъ, потому, что размѣръ % варіируется для кредитующихся одного и того же селенія, находясь въ зависимости отъ времени кредита: зимой % взимается вдвое ниже, нежели передъ лѣтними работами; во 2-хъ, смѣшеніе денежныхъ и натуральныхъ формъ процента придаетъ чрезвычайную растяжимость понятію о величинѣ процента. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ размѣръ процента осложняется еще разными обезпеченіями: надѣльной землей, рабочимъ скотомъ, домашними вещами и сельскохозяйственными орудіями, что еще болѣе усиливаетъ тяжесть кредита для кредитующихся

крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ крестьяне кредитуются у своихъ кулаковъ подъ залогъ своей надѣльной земли, причемъ, въ случаѣ неуплаты долга въ срокъ, *земля переходитъ въ вѣчное владѣніе кредитора* (волость Григорьевская); въ другихъ въ обезпеченіе долга даются кредитору рабочіе волы; въ 3-хъ, кредитуются подъ закладъ вещей: при займѣ 25 р. на одинъ мѣсяцъ дается заклада на 40—50 р., и заклады эти, по словамъ крестьянъ, «почти всегда пропадаютъ»; наконецъ, въ 4-хъ, при займѣ хлѣба за несвоевременный возвратъ его крестьяне обязуются «принимать отъ кредитора *на выкормъ* столько головъ овецъ, кто сколько занималъ пудовъ хлѣба». Покупаемый въ долгъ хлѣбъ всегда обходится вдвое дороже обыкновенныхъ рыночныхъ цѣнъ. Въ массѣ селеній крестьяне кредитуются также подъ различныя работы: за занятую сумму съ %% крестьяне обязуются столько то десятинъ земли вспахать, столько-то десятинъ убрать хлѣба. Такъ, если при своевременной весенней наемкѣ на жнитво послѣднее обходится въ 10 — 14 р. за сотенную десятину, то при зимней оно оцѣнивается всего въ 4 — 5 р. за ту же десятину; покосъ вмѣстѣ съ уборкой вмѣсто 2—3 р. обходится въ 1 р. 50 к. (селенія: Пестравка, Нов. Спасское, Нов. Порубежка, Любицкое, Мокша, Клинцовка, Нов. Сакмыковка и мн. др.).

Нисколько не преувеличивая, можно положительно утверждать, что всѣ богатые домохозяева изъ крестьянъ, купцовъ, мѣщанъ и вообще всѣ тѣ, кто основываетъ свое богатство на продажѣ зерна, обязаны своимъ благосостояніемъ исключительно дешевой, или даже даровой, осенней и зимней наемкѣ рабочихъ рукъ на земледѣльческія работы, дающей имъ возможность выиграть, такимъ образомъ, до 25% на каждомъ проданномъ пудѣ зерна. Изъ среднихъ домохозяевъ рѣдкіе обработываютъ землю и убираютъ хлѣбъ собственными рабочими силами или наймомъ на наличныя деньги. Предъ моментомъ лѣтнихъ работъ многіе изъ нихъ не имѣютъ наличныхъ оборотныхъ средствъ для расплаты съ наемными пришлыми изъ разныхъ губерній жнецами за уборку хлѣба, поэтому они уговариваются съ послѣдними платить имъ деньги за работу послѣ продажи хлѣба осенью, или на будущій годъ, при новой наемкѣ на лѣтнія работы. Въ такомъ случаѣ плата за работу берется выше обыкновенныхъ цѣнъ на 50 к. — 1 р. за десятину, а слѣдовательно, и самая стоимость производства зерна въ данномъ случаѣ будетъ выше таковой же богатыхъ домохозяевъ. При производствѣ переписи населенія крестьяне говорили намъ, что они «почесь всѣ въ долгу у стороннихъ и своихъ жнецовъ»; нѣкоторые задолжали на 10—20 рублей.

Такимъ-то вотъ образомъ, опутавши себя кругомъ долгами и недоимками, крестьяне Николаевскаго уѣзда живутъ да поживаютъ, да давно уже все хорошаго урожая ожидаютъ. Многіе изъ нихъ устали однако ждать наступленія золотыхъ временъ и стали «помаленьку» переселяться съ здѣшнихъ тучно - черноземныхъ земель «на новыя земли» въ Сибирь и на Кавказъ. Начиная съ 1862 г. изъ 92 селеній Николаевскаго уѣзда переселилось въ другія губерніи 1,129 семей (въ томъ числѣ 88 семей нѣмецкихъ колонистовъ), изъ коихъ къ 1888 году назадъ вернулось всего 68 семей. Интенсивность переселенческаго движенія всего сильнѣе проявилась именно въ послѣднее десятилѣтіе: съ 1862 по 1873 г. переселилось 447 семей, съ 1873 по 1887 г. 614 семей. Въ то же время и внутри самихъ общинъ происходитъ, подъ вліяніемъ различныхъ соціально-экономическихъ факторовъ, съ одной стороны, процессъ дифференцированія, или лучше разложенія общинныхъ элементовъ, а съ другой, какъ антитеза первому, процессъ концентраціи землевладѣнія, сосредоточенія надѣльныхъ земель въ рукахъ сильнаго, богатаго меньшинства. Статистическими изслѣдованіями земскихъ статистиковъ въ 1887 г. получены слѣдующіе результаты относительно распредѣленія землевладѣнія между группами надѣльныхъ домохозяевъ:

	Число домохозяевъ.	Число надѣловъ у нихъ.	% къ общему числу надѣловъ.
Безхозяйныхъ и съ I—II надѣлами . .	42,953	64,570	48,5
Съ III—IV и болѣе надѣлами. . . .	17,635	68,584	51,5
	60,588	133,154	100%

По мѣрѣ уменьшенія урожаевъ, т. е. ослабленія производительности надѣльныхъ земель, первая изъ поименованныхъ группъ необходимо и логически должна увеличиваться количественно, а соотвѣтственно тому ея землевладѣніе сокращаться, вторая же группа уменьшаться количественно, а ея землевладѣніе расширяться. Но скажутъ: какая же выгода богатѣямъ владѣть землей малопроизводительной, отъ которой отказывается малосостоятельная часть населенія? Богатые домохозяева, получивъ въ свое распоряженіе надѣлы малосостоятельныхъ домохозяевъ, первымъ дѣломъ стараются обратить ихъ въ залежи или пастбища для своего скота, причемъ количество послѣдняго иногда увеличивается для цѣлей расширенія культуры на съемныхъ казенныхъ, удѣльныхъ и частновладѣльческихъ земляхъ. Значитъ, богатые домохозяева какъ разъ даютъ надѣльной землѣ для

возстановленія ея плодородія то именно назначеніе, какое она должна бы имѣть въ рукахъ единой, организованной общины, состоящей изъ хозяйственныхъ единицъ, вполнѣ равноправныхъ и солидарныхъ между собой.

Общинный, коллективный трудъ всѣхъ членовъ общины по обработкѣ земли и уборкѣ хлѣбовъ съ дѣленіемъ продуктовъ труда пропорціонально числу работниковъ и рабочаго скота каждаго изъ участниковъ въ общемъ трудѣ,—такова проблема, представляющаяся для разрѣшенія непредубѣжденному уму, ищущему выхода изъ соціально-экономическаго кризиса. Въ Германіи въ послѣднее время нѣкоторые изъ экономистовъ (вовсе не соціалистовъ) стали видѣть спасеніе отъ угнетающаго населеніе земледѣльческаго кризиса въ общинной формѣ труда, въ пріобрѣтеніи улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій цѣлой общиной. «Никакія улучшенія въ области сельскаго хозяйства, говорятъ они, немыслимы, невозможны внѣ общины[2])». Въ настоящее время вся эта громадная масса безземельныхъ и безхозяйныхъ домохозяевъ, въ числѣ 11,867, живетъ по деревнямъ и занимается батраческимъ земледѣльческимъ трудомъ; значитъ, она не оторвалась еще отъ земли, значитъ, ее легче будетъ организовать въ отдѣльныя земледѣльческія общины, снабдивъ ее въ то же время и улучшенными земледѣльческими орудіями и машинами. Земству или правительству нѣтъ нужды ссужать крестьянъ этими орудіями. Достаточно устроить въ различныхъ пунктахъ склады этихъ орудій, которыми будутъ завѣдывать и руководить крестьянъ при пользованіи ими агрономическіе смотрителя; нѣтъ надобности также устраивать значительное количество этихъ складовъ, такъ какъ агрономическіе смотрителя всякій разъ легко могутъ организовать летучіе отряды для обработки земли и уборки хлѣбовъ существующими орудіями и машинами по окрестнымъ деревнямъ, какъ это практикуется въ Америкѣ, а также и нѣкоторыми изъ богатыхъ домохозяевъ Николаевскаго уѣзда. Такія земледѣльческія общины или товарищества въ состояніи будутъ конкуррировать съ крупными посѣвщиками изъ крестьянъ и купцовъ, ибо на тѣхъ же условіяхъ они могутъ заниматься культурой и на арендованныхъ внѣ-надѣльныхъ земляхъ. Увеличеніе кормовой площади на счетъ пищевой, а слѣдовательно и расширеніе скотоводства, и введеніе въ культуру торгово-промышленныхъ растеній, — другое условіе, могущее содѣйствовать поднятію эконо-

---

[2]) Aug. Hertzog: Zur Lage der Landwirtsch. in Süd-Deutschland (въ Jahrbüch. zur Nation.-Ökonomie und Statist.), 1888 г. H. 6.

мическаго благосостоянія крестьянскаго населенія. Разумѣется, болѣе равномѣрное, справедливое распредѣленіе экономическаго благосостоянія среди крестьянскаго населенія мыслимо лишь при условіи нравственнаго прогресса, развитія въ населеніи альтруистическихъ чувствъ; но развитіе и укрѣпленіе въ человѣкѣ нравственныхъ, альтруистическихъ чувствъ, безъ чего немыслимъ и сельско-хозяйственный прогрессъ, наиболѣе возможно въ правильно организованной общинѣ, въ которой всѣ члены солидарны между собой въ трудѣ, нежели въ обществѣ индивидуумовъ, трудящихся каждый самъ для себя, ибо самая цивилизація, по нашему мнѣнію, есть не что иное, какъ гуманизація человѣка въ обществѣ.

И. Красноперовъ.

ХРОНИКА РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА *).

Какъ извѣстно, въ послѣдніе годы живо дебатировался вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли избраніе мировыхъ судей земствами замѣнить назначеніемъ ихъ отъ правительства. При поверхностномъ знакомствѣ съ положеніемъ о земскихъ участковыхъ начальникахъ могло показаться, что означенная замѣна какъ разъ осуществлена новымъ закономъ. Но такое заключеніе было бы неправильно. Положеніе 12 іюля 1889 года не разрѣшаетъ указаннаго нами вопроса, но просто устраняетъ его, дѣлаетъ его празднымъ, такъ какъ самый институтъ мировыхъ судей этимъ положеніемъ упраздняется. Если на земскихъ участковыхъ начальниковъ, назначаемыхъ отъ правительства, переносятся функціи мировыхъ судей, то это обстоятельство далеко не дѣлаетъ ихъ мировыми судьями; мы встрѣчаемся въ этомъ случаѣ съ новымъ институтомъ, ничего общаго съ институтомъ мировыхъ судей не имѣющимъ. Коренное различіе выражается прежде всего въ порядкѣ назначенія. Мировой судья есть органъ юстиціи; потому и назначеніе его могло бы быть предоставлено только тому органу высшей правительственной власти, на которомъ лежитъ высшая забота объ юстиціи—министру юстиціи. Такъ именно и назначаются мировые судьи въ тѣхъ мѣстностяхъ Имперіи, гдѣ не существовало и не существуетъ земскихъ учрежденій; такой же точно порядокъ будетъ дѣйствовать и въ прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ мировой судъ вводится какъ разъ въ то время, когда въ центральныхъ мѣстностяхъ онъ упраздняется. Но земскіе участковые начальники назначаются не министромъ юстиціи или какимъ либо другимъ органомъ юстиціи. Участковые начальники «избираются» мѣстными губернаторами и «утверждаются» въ должностяхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Новый законъ вноситъ нѣкоторую неясность въ терминологію; не слѣдовало бы терминомъ «избраніе» обозначать то, что до сихъ поръ называлось обыкновенно «назначеніемъ». Такимъ образомъ, уже по порядку своего опредѣленія къ дол-

---

*) См. Юрид. Вѣстн., 1888, № 10.

жностямъ, участковые начальники являются органами административной, но не судебной власти, а потому совсѣмъ не идутъ въ сравненіе съ мировыми судьями. Не идутъ они въ сравненіе съ ними и въ отношеніи порядка смѣщенія. Назначенный правительствомъ, т. е. министромъ юстиціи, мировой судья можетъ быть смѣщенъ за неправильный образъ дѣйствія только постановленіемъ судебнаго мѣста въ порядкѣ уголовнаго или дисциплинарнаго (ст. 295 и 296 учр. суд. уст.) судопроизводства. Этимъ порядкомъ увольненія безъ прошенія охраняется достоинство и самостоятельность суда, дѣлающаго его независимымъ отъ произвола какой либо единоличной власти. Не такъ постановлено въ отношеніи земскихъ участковыхъ начальниковъ. Дисциплинарное производство относительно земскихъ начальниковъ возбуждается предложеніями губернатора (относительно судей—министромъ юстиціи) и разрѣшается губернскимъ присутствіемъ (относительно судей—судебною палатою или особымъ присутствіемъ сената); при несогласіи съ постановленіемъ губернскаго присутствія, прекратившимъ дисциплинарное преслѣдованіе, губернаторъ представляетъ возникшее разномысліе на усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго и зависитъ увольненіе земскаго начальника. Все это показываетъ, какъ мало общаго въ служебномъ положеніи земскаго начальника и мироваго судьи, и какая большая личная зависимость устанавливается въ отношеніяхъ земскаго начальника и мѣстнаго начальника администраціи—губернатора. Земскій начальникъ, по положенію своему, есть всецѣло органъ администраціи и притомъ мѣстной администраціи, а не центральной. Зависимость эта не ослабляется обязательнымъ дворянскимъ происхожденіемъ земскаго начальника; скорѣе въ этомъ отношеніи могутъ имѣть благопріятное вліяніе требованія имущественнаго и образовательнаго ценза, хотя рѣшающее значеніе все же останется за служебнымъ положеніемъ, опредѣленнымъ по закону для земскихъ начальниковъ.

Что касается до дворянскаго характера новаго учрежденія, то такой характеръ его подтвержденъ вновь указомъ 17 октября с. г., въ которомъ провозглашено, что закономъ 12 іюля на дворянство возложено вновь служеніе государству, призывающее его къ болѣе близкому и широкому содѣйствію правительству въ мѣстномъ управленіи и попеченіи о нуждахъ и пользахъ народа. Смыслъ закона долженъ быть истолкованъ на основаніи точнаго разума его словъ и постановленій. До изданія закона 12 іюля въ провинціи многіе мечтали объ установленіи такого мѣстнаго управленія, во главѣ котораго стояло бы дворянство, какъ сословіе, избирающее мѣстныхъ представителей власти. Но подобный порядокъ, въ глазахъ законодателя, очевидно не согласовался съ основною цѣлью реформы, обнимающею нужды и пользы всего народа. Правительство предпочло оставить въ мѣстномъ управленіи всю иниціативу и руководительство за собою и призвать дворянъ къ служенію на пользу всего народа подъ непосредственнымъ руководительствомъ органовъ правительственной власти. Дворянскія собранія никакого участія въ избраніи

земскихъ начальниковъ не принимаютъ. Дворянскій характеръ института земскихъ начальниковъ состоитъ въ томъ, что они избираются изъ числа мѣстныхъ дворянъ, но избираются администраціей, при чемъ представители этой послѣдней, губернаторъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, ничьимъ мнѣніемъ стѣсняться не обязаны. Если господствующая тенденція законодательства, какъ мы замѣтили въ прошлой хроникѣ, состоитъ въ прогрессивномъ ограниченіи мѣстнаго самоуправленія и въ замѣнѣ его единоличными органами правительственной власти, то положеніе о земскихъ начальникахъ составляетъ крупный и рѣшительный шагъ на этомъ пути и въ этомъ заключается существеннѣйшая черта новаго закона. Въ нашемъ провинціальномъ дворянствѣ, въ средѣ его родовитыхъ представителей, живетъ еще старая традиція о несовмѣстимости дворянской службы съ зависимостью отъ бюрократіи; но законодатель желаетъ, чтобы сословные интересы подчинялись интересу общегосударственному, представляемому правительствомъ. Въ этомъ отношеніи важно также то вліяніе, которое земскіе начальники, въ качествѣ органовъ губернской администраціи, будутъ оказывать на ходъ дворянскихъ выборовъ. Губернское начальство въ этомъ случаѣ всегда можетъ оказать нужное давленіе на земскихъ начальниковъ, которые въ свою очередь передадутъ это давленіе на мѣстныхъ дворянъ и такимъ образомъ избраніе предводителей станетъ въ нѣкоторую зависимость отъ губернской администраціи.

Приравнивать земскихъ начальниковъ къ мировымъ судьямъ было бы невѣрно еще и потому, что для земскихъ начальниковъ устанавливается иная подсудность и иной порядокъ судопроизводства, чѣмъ существуетъ для мировыхъ судей. Въ чемъ будетъ состоять судопроизводство земскихъ начальниковъ, еще неизвѣстно, если не считать промелькнувшаго въ «Судебной Газетѣ» извѣстія о томъ, что въ предполагаемомъ законѣ будетъ особо предусмотрѣнъ случай ихъ явно неправосудныхъ рѣшеній; относительно мировыхъ судей такихъ предположеній законодатель не считалъ нужнымъ дѣлать. Что же касается до подсудности, то она опредѣляется въ положеніи 12 іюля 1889 г. Общая черта новаго порядка состоитъ въ томъ, что онъ менѣе простъ и, стало быть, болѣе сложенъ, нежели порядокъ старый. По старому порядку для крестьянъ, смотря по роду дѣлъ, существовало *три* суда первой инстанціи: волостной судъ, мировой судья, окружный судъ, для прочихъ же обывателей только *двѣ*: мировой судья и окружный судъ; по новому порядку для крестьянъ назначено *четыре* суда первой инстанціи: волостной судъ, земскій начальникъ, уѣздный членъ окружнаго суда, окружный судъ, для прочихъ же обывателей установлено *три* суда первой инстанціи: земскій начальникъ (въ городахъ—городской судья), уѣздный членъ окружнаго суда и окружный судъ. Если, напр., крестьянинъ судится съ другимъ крестьяниномъ о 300 рубляхъ долга, то такое дѣло подлежитъ вѣдомству волостнаго суда; если между тѣми же лицами споръ идетъ о 500 рубляхъ арендной платы за землю, то онъ разбирается у земскаго начальника, но если ту же сумму, 500

рублей, одинъ долженъ другому по займу, то дѣло подлежитъ вѣдѣнію уѣзднаго члена окружнаго суда; наконецъ всякій споръ свыше 500 рублей по прежнему подлежитъ самому окружному суду. Подобное же видимъ и въ уголовныхъ дѣлахъ. За кражу на сумму до 50 рублей крестьянинъ судится волостнымъ судомъ; за кражу 51—300 безъ взлома—у земскаго начальника; за кражу до 300 рублей съ легкими видами взлома (ст. 170 устава) — у уѣзднаго члена окружнаго суда; за кражу свыше 300 рублей—въ окружномъ судѣ. Итакъ, новый законъ устанавливаетъ большую *дробность* подсудности, которая, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ породитъ не мало недоразумѣній. Для лицъ другихъ сословій, не крестьянъ, существенное отличіе новаго порядка отъ стараго заключается какъ въ томъ, что увеличивается число судовъ первой инстанціи, такъ и въ томъ, что разбираться въ своихъ маловажныхъ гражданскихъ дѣлахъ и судиться за свои маловажные уголовные проступки эти лица (коль скоро они живутъ въ уѣздѣ, а не въ городѣ) будутъ должностными лицами, которыя не имѣютъ ничего общаго съ министерствомъ юстиціи, но которыя избираются губернаторами, смѣщаются по ихъ же иниціативѣ, и въ своей дѣятельности подчиняются ихъ же надзору и руководительству. Только горожане находятся въ иномъ положеніи. Земскій начальникъ замѣняется въ городахъ городскимъ судьею, который есть органъ министерства юстиціи, въ отношеніи дисциплинарной и уголовной отвѣтственности сравненный съ членами окружныхъ судовъ. Такимъ образомъ новый порядокъ отличается не только пестротою въ области подсудности, но и крайнимъ разнообразіемъ въ служебномъ положеніи такихъ органовъ правосудія, кругъ вѣдомства которыхъ одинаковъ. Весьма важная черта новаго порядка состоитъ въ томъ, что въ немъ не только сохранены волостные суды, но подсудность ихъ, по роду дѣлъ, значительно расширена. Противники этого учрежденія весьма не одобряютъ такую мѣру; она имъ кажется тѣмъ болѣе неумѣстною, что, по ихъ словамъ, никто не просилъ о сохраненіи крестьянскихъ судовъ. Напротивъ, сторонники волостнаго суда могли бы выразить нѣкоторое удовольствіе по поводу новаго порядка, если бы ихъ не смущало нѣсколько введенное имъ предсѣдательство волостнаго старшины на судѣ. Если это предсѣдательство не убьетъ самостоятельности суда, то въ будущемъ, когда придетъ пора всесословной волости, юрисдикція волостнаго суда, близкая по новому закону къ юрисдикціи земскаго начальника, станетъ на мѣсто этой послѣдней, какъ, можетъ быть, въ административной сферѣ волостной старшина станетъ на мѣсто начальника. Въ волостныхъ судахъ мы имѣемъ такимъ образомъ такой пунктъ вновь устанавливаемаго порядка, который свяжетъ его съ возможнымъ порядкомъ будущаго. Другой пунктъ, на которомъ можно ожидать плодотворнаго развитія, представляетъ должность уѣзднаго члена окружнаго суда. Уже давно шла рѣчь о необходимости (въ области гражданскаго судопроизводства) часть юрисдикціи окружныхъ судовъ передать мировымъ судьямъ; еще легче такую пере-

дачу совершить въ пользу уѣзднаго члена окружнаго суда. Постепенное расширеніе обѣихъ юрисдикцій: волостнаго суда и уѣзднаго члена окружнаго суда можетъ со временемъ сдѣлать вовсе ненужною юрисдикцію земскаго начальника.

Судебная реформа въ Прибалтійскомъ краѣ, осуществленная Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта отъ 9 іюля 1889 года, является результатомъ очень сложной и разнообразной законодательной дѣятельности, которая въ продолженіе четверти вѣка направлена была къ измѣненію безспорно устарѣвшаго аппарата мѣстной балтійской юстиціи. Въ именномъ Высочайшемъ указѣ осуществленная теперь реформа приведена въ связь съ повелѣніемъ императора Александра II отъ 28 мая 1880 г., возвѣщавшимъ о намѣреніи распространить на Остзейскій край судебные уставы 1864 года и подготовившимъ преобразованіе мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій. Въ дѣйствительности однако подготовительныя работы относятся уже къ 60 гг., съ тою разницей, что обсужденія преобразованій оставались тогда въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и весь смыслъ реформы сводился къ началамъ свободнаго и независимаго суда, которыя тогда еще не считались нарушеніемъ общегосударственныхъ началъ. Мы можемъ не касаться здѣсь этой въ высокой степени любопытной поры коммиссіонной дѣятельности, такъ какъ она подробно изображена была на страницахъ «Юридическаго Вѣстника» г. Ремдулъ, въ статьяхъ, не лишенныхъ односторонности и партійности, но безспорно сообщавшихъ массу цѣннаго матеріала *). Не подлежитъ сомнѣнію, что дѣятельность русскихъ людей, подготовлявшая судебную реформу, являлась въ истинномъ смыслѣ культурной и полезной интересамъ всего края, потому что она не основывалась на проведеніи какихъ либо чуждыхъ юстиціи интересовъ, а стремилась къ уничтоженію несправедливыхъ привилегій, къ замѣнѣ устарѣлыхъ формъ новыми,—такими, на которыя указывалъ европейскій опытъ и просвѣщенная теорія. Сопротивленіе, которое оказано было государственной иниціативѣ въ области суда мѣстной знатью, внесеніе, съ теченіемъ времени, совершенно постороннихъ соображеній въ разсужденія о достоинствѣ суда, борьба между централистическими тенденціями и автономіей въ другихъ сферахъ, все это повело къ тому, что подготовительная работа къ новой реформѣ была перенесена въ министерство юстиціи, съ устраненіемъ участія прибалтійскаго населенія. На сколько такимъ путемъ устранено было остзейское дворянство, на столько же удалены были отъ участія въ совѣщаніяхъ и другія сословія. Новыя тенденціи въ обще-русской жизни не замедлили затѣмъ отразиться и въ частной реформѣ, такъ что въ опубликованномъ теперь законѣ мы имѣемъ уже дѣло не съ примѣненіемъ судебныхъ

*) См. «Юрид. Вѣстн.», 1887 г., №№ 10 и 11.

уставовъ *«въ полномъ ихъ объемѣ»*, какъ повелѣно было въ 1880 г., а съ уставами, дополненными и измѣненными въ нѣкоторыхъ коренныхъ положеніяхъ, съ измѣненіями, при томъ, не вытекающими изъ различія въ матеріальномъ правѣ.

Отмѣчая ниже нѣкоторые, наиболѣе существенные пункты законовъ 9 іюля, мы считаемъ не лишнимъ напомнить, что въ рѣдкой области общественной и гражданской жизни Прибалтійскихъ губерній вліяніе государственнаго законодательства представлялось въ такой мѣрѣ прогрессивнымъ, какъ въ области суда. Въ силу историческихъ условій и своей политической судьбы, Остзейскій край остался въ этой сферѣ внѣ общаго хода европейской цивилизаціи, преобразовавшей въ теченіе нашего вѣка судебныя учрежденія на Западѣ и у насъ. При бездѣятельности центральной власти, мѣстная жизнь оказалась въ зависимости отъ привилегированнаго и иноплеменнаго меньшинства, интересы котораго требовали сохраненія сословнаго начала и высшее развитіе котораго давало орудіе къ успѣшной борьбѣ съ движеніями въ массахъ. Государство, какъ выраженіе общихъ и постоянныхъ интересовъ народа, отсутствовало—и судъ вытекалъ изъ экономической и политической гегемоніи дворянства и городскаго патриціата. Не одна *сословность* составляла его отличительную черту: не менѣе прискорбными особенностями балтійской юстиціи являлись *письменность* всего производства, *тайна*, которая закрывала и прикрывала дѣйствія судей, сложность формъ, совершенно затемнявшая смыслъ процесса въ глазахъ населенія, многочисленность инстанцій и цѣлый рядъ другихъ золъ, обычныхъ старому суду, въ нѣкоторыхъ своихъ видахъ не измѣнявшемуся въ продолженіе столѣтій. Не ломая пока дѣйствующаго въ краѣ матеріальнаго права, мы имѣли возможность противоставить устарѣвшимъ и угнетавшимъ народъ формамъ судебной дѣятельности—судъ гласный, публичный и народный; не выдвигая политическихъ, т. е. чуждыхъ суду интересовъ, мы имѣли возможность укрѣпить свое вліяніе на окраинѣ разумными учрежденіями, облегчавшими существованіе всѣмъ слоямъ населенія, не исключая даже нѣкоторой части привилегированнаго класса. Въ дѣйствительности, мы создали порядокъ, значительно лучшій существующаго, потому что гласность и устность, равный судъ для всѣхъ и сравнительная простота и быстрота производства остаются неотъемлемыми принадлежностями судебныхъ уставовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, новая реформа слишкомъ отодвигаетъ участіе самого населенія въ твореніи суда и слишкомъ рѣзко вноситъ въ юстицію посторонніе мотивы, отчуждающіе отъ насъ постоянно и вездѣ существующія мѣстныя нужды. На первомъ планѣ ставится вопросъ о преобладаніи русской рѣчи, какъ будто въ ней сущность государственнаго вліянія, изъ первыхъ же словъ новаго закона мы узнаемъ, что вопросу этому придается существенная важность самимъ законодателемъ: «въ судебныхъ установленіяхъ, какъ письменное, такъ и словесное производство происходитъ на русскомъ языкѣ»,—такъ гласитъ

ст. 2 положенія. Прошенія, жалобы и отзывы, представляемые частными лицами по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ, должны быть изложены также на русскомъ языкѣ, исключеніе допускается лишь для письменныхъ и словесныхъ разъясненій при мировыхъ судахъ: здѣсь, въ случаѣ незнанія участвующими лицами русскаго языка, допускается и мѣстный языкъ, но судья обязанъ объясняться съ сторонами чрезъ переводчика. Вторая льгота касается лицъ, содержащихся подъ стражею, или же возбуждающихъ уголовныя дѣла, которыя не прекращаются примиреніемъ; очевидно, что, вводя обще-государственный языкъ въ судебныя учрежденія, новый законъ имѣлъ въ виду необходимость положить предѣлъ преобладанію нѣмецкаго языка и въ то же время долженъ былъ считаться съ разноплеменностью мѣстнаго населенія, но едва ли можно признать справедливымъ столь радикальное устраненіе существовавшихъ препятствій. Для русскаго дѣла въ Остзейскомъ краѣ, выдвигаемаго съ такимъ постоянствомъ въ послѣдніе годы, несравненно полезнѣе было бы, по нашему искреннему убѣжденію, вліяніе хорошихъ учрежденій, чѣмъ насильственное насажденіе чужаго пока слова. Интересы правосудія должны быть на первомъ мѣстѣ во всѣхъ сужденіяхъ о достоинствѣ реформы суда, но много ли выиграла послѣдняя отъ того, что она является въ связи съ стѣсненіемъ свободы пользованія судебной защитой, что она непонятна и чужда всѣмъ классамъ и всѣмъ существующимъ въ краѣ племенамъ? Не споря противъ общаго начала, состоящаго въ признаніи государственнаго языка, мы считали бы необходимымъ допускать всѣ объясненія сторонъ на томъ языкѣ, на которомъ говоритъ большинство населенія данной мѣстности. Это тотъ выходъ, который признанъ новымъ положеніемъ единственно возможнымъ въ крестьянскомъ судѣ. По ст. 39 положенія о крестьянскихъ присутственныхъ мѣстахъ въ дѣлопроизводствѣ и сношеніяхъ крестьянскихъ волостныхъ и верхнихъ судовъ, допускаетъ («временно») «тотъ мѣстный языкъ, на которомъ говоритъ большинство сельскаго населенія». Мы не видимъ причины раздѣленія въ этомъ отношеніи крестьянскаго и прочаго населенія Остзейскаго края. Общепризнанный фактъ, что русскій языкъ пользуется очень слабымъ распространеніемъ и въ высшихъ сословіяхъ Прибалтійскихъ губерній, а слѣдовательно, разницы между городомъ и деревней здѣсь нѣтъ никакой. По крайней мѣрѣ, временно, до тѣхъ поръ пока школа подготовитъ знаніе языка, изъятія изъ общаго правила составляютъ необходимое условіе правильной постановки судебной части въ Остзейскомъ краѣ.

Законъ 28 мая 1880 г. о примѣненіи мировыхъ судебныхъ установленій въ Прибалтійскихъ губ. настоящимъ закономъ отмѣняется и въ замѣнъ его вводятся правила, предусмотрѣнныя ст. 3—27 Положенія о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губ. Мировые судьи и председатели мировыхъ съѣздовъ назначаются министромъ юстиціи изъ лицъ, удовлетворяющихъ тѣмъ же условіямъ, какія предусмотрѣны

для остальной Имперіи, если они сами, или ихъ жены или родители владѣютъ въ одной ихъ Прибалтійскихъ губерній дворянскою вотчиною или участкомъ земли не менѣе 300 десятинъ. Въ случаѣ недостатка въ кандидатахъ, удовлетворяющихъ указаннымъ требованіямъ, на должность мировыхъ судей могутъ быть однако назначены и лица безъ имущественнаго и даже безъ образовательнаго ценза. Предсѣдатель мироваго съѣзда не долженъ имѣть въ своемъ завѣдываніи особаго участка, но на него возлагаются и обязанности непремѣннаго члена съѣзда. При каждомъ съѣздѣ мировыхъ судей, какъ и при каждомъ участковомъ судьѣ, состоитъ переводчикъ, содержаніе которому отпускается ихъ суммъ, назначаемыхъ на канцелярскіе расходы. Всѣ расходы, сопряженные съ введеніемъ и содержаніемъ мироваго института, удовлетворяются изъ сбора на губернскія земскія повинности. Компетенція мироваго суда въ Прибалтійскихъ губерніяхъ во многомъ съужена положеніемъ о преобразованіи крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ, но въ то же время его вѣдомству подчинены нѣкоторыя дѣла, не указанныя раньше уставомъ гражд. судопр. Сюда относятся, напр., разсмотрѣніе исковъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, удовлетвореніе просьбы о предварительномъ обезпеченіи исковъ на всякую сумму, мѣры къ охраненію наслѣдства и мн. др. Вѣдѣнію мировыхъ съѣздовъ, кромѣ аппелляціонныхъ и кассаціонныхъ жалобъ на рѣшенія мировыхъ судей, подлежатъ также дѣла, особо указанныя въ волостномъ судебномъ уставѣ. На нихъ возлагаются надзоръ за волостными и верхними крестьянскими судами и разсмотрѣніе приносимыхъ на означенные суды жалобъ. Мировымъ съѣздомъ производится ревизія дѣлопроизводства крестьянскихъ судовъ и составляется для подчиненныхъ ему судовъ инструкція о внутреннемъ порядкѣ и дѣлопроизводствѣ.

Отмѣчая здѣсь главныя положенія мироваго института въ Остзейскомъ краѣ, мы не можемъ умолчать, что, даже при порядкѣ назначенія судей, основныя черты реформы здѣсь сохранены въ большей полнотѣ, чѣмъ въ преобразованіи общихъ судебныхъ мѣстъ. По печальной случайности судьба мироваго института въ остальной имперіи въ то же время оказалась въ зависимости отъ ломки всѣхъ мѣстныхъ учрежденій и многимъ русскимъ гражданамъ приходится скорбѣть объ уничтоженіи того порядка, который законодательствомъ признается здравымъ и полезнымъ на окраинѣ нашего отечества... Капитальнѣйшимъ измѣненіемъ по *уставу уголовнаго судопроизводства* является то, которое внесено ст. 53 Положенія, гласящей: «Дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, подсудныхъ окружнымъ судамъ, вѣдаются сими судами *безъ участія присяжныхъ засѣдателей*». Мы не намѣрены здѣсь снова подымать общаго вопроса о достоинствѣ суда народнаго въ принципѣ и въ практикѣ его во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ: то, что приводилось выше противъ цѣлесообразности ограниченія компетенціи народнаго суда, можетъ быть только повторено въ настоящемъ случаѣ. Для

Балтійскихъ губерній введеніе суда присяжныхъ составляло бы и актъ политическаго благоразумія, именно съ той точки зрѣнія національной, русской политики, которая даетъ окраску всѣмъ мѣропріятіямъ послѣдняго десятилѣтія въ Остзейскомъ краѣ. Едва ли можно сомнѣваться, что, привлекая само населеніе къ творенію суда по новымъ началамъ, законодательство содѣйствовало бы скорѣйшему проникновенію этихъ послѣднихъ въ сознаніе населенія и упрочило бы реформу въ примѣненіи къ интересамъ большинства населенія. Начало сословности, осужденное законодательствомъ Россіи, поставлено было бы въ яркое и понятное массамъ противорѣчіе съ участіемъ всѣхъ слоевъ народа въ судебной функціи; что можетъ быть въ этомъ отношеніи нагляднѣе для цѣлаго края, какъ скамья присяжныхъ, на которой рядомъ сидятъ баронъ и ремесленникъ, нѣмецкій докторъ правъ съ бѣднымъ земледѣльцемъ-латышомъ? Не слѣдуетъ также забывать, что при всей розни интересовъ правящихъ классовъ и народа, самоуправленіе глубоко проникло во всю общественную жизнь Прибалтійскаго края и играло значительную роль въ борьбѣ національностей и сословій. Замѣняя этотъ принципъ бюрократіей, мы безсознательно сплочаемъ противъ себя наиболѣе интеллигентные элементы всѣхъ партій, если не теперь, то въ близкомъ будущемъ. Не лучше ли было бы въ нашихъ собственныхъ выгодахъ привлечь къ общественной жизни края тѣ слои населенія, которые въ ней не находили себѣ пріема, вмѣсто того, чтобы проявить уравнительную справедливость въ урѣзываніи правъ всѣхъ?

Мы не входимъ въ разсмотрѣніе измѣненій и дополненій, внесенныхъ въ уставъ гражданскаго судопроизводства, такъ какъ почти всѣ они вытекаютъ изъ особенныхъ положеній дѣйствующаго въ Остзейскомъ краѣ матеріальнаго права и особой организаціи взысканій съ недвижимыхъ имуществъ, ипотеки, нотаріата и др. частныхъ учрежденій.

Рядомъ съ новыми положеніями, нормирующими судебную часть въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, законъ 9 іюля 1889 г. заключаетъ въ себѣ существенныя измѣненія и дополненія, относящіяся къ судебнымъ уставамъ императора Александра II и имѣющія силу для всей Имперіи до тѣхъ поръ, пока аутентическимъ толкованіемъ не будетъ установлено, что законодателемъ не имѣлось въ виду ограничить ихъ примѣненія однимъ Остзейскимъ краемъ. Значеніе этихъ измѣненій уже было отмѣчено въ періодической печати преимущественно въ виду одного очень крупнаго нововведенія въ Высочайше утвержд. мнѣніи государственнаго совѣта: мы говоримъ о просьбахъ объ обезпеченіи доказательства. На основаніи п. IX и X этого мнѣнія статьи 29, 82 и 369 устава гражд. судопр. дополняются постановленіями, по которымъ «лица, имѣющія основанія опасаться, что допросъ свидѣтелей, осмотръ на мѣстѣ или истребованіе заключенія свѣдущихъ лицъ сдѣлаются въ послѣдствіи невозможными или весьма затруднительными, могутъ просить объ обезпеченіи сихъ доказательствъ, даже *до предъявленія иска*. Г. Кулишеръ (въ «Судеб-

ной Газетѣ»), а вслѣдъ за нимъ и г. Шимановскій путемъ сопоставленія статей, помѣщенныхъ въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи съ тѣми, которыя помѣщены въ самомъ положеніи, справедливо заключаютъ, что только послѣднія заключаютъ въ себѣ спеціальныя положенія для остзейскаго края, тогда какъ всѣ первыя должны впредь пользоваться одинаковой силой во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ имперіи. Справедливость такого толкованія, повидимому, подтверждается обнародованными на дняхъ соображеніями государственнаго совѣта, въ которыхъ, между прочимъ, сказано: «судебные уставы не содержатъ въ себѣ общихъ правилъ по упомянутому предмету (обезпеченіе доказательства). Между тѣмъ необходимость предоставленія сторонамъ права ходатайствовать предъ судомъ объ обезпеченіи доказательствъ по иску, до разсмотрѣнія его по существу, не можетъ возбуждать сомнѣній. Въ виду этого и такъ какъ изданныя о семъ для Прибалтійскихъ губерній постановленія вполнѣ отвѣчаютъ своей цѣли, нельзя не признать желательнымъ примѣненіе ихъ во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ судебные уставы введены въ дѣйствіе». Распространеніе на всѣ мѣстности имперіи должно коснуться и нѣкоторыхъ другихъ статей закона 9 іюля, помѣщенныхъ въ мнѣніи госуд. совѣта. Сюда относится дополненіе ст. 56 учрежденія судебн. установленій статьею 56[1], гласящей, что число участвующихъ въ рѣшеніи дѣла почетныхъ судей не должно превышать числа присутствующихъ участковыхъ судей, и что участіе первыхъ въ засѣданіяхъ съѣзда опредѣляется очередью, установляемою съѣздомъ. Далѣе, заслуживаетъ вниманія измѣненіе ст. 1176 устава гражд. судопр., имѣющей въ новой редакціи слѣдующее содержаніе: въ случаѣ неуплаты покупщиками сполна покупной цѣны и крѣпостной пошлины въ установленный срокъ, внесенный ими задатокъ присовокупляется къ общей суммѣ, вырученной за имущество. Назовемъ еще правила привода къ присягѣ, имѣющія значенія для лицъ лютеранскаго вѣроисповѣданія не въ одномъ Остзейскомъ краѣ.

Положеніе о преобразованіи крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ, опубликованное одновременно съ общими положеніями о преобразованіи судебной части, сохраняетъ въ учрежденіяхъ *волостныхъ* и *верхнихъ* крестьянскихъ судовъ самостоятельный судъ сельскаго населенія. Начало сословности, преобладающее въ созданныхъ закономъ 9 іюля формахъ крестьянскихъ судовъ, находитъ достаточное оправданіе въ особенныхъ условіяхъ сельской жизни и въ необходимости созданія для крестьянъ своего дешеваго и близкаго суда. Эти требованія находятъ удовлетвореніе въ постановленіи о порядкѣ избранія судей, о разграниченіи судебныхъ участковъ и о дѣлопроизводствѣ. Волостные судьи избираются общимъ волостнымъ сходомъ на 3 года, изъ числа членовъ волостнаго общества, достигшихъ 25 лѣтъ, исповѣдующихъ христіанскую вѣру и умѣющихъ читать и писать на томъ мѣстномъ языкѣ, на которомъ говоритъ большинство населенія. Волостной судъ находится въ каждомъ волостномъ судебномъ участкѣ; при росписаніи участковъ наблюдается,

чтобы въ каждомъ число жителей было не менѣе 1,000 и не болѣе 2,000 душъ мужскаго пола и чтобы разстояніе отъ дальнѣйшихъ населенныхъ пунктовъ участка до мѣста нахожденія суда не превышало 12 верстъ. Завѣдываніе письменною частью возлагается на волостнаго писаря или же на особаго писаря, при волостномъ судѣ, если это будетъ признано нужнымъ сходомъ выбранныхъ. Писарь долженъ владѣть русскимъ языкомъ (только въ первые 3 года, по введеніи новаго положенія, послѣднее требованіе не обязательно). Начало сословности находитъ ограниченіе въ правѣ пользоваться волостнымъ судомъ, предоставленномъ и не крестьянамъ: дворяне, чиновники, духовенство, купцы и почетные граждане, изъятые изъ вѣдѣнія крестьянскаго суда, могутъ подчиниться, если пожелаютъ, его юрисдикціи, въ качествѣ истцовъ, какъ и въ качествѣ отвѣтчиковъ,—въ послѣднемъ случаѣ, если они не приводятъ возраженій противъ его компетентности. Въ гражданскихъ дѣлахъ, вѣдомству волостнаго суда подлежатъ иски о движимости и по обязательствамъ и договорамъ, цѣною не свыше ста рублей, иски о вознагражденіи за убытки, не превышающіе такой же суммы, о возстановленіи нарушеннаго владѣнія и пользованія сервитутами въ предѣлахъ волости, если со времени нарушенія прошло не болѣе года. На волостной же судъ возлагается принятіе мѣръ охраненія наслѣдства, вызовъ наслѣдниковъ, производство раздѣловъ между сонаслѣдниками, завѣдываніе крестьянскими опеками, волостнымъ судомъ, далѣе, имъ разсматриваются просьбы объ усыновленіи крестьянами лицъ крестьянскаго состоянія или подкидышей. Удостовѣряясь въ законности и правильности ходатайства объ усыновленіи, волостной судъ постановляетъ опредѣленіе о разрѣшеніи усыновленія.

Относительно уголовнаго судопроизводства, вѣдомству волостныхъ судовъ подлежатъ дѣла о проступкахъ, указанныхъ въ временныхъ правилахъ и наказаніяхъ, налагаемыхъ волостными судами. Денежныя взысканія не могутъ превышать 12 рублей, арестъ не можетъ превышать 2 недѣль, тѣлесное наказаніе, допускаемое положеніемъ о крестьянахъ Лифляндской губ., не должно быть назначено въ размѣрѣ болѣе 20 ударовъ. Удерживая дѣйствующее въ краѣ матеріальное право «впредь до общаго пересмотра законоположенія о наказаніяхъ», ст. 5 временныхъ правилъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ волостнымъ судомъ, представляетъ однако нѣкоторую защиту отъ безобразій палочной расправы: «волостной судъ,—гласитъ она,—*въ правѣ* замѣнять тѣлесное наказаніе строгимъ арестомъ съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ на срокъ не свыше двухъ недѣль. Тѣмъ же арестомъ и на тотъ же срокъ волостной судъ *обязанъ* замѣнить тѣлесное наказаніе, какъ лицамъ, изъятымъ отъ сего наказанія на основаніи общихъ законовъ или мѣстныхъ узаконеній, такъ и *тѣмъ изъ осужденныхъ, которые будутъ просить о сей замѣнѣ*».

Второй инстанціей въ крестьянскомъ судѣ служитъ *верхній крестьянскій* судъ, учреждающійся для разбора жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ. Онъ состоитъ изъ предсѣдателя, назначаемаго министромъ юсти-

ціи, и двухъ членовъ изъ предсѣдателей волостныхъ судовъ, приглашаемыхъ по очереди для участія въ засѣданіяхъ. Высшій надзоръ за волостными и верхними крестьянскими судами и разсмотрѣніе приносимыхъ на эти суды жалобъ, возлагается Положеніемъ на съѣзды мировыхъ судей, составляющіе такимъ образомъ послѣднюю и кассаціонную инстанцію крестьянскаго суда.

Заканчивая этотъ краткій обзоръ, мы считаемъ не лишнимъ отмѣнить сочувственное въ общемъ отношеніе мѣстнаго населенія къ учрежденію волостныхъ судовъ. «Сравнительно съ прошлымъ»,—говоритъ нынѣшній главный органъ балтійскихъ нѣмцевъ (Zeitung für Stadt und Land), «новый сельскій судъ безспорно отличается большой простотой и цѣлесообразностью. Съ одной стороны, крестьянамъ приходилось при старомъ порядкѣ изъ-за пустяковъ тягаться по 5 инстанціямъ, съ другой стороны въ самыхъ сложныхъ и серьезныхъ процессахъ, разъ они касались крестьянъ, судьями являлись невѣжественные и малокомпетентные органы. Теперь крестьянство избавлено отъ судебной волокиты, твореніе суда не налагаетъ на него большаго матеріальнаго бремени и въ то же время оно пользуется общими судами своей страны, въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ рѣшенія суда зависятъ его крупные экономическіе и личные интересы».

Къ сожалѣнію, одной этой областью и можетъ пока ограничиться безусловное сочувствіе къ реформѣ всѣхъ свѣдущихъ людей въ Россіи и въ губерніяхъ, переживающихъ новую реформу. Прекрасное начинаніе, способное послужить идеальнѣйшимъ звеномъ между общимъ отечествомъ и окраиной, ослаблено въ своей силѣ вслѣдствіе неумѣстнаго враждебнаго отношенія къ мѣстному населенію и вслѣдствіе невниманія къ культурной силѣ народнаго и независимаго суда.

Не проходитъ года, чтобы въ Положеніе о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ не вносились тѣ или другія видоизмѣненія. Правда, основныя черты Положенія, условія выдачи ссудъ, размѣръ платежей, организація управленія не подверглись никакимъ измѣненіямъ, но второстепенныя части подвергаются постоянно измѣненіямъ. Въ настоящей хроникѣ мы желали обратить вниманіе на Высочайше утвержденное 26 іюня мнѣніе Государственнаго Совѣта о мѣрахъ къ облегченію продажи земельныхъ участковъ, заложенныхъ въ крестьянскомъ банкѣ, и на мѣры, введенныя для содѣйствія правильному поступленію платежей по ссудамъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что многіе участки, купленные при помощи банка, оказываются невыгодными для покупщиковъ-крестьянъ и что послѣдніе, несмотря на затраты изъ собственныхъ средствъ, предпочитаютъ разставаться съ своей землей, арендовать землю у сосѣднихъ помѣщиковъ, чѣмъ платить банку. Земли въ первые годы дѣятельности банка сильно поднялись въ цѣнѣ, спросъ на землю былъ великъ, ссуды, опредѣленныя банкомъ, не мало способствовали неразсчетливымъ

покупкамъ, и крестьяне, будучи большею частью плохо освѣдомлены о характерѣ дѣятельности банка, попадались въ просакъ; они платили за землю не только больше того, что въ состояніи былъ бы платить другой разрядъ покупщиковъ, обрабатывающихъ землю при помощи наемнаго труда, но и больше того, что можно было платить при самомъ незначительномъ возмѣщеніи за собственный трудъ. Жадность къ землѣ, вполнѣ понятная при недостаточности собственныхъ надѣловъ, вводила крестьянъ подчасъ въ самыя неразсчетливыя сдѣлки; за землю приходилось выплачивать въ банкъ больше, чѣмъ обходилась бы аренда той же земли. Къ тому еще аренда, избавляя крестьянъ отъ платежа государственныхъ и земскихъ податей, представляла въ этомъ отношеніи преимущества предъ покупкой. Сдѣлки были построены на ложномъ базисѣ: покупныя цѣны были высоки, а приплаты изъ собственныхъ средствъ и обременительные займы окончательно разоряли крестьянъ и лишили ихъ не только купленной земли, но и другаго имущества.

Нѣтъ поэтому, повторяемъ, ничего удивительнаго въ томъ, что банкъ сдѣлался обладателемъ многихъ участковъ, что крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ почти повально покидали землю и предоставляли банку право полнаго распоряженія. Мы далеки отъ того, чтобы взваливать вину за эти послѣдствія исключительно на управленіе крестьянскаго банка. Дѣло было новое, опытность далась не сразу и люди, руководимые самыми лучшими стремленіями, подчасъ способствовали увеличенію крестьянскихъ владѣній, рѣшительно не провѣряя, можетъ ли земля выдержать наложенное на нее бремя платежей. Но если неблагопріятныя послѣдствія, связанныя съ возвращеніемъ многихъ участковъ въ собственность банка, не могутъ быть поставлены въ вину управленію крестьянскаго банка, то тѣмъ менѣе можно признать правильнымъ тотъ способъ дѣйствія, къ которому прибѣгаетъ банкъ теперь. Выходъ изъ тяжелаго положенія необходимъ, это сознаютъ всѣ, но гдѣ искать выхода? Накопленіе недоимокъ тяжело ложится на бюджетѣ банка, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, но какъ предупредить накопленіе недоимокъ и предупредить часто повторяющіеся факты оставленія земли крестьянами?

То, что предпринялъ крестьянскій банкъ, могло бы быть оправдано лишь въ томъ случаѣ, когда со стороны банка всѣ дѣйствія были бы строго разсчитаны, а со стороны крестьянъ было не заблужденіе, а злая воля, желаніе обмануть банкъ. Испугавшись послѣдствій накопленія большаго числа участковъ, крестьянскій банкъ, вопреки своимъ основнымъ задачамъ, поступаетъ со своими кліентами подчасъ слишкомъ жестоко.

Когда нѣтъ никакой надежды на то, что покупщикъ удержитъ за собой землю, ее необходимо продать поскорѣе, во избѣжаніе накопленія просроченныхъ платежей. Необходимо, слѣдовательно, организовать торги такимъ образомъ, чтобы можно было найти какъ можно больше охотниковъ купить землю съ торговъ. Но въ погонѣ за покупщиками банкъ

забылъ, что онъ учрежденъ для «облегченія крестьянамъ всѣхъ наименованій способовъ къ покупкѣ земли». Банкъ стремится только къ тому, чтобы выручить свою ссуду, и рѣшительно не интересуется вопросомъ, къ кому попадетъ крестьянская земля, попадетъ ли она въ руки другихъ крестьянъ, которые окажутся болѣе состоятельными плательщиками, или же въ руки мѣщанъ, купцовъ и кулаковъ. Мало того, условія продажи прямо исключаютъ возможность перехода земли въ руки нуждающихся въ землѣ, но не обладающихъ собственными средствами крестьянъ. Если по статьѣ 12 Высочайше утвержденнаго 26 іюня мнѣнія Государственнаго Совѣта «взносъ покупной суммы можетъ быть разсроченъ отдѣленіемъ банка, съ такимъ разсчетомъ, чтобы изъ остающагося на покупщикѣ, послѣ взноса задатка и крѣпостныхъ пошлинъ, долга одна четверть была внесена въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, вторая четверть въ теченіе шести мѣсяцевъ, а остальной долгъ въ теченіе двухъ лѣтъ со дня торга, съ начисленіемъ на отсроченныя суммы шести съ половиною процентовъ годовыхъ», то разсрочка эта, облегчая покупку, не измѣняетъ основнаго характера продажи, не измѣняетъ того факта, что земля безповоротно ушла изъ крестьянскихъ рукъ въ чужія руки, въ руки класса или сословія, обладающаго достаточными средствами для полнаго выкупа земли. Не допуская перевода долга на будущаго владѣльца, банкъ прямо исключаетъ изъ числа покупщиковъ тотъ разрядъ лицъ, для которыхъ онъ учрежденъ. Далѣе, допуская по статьѣ 2 продажу участковъ по частямъ, банкъ опять таки преслѣдуетъ одну и ту же цѣль, поскорѣе развязаться съ оставшимся за нимъ имуществомъ, къ кому бы послѣднее ни попало. Выгодно ли въ смыслѣ безубыточнаго ликвидированія оставшагося за банкомъ имѣнія дробленіе его на участки, не рискуетъ ли банкъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ затруднить продажу и окончательный разсчетъ, когда за продажей лучшихъ участковъ не найдется покупателей на худшіе,—это вопросъ совсѣмъ другаго рода. Во всякомъ случаѣ, законъ стремится къ одной цѣли — облегчить продажу оставшихся за банкомъ имѣній, и если допускаетъ дробленіе, то не потому, что такимъ путемъ мелкіе участки могутъ попасть въ руки малоземельныхъ и небогатыхъ крестьянъ, а потому, что считаетъ такой способъ продажи болѣе выгоднымъ съ точки зрѣнія финансовыхъ разсчетовъ.

Итакъ, ясно, что «мѣры къ облегченію продажи съ торговъ земельныхъ участковъ», игнорируя интересы крестьянъ, имѣютъ своею цѣлью уменьшеніе убытковъ банка. Крестьянскій банкъ въ данномъ случаѣ поступаетъ такъ, какъ поступаютъ акціонерные земельные банки: кто бы ни сдѣлался собственникомъ имѣнія, банки должны обезпечить себя отъ убытковъ. Разница притомъ не въ пользу крестьянскаго банка заключается въ томъ, что послѣдній требуетъ полнаго погашенія долга, тогда какъ акціонерные банки допускаютъ переводъ ссуды на новаго покупщика.

Мы не станемъ останавливаться на отдѣльныхъ постановленіяхъ новаго закона, на деталяхъ организаціи торговъ. Для насъ достаточно отмѣ-

тить, что банкъ по отношенію оставшихся за нимъ имѣніямъ сталъ на частнохозяйственную точку зрѣнія; онъ не поднялся выше того уровня, на которомъ стоятъ учрежденія, преслѣдующіе интересы своихъ акціонеровъ. Обращаясь къ другой мѣрѣ, къ *способамъ пополненія недоимокъ въ платежахъ крестьянскому банку*, мы прежде всего отмѣтимъ, что банкъ вышелъ за предѣлы гипотечнаго учрежденія; онъ сталъ на ту почву, на которой стоитъ государство въ вопросѣ о *налогахъ вообще* и въ *вопросѣ о выкупныхъ платежахъ*. Попытку стать на эту точку зрѣнія мы могли бы видѣть въ изданномъ въ прошломъ году законѣ о крестьянскихъ поземельныхъ товариществахъ, въ силу котораго для пополненія недоимокъ въ платежахъ крестьянскому банку съ отдѣльныхъ неисправныхъ платильщиковъ, сходамъ предоставляется, между прочимъ, «продавать ту часть движимаго имущества и строеній недоимщика, возведенныхъ на товарищеской землѣ, которая не составляютъ необходимости въ его хозяйствѣ». Этотъ способъ взысканія нынѣ распространенъ на всѣхъ заемщиковъ крестьянскаго банка; обезпеченіемъ исправнаго поступленія платежей отнынѣ должны служить не только купленная при помощи банка земля и доходы, ею приносимые, но и движимое имущество и строенія, возведенныя на землѣ. Законъ этотъ преслѣдуетъ ту же цѣль, которую преслѣдуетъ вышеприведенный законъ—уменьшеніе убытковъ банка, но если въ первомъ случаѣ банкъ нарушилъ основные принципы своей организаціи какъ государственнаго учрежденія, созданнаго въ видахъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія, то установивши новый способъ пополненія недоимокъ, банкъ нарушилъ принципы, лежащіе въ основаніи гипотечнаго учрежденія. Дѣло въ томъ, что между землей, полученной крестьянами въ надѣлъ, и землей, купленной при помощи банка, существуетъ огромная разница. Выкупная операція есть не только ссудная операція, она имѣетъ болѣе общее и широкое значеніе, и моментъ ссуды является лишь одной изъ ея сторонъ, тогда какъ покупка земли при посредствѣ банка, есть чисто ссудная операція, по крайней мѣрѣ, при выдачѣ ссудъ и опредѣленій размѣра платежей банкъ не вышелъ за тѣсные предѣлы кредитнаго учрежденія. Правда, крестьянскій банкъ есть учрежденіе сословное, пользующееся государственною гарантіей, но по существу своему выдача ссудъ на покупку земли есть чисто ссудная операція подъ залогъ земли. Нетрудно видѣть, что между выкупомъ и выдачей ссудъ изъ банка существуетъ огромная разница. Крестьяне за полученныя ссуды платятъ гораздо больше, чѣмъ банкъ выплачиваетъ владѣльцамъ крестьянскихъ свидѣтельствъ, онъ взимаетъ ежегодно въ свою пользу цѣлый процентъ, обращаетъ въ свою пользу курсовую разницу и въ общемъ взимаетъ съ крестьянъ во всякомъ случаѣ не меньше, если не больше, чѣмъ взимаютъ съ своихъ клієнтовъ акціонерные банки. Банкъ въ финансовомъ отношеніи мало отличается отъ акціонерныхъ банковъ, по крайней мѣрѣ, размѣры взимаемыхъ имъ въ свою пользу взносовъ даютъ возможность акціонернымъ банкамъ покрывать всѣ убытки и да-

вать барыши. Будучи поставлены внѣ зависимости отъ государственнаго казначейства, не будучи въ долгу у правительства, банкъ получаетъ достаточно доходовъ, чтобы нести отвѣтственность за могущіе произойти убытки. При такомъ положеніи дѣла банкъ едва ли поступаетъ правильно, обращая взысканіе не только на землю, но и на движимое имущество? Не говоря уже о томъ, что такого рода способъ взысканія платежей можетъ вести къ многочисленнымъ злоупотребленіямъ и установить произволъ въ дѣйствіяхъ банка, обращеніе взысканія на движимость, которая не будетъ признана необходимой для веденія хозяйства, извращаетъ основный характеръ банка, какъ гипотечнаго учрежденія.

Стремленіе уменьшить убытки приводитъ къ тому, что банкъ не стоитъ твердо ни на какой точкѣ зрѣнія. Какъ мы видѣли, онъ то становится въ одинъ уровень съ акціонерными банками, когда устанавливаетъ мѣры къ облегченію продажи, то покидаетъ эту почву и переходитъ на почву государственнаго учрежденія, когда распространяетъ на своихъ кліентовъ тѣ же правила взысканія недоимокъ, какія государство примѣняетъ по отношенію къ выкупнымъ платежамъ и вообще къ казеннымъ и мірскимъ повинностямъ (Общее Положеніе ст. 188 и Положеніе о выкупѣ ст. 127 и 133).

Предъ крестьянскимъ банкомъ, повидимому, стоитъ грозный призракъ дворянскаго банка. Призракъ этотъ настолько его устрашаетъ, что онъ не можетъ прочно устоять ни на какой точкѣ зрѣнія. Онъ стремится къ одной только цѣли—предупредить убытки и въ погонѣ за этимъ подчасъ забываетъ, для кого и для чего онъ учрежденъ. Предупрежденіе убытковъ безусловно необходимо, но предупрежденіе это можетъ быть скорѣе достигнуто большею осмотрительностью при выдачѣ ссуды, чѣмъ выколачиваніемъ изъ крестьянъ недоимокъ по сдѣлкамъ, оказавшимся невыгодными для покупщиковъ. Притомъ, крестьяне какъ кліенты банка платятъ слишкомъ много на возмѣщеніе риска, чтобы подвергать опасности свое имущество. Предупрежденіе невыгодныхъ сдѣлокъ и пониженіе платежей въ предѣлахъ, допускаемыхъ другими банками, могли бы, думается намъ, оказаться болѣе цѣлесообразными для уменьшенія потерь, чѣмъ мѣры, съ которыми мы выше познакомили читателей.

М. І. Г.

КАЗУИСТИКА И ПРОБАБИЛИЗМЪ.

Ignaz von Döllinger und *Fr. Heinrich Reusch*. Geschichte der Moralstreitigkeiten in der römischkatholischen Kirche seit dem sechszehnten Jahrhundert mit Beiträgen zur Geschichte und Charakteristik des Jesuitenordens. Auf Grund ungedruckter Aktenstücke bearbeitet und herausgegeben 2 B—de. Nördlingen, 1889 (VI+687 и XI+398).

Сочиненіе о моральныхъ контроверсахъ въ римско-католической церкви, на которомъ стоитъ имя маститаго историка Дёллингера, предназначено къ тому, чтобы восполнить существовавшій пробѣлъ въ католической церковной литературѣ. Что въ нѣдрахъ католической церкви, въ теченіе двухъ столѣтій, веденъ былъ весьма острый споръ относительно христіанской морали, — споръ, равно важный, какъ для духовенства, такъ и для мірянъ, говоритъ Дёллингеръ, — это и раньше хорошо было извѣстно и могло быть прочитано въ любомъ учебникѣ западно-европейской церковной исторіи. Но извѣстно было только то, что связано было съ именемъ Паскаля и съ его провинціальными письмами, т. е. знали только одинъ эпизодъ долговременной войны между церковными партіями, въ которой была сдѣлана попытка пробудить интересъ образованныхъ мірянъ къ спорнымъ церковнымъ вопросамъ. Дёллингеръ и Рейшъ въ означенномъ въ заголовкѣ изданіи прослѣдили тщательно всѣ перипетіи этой войны на основаніи подлинныхъ документовъ, изданныхъ ими во второмъ томѣ этого же самаго труда, причемъ сдѣлано нѣсколько цѣнныхъ научныхъ вкладовъ въ исторію іезуитскаго ордена. Второй отдѣлъ перваго тома, озаглавленный: «Zur Geschichte und Charakteristik des Jesuitenordens» не составляетъ связной и цѣльно излагаемой исторіи этого ордена, а содержитъ въ себѣ, какъ выразились сами издатели, именно рядъ вкладовъ въ исторію и характеристику іезуитскаго ордена (eine Reihe von Beiträgen zur Geschichte und Charakteristik des Jesuitenordens), которыми можетъ воспользоваться позднѣйшій историкъ этого ордена для цѣльнаго и связнаго представленія исторіи его. Вклады состоятъ въ разъясненіи отдѣльныхъ пунктовъ, моментовъ, эпи-

зодовъ изъ исторіи іезуитскаго ордена на основаніи подлинныхъ же документовъ, которые помѣщены во II томѣ, вмѣстѣ съ другими документами, относящимися къ моральнымъ контроверсамъ. Такое разъясненіе получили, напримѣръ, вопросы о ratio studiorum, т. е. о характерѣ и методахъ преподаванія въ іезуитскихъ учебныхъ заведеніяхъ по инструкціямъ, даннымъ въ руководство профессорамъ богословія, церковной исторіи, каноническаго права и проч., о цензурѣ книгъ, сочиненныхъ членами ордена, о привилегіяхъ и полномочіяхъ, дарованныхъ папами іезуитскому ордену, о запрещеніи парижскимъ парламентомъ сочиненія Беллярмина объ оригинальной вѣрѣ членовъ ордена, что ни одинъ изъ нихъ, по ходатайству св. Игнатія, не умретъ въ смертномъ грѣхѣ и не будетъ осужденъ на вѣчныя мученія и др. Напротивъ, первый отдѣлъ сочиненія, подъ заглавіемъ: «Zur Geschichte der Moralstreitigkeiten in der katholischen Kirche seit dem 16 Jahrhundert», представляетъ собою связно составленную, любопытную и поучительную, исторію контроверсъ въ области морали, подобныхъ или соотвѣтствующихъ которымъ мы не найдемъ ни въ исторіи восточнаго христіанства вообще, ни въ русской исторіи въ особенности. Для русскаго человѣка такъ много неожиданнаго и непривычнаго русскому міровоззрѣнію въ исторіи этихъ контроверсъ, что познакомившись съ ней и соображая ходъ русской исторіи, онъ съ полнымъ правомъ могъ бы придти къ тому выводу, что если существуютъ рѣзко обозначившіяся въ исторіи черты, отличающія русское отъ западно-европейскаго, то въ области морали и въ научной разработкѣ этой области нужно искать наиболѣе характерныхъ отличительныхъ чертъ. Ниже излагаемая исторія моральныхъ контроверсъ на западѣ,—конечно, въ краткомъ видѣ и на основаніи данныхъ, сообщаемыхъ Дёллингеромъ и Рейшемъ — доставитъ возможность образованному русскому человѣку замѣтить слѣдующее: 1) какъ западная церковная жизнь, такъ и западная церковная наука придавали важность такимъ вопросамъ, съ усердіемъ и съ любовью, а также со всѣмъ жаромъ полемической вражды, разрабатывали такія темы, которымъ мы въ настоящее время готовы отказать въ какомъ бы то ни было значеніи, считая ихъ пустыми тонкостями, порожденіемъ схоластики и плодомъ непозволительнаго перенесенія пріемовъ юриспруденціи въ область религіозно нравственную; 2) если нѣкоторые изъ вопросовъ морали, возбуждавшихъ контроверсы на западѣ, и для современнаго русскаго сознанія представлялись бы не безплодными, а, напротивъ, заслуживающими должнаго разъясненія, то, во всякомъ случаѣ, прошедшая наша исторія не интересовалась ими, настолько не интересовалась, что затруднительно бы было указать хотя на одно какое либо сочиненіе по такому или другому вопросу, имѣющему на западѣ громаднѣйшую литературу. Тотъ и другой выводы, если въ нихъ хотя немного вдуматься, должны представлять не малый интересъ для русскаго сознанія. Если на западѣ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій мыслящіе люди давали себѣ трудъ зани-

маться безплодными тонкостями, которыя на Руси оставались и остаются непонятными: то отсюда слѣдуетъ заключать не только о существованіи особыхъ обстоятельствъ или условій, опредѣлившихъ направленіе мысли, но и объ особомъ складѣ ума и характера западнаго европейца въ отличіе отъ русскаго человѣка, который, слѣдовательно, по своему умоначертанію и характеру, уже не говоря о разныхъ другихъ причинахъ, отталкивается отъ массы вопросовъ, останавливающихъ на себѣ вниманіе западнаго европейца. Если даже на западѣ составилась громадная литература по такимъ вопросамъ, которые на Руси совсѣмъ не культивировались научнымъ образомъ, а которые, однако, не могутъ быть отнесены нашимъ сознаніемъ къ категоріи безплодныхъ тонкостей, а напротивъ, имѣютъ смыслъ и важность и требуютъ разъясненія: то отсюда должно вытекать, что и русская исторія не можетъ миновать этихъ вопросовъ, что, такъ или иначе, она должна будетъ рѣшить ихъ, воспользовавшись при этомъ плодами умственной работы и опытами жизни запада. Для того, кто придетъ къ этимъ обоимъ выводамъ, во всякомъ случаѣ будетъ констатировано съ ясностію и несомнѣнностію глубокое различіе между ходомъ западно-европейской и ходомъ русской исторіи въ отношеніи къ вопросамъ морали. Можно бы было, повидимому, сказать на это, что констатированіе этого различія не представляетъ ничего новаго, такъ какъ не мало существуетъ констатированныхъ различій между Россіей и западной Европой въ ходѣ историческихъ явленій, въ юридическихъ институтахъ и проч., и констатированіе еще одного лишняго различія не много прибавитъ, или, пожалуй, и ничего не прибавитъ къ тому, что раньше уже было извѣстно. Однако, область моральныхъ вопросовъ есть такая область, въ которой всего менѣе можно бы было ожидать различій между христіанскими народами. До сихъ поръ никто не сомнѣвался въ томъ, что христіанскіе народы различаются между собою различнымъ пониманіемъ догматическихъ истинъ христіанскаго ученія или такъ называемыхъ догматовъ вѣры, вслѣдствіе чего возникли исторически различныя христіанскія вѣроисповѣданія; но чтобы въ пониманіи христіанскаго нравственнаго ученія существовали различія между христіанскими народами и странами, — это отнюдь не такой общеизвѣстный фактъ, констатированіе котораго было бы излишне. Само собою разумѣется, что моральныя контроверсы, которыми занимаются Дёллингеръ и Рейшъ въ своемъ изданіи, будутъ представлены въ нижеслѣдующемъ краткомъ изложеніи не съ теологической или спеціально-церковной точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія, единственно возможной для русскаго читателя (говоримъ: единственно возможной потому, что такой теологической или спеціально-церковной разработки моральныхъ контроверсъ у насъ не существовало),—именно съ культурной точки зрѣнія, какъ своеобразное явленіе западной мысли и западной жизни.

Нравственное богословіе, theologia moralis, какъ научное развитіе и обоснованіе христіанскаго нравственнаго ученія, было обработываемо и

излагаемо средневѣковыми западными теологами вмѣстѣ съ догматикой, т. е. съ изложеніемъ догматовъ христіанскихъ, и эта дисциплина называлась theologia speculativa или scholastica. Но подлѣ нея развилась, какъ особая дисциплина, казуистика, задача которой состояла въ томъ, чтобы общіе нравственные законы, обоснованіе которыхъ предполагается уже какъ данное въ первой дисциплинѣ, т. е. въ спекулятивной теологіи, примѣнять къ конкретнымъ случаямъ и разрѣшать возникающіе въ такихъ случаяхъ вопросы или падежи совѣсти (casus conscientiae). Тогда какъ, наприм., моральная теологія вообще показываетъ, что должно освящать воскресный день, и обосновываетъ обязанности участія въ богослуженіи и воздержанія отъ обычныхъ работъ, казуисты исчисляютъ, какія работы воспрещены въ воскресные и праздничные дни и по какимъ причинамъ тѣ же самыя работы могутъ считаться дозволенными, напр., писать, переписывать, корректировать, рисовать, охотиться и т. п., разъясняютъ, что требуется для того, чтобы мессу слушать должнымъ образомъ, и какія причины извиняютъ неисполненіе этой обязанности, причемъ указывается и то, запрещено ли что либо подъ страхомъ смертнаго, или простительнаго грѣха. Такъ, напр., по поводу общаго положенія, что всякая механическая, ручная и земледѣльческая работа въ воскресные и праздничные дни составляетъ смертный грѣхъ, указываются три случая, когда названныя работы не составляютъ грѣха: 1) *ex necessitate*, какъ уборка хлѣба или сѣна при опасности дождя, производство цирульниками, кузнецами и содержателями гостинницъ свойственныхъ имъ операцій, когда это дѣлается не ради барыша, а по необходимости, заготовленіе рыбаками и булочниками того, что подлежитъ продажѣ на слѣдующій день и т. п.; 2) *ex pietate*, какъ обработка поля у бѣднаго человѣка, если въ странѣ существуетъ таковой обычай и не осужденъ со стороны епископа, а также, по обстоятельствамъ, обработка земель, принадлежащихъ церквамъ, монастырямъ и госпиталямъ, предполагая, что работа не помѣшаетъ участію въ богослуженіи; 3) *ex parvitate operis*—незначительныя работы, какъ маленькія путешествія, работа на водяныхъ и вѣтряныхъ мельницахъ и проч.

Казуистика создана была еще въ средніе вѣка, какъ сказано; но свое полное развитіе она получила послѣ тридентскаго собора. До XVI вѣка она стояла рядомъ съ моральною теологіей, какъ особая дисциплина, обыкновенно принимавшая характеръ практическихъ руководствъ для духовниковъ, которые съ XII вѣка перестали считать для себя обязательными правила, содержавшіяся въ разныхъ пенитенціалахъ, явившихся раньше этого времени. Однимъ изъ обширнѣйшихъ и наибольшее распространеніе получившихъ руководствъ была *summa* извѣстнаго доминиканца, испанца по происхожденію, Раймунда до Пеннафорте, того самаго, которому папа Григорій IX поручилъ составленіе кодекса декреталовъ (такъ называемый Gregoriana или Decretales Gregorii IX). Совмѣстность или совпаденіе работъ по составленію обоихъ сборниковъ объяснить не

трудно: теологическая казуистика, развившаяся съ соображеніемъ исповѣдной практики духовниковъ, опиралась не только на этическіе принципы, излагавшіеся въ моральной теологіи, но и на церковное законодательство, содержавшееся въ каноническомъ правѣ, почему и называема была также jurisprudentia divina. Съ XVI вѣка въ большей части казуистическихъ сочиненій обнаружилось стремленіе поставить казуистику въ тѣсную связь съ теоретическою генеральною теологіей: порядокъ изложенія въ этихъ казуистическихъ сочиненіяхъ сталъ сообразоваться съ системою теоретической моральной теологіи, и рѣшенію отдѣльныхъ казусовъ стало предпосылаться краткое изложеніе общихъ принциповъ, причемъ, однако, казуистическій элементъ оставался главнымъ. Если до XVI вѣка главными воздѣлывателями моральной казуистики были францисканцы и доминиканцы, такъ какъ этимъ именно орденамъ (такъ называемый нищенствующимъ) предоставлено было дѣйствовать въ исповѣдальнѣ болѣе чѣмъ бѣлому или мірскому духовенству: то съ XVI вѣка казуистика стала развиваться преимущественно благодаря дѣятельности іезуитовъ, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что іезуитами же были произведены и нѣкоторыя немаловажныя измѣненія въ исповѣдной дисциплинѣ. Благодаря іезуитамъ, становилось болѣе и болѣе обычнымъ исповѣдываться чаще, и не только исповѣдываться въ учиненныхъ уже грѣхахъ, тяжкихъ или простительныхъ, но и испрашивать на исповѣди совѣтъ и отвѣтъ по поводу всевозможныхъ недоумѣній и вопросовъ нравственной жизни, такъ что духовникъ долженъ былъ получить характеръ духовнаго отца и руководителя въ самомъ широкомъ смыслѣ. Въ связи съ этимъ стоитъ еще и то обстоятельство, что большій вѣсъ сталъ придаваться именно исповѣди, какъ таковой, ея подробности и частому повторенію, чѣмъ дѣйствительному раскаянію.

Въ 1823 году явилось сочиненіе Гиршера (*Hirscher*, Ueber das Verhältniss des Evangeliums zu der theologischen Scholastik), въ которомъ очень хорошо выставлены всѣ недостатки схоластическо-казуистической обработки христіанской морали. Вмѣсто того, говоритъ Гиршеръ, чтобы начинать съ духа, который всякое отдѣльное доброе дѣло дѣлаетъ именно добродѣтелью и является производящею причиною всего добраго въ мірѣ Божіемъ, схоластика громоздитъ матеріалъ, состоящій изъ отдѣльныхъ нравственныхъ заповѣдей и запрещеній, не заботясь о томъ, откуда они происходятъ, на какомъ основаніи утверждаются и какимъ принципомъ оживотворяются. Вмѣсто того, чтобы полагать въ основаніе христіанскій духъ и изъ него выводить все доброе, вмѣсто того чтобы отдѣльныя заповѣди и запрещенія выводить изъ нераздѣльной сущности добра и направлять нравственное сужденіе слушателей съ несомнѣнностію, схоластика безпринципно строитъ горы изъ «должно» и «должно», нанизываетъ заповѣдь на заповѣдь, запрещеніе на запрещеніе. Значительную роль въ казуистической обработкѣ играетъ различіе трудныхъ и легкихъ для исполненія законовъ, трудныхъ и легкихъ обязанностей, большихъ

и малыхъ преступленій, смертныхъ и простительныхъ грѣховъ. Никто не будетъ отрицать, разсуждаетъ Гиршеръ, что существуютъ преступленія, которыя, имѣя исходнымъ пунктомъ состояніе моральной смерти, и въ жизнь проводятъ эту смерть, а съ другой стороны, существуютъ многіе проступки, недостатки и нарушенія, отъ которыхъ даже и вполнѣ хорошій человѣкъ не можетъ быть совершенно свободенъ. Такимъ образомъ различіе между тяжкими и легкими грѣхами само по себѣ основательно, и если это различіе опирается преимущественно на различное качество воли, то противъ него ничего возразить нельзя. Другое дѣло, когда различіе между смертными и простительными грѣхами разсматривается объективно, когда на таблицѣ заповѣдей и запрещеній одни обозначаются какъ обязательныя подъ страхомъ тяжкаго, другія—легкаго грѣха, и на таблицѣ грѣховъ—одни какъ смертные, другіе какъ простительные. Здѣсь источникъ тревоги для совѣсти, такъ какъ собственная совѣсть не была бы въ состояніи указывать съ опредѣленностію, какіе грѣхи смертные, и какіе простительные, нуждалась бы въ совѣтѣ и указаніи внѣшняго какого либо авторитета и въ тысячѣ случаевъ не могла бы составить себѣ вѣрное рѣшеніе относительно того, обязательны ли извѣстная заповѣдь или извѣстное запрещеніе подъ тяжкимъ, или подъ легкимъ грѣхомъ, могла бы впасть въ состояніе таковой неизвѣстности, отъ которой для истинной нравственности выигрышъ небольшой. Но особенно опасная сторона казуистики, обнаружившаяся съ конца XVI вѣка, заключалась въ такъ называемомъ *пробабилизмѣ*. По поводу этого термина необходимо установить и объяснить еще нѣкоторые другіе, въ связи стоящіе, термины, которыми испещрена была казуистическая литература, и безъ уясненія которыхъ было бы невозможно слѣдить за дальнѣйшимъ изложеніемъ.

Во многихъ случаяхъ у насъ не имѣется полной увѣренности въ томъ, что мы поступаемъ согласно съ нашими обязанностями, что наши дѣйствія дозволены или, напротивъ, не дозволены. Здѣсь противополагаются, такимъ образомъ, одинъ другому два взгляда, изъ которыхъ каждый можетъ опираться на извѣстныя основанія, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ почитаться достовѣрнымъ, несомнѣннымъ (certa), а представляется лишь вѣроятнымъ, правдоподобнымъ (probabilis). При этомъ оба противополагаемые взгляда могутъ имѣть за себя равное число основаній (aeque probabiles), или одинъ изъ нихъ имѣетъ въ свою пользу большее количество основаній, чѣмъ другой (probabilior), другой—меньшее (minus probabilis). Вѣроятность или правдоподобность, пробабилитетъ, можетъ опираться или на внутреннія основанія (probabilitas intrinseca), или на внѣшнія, т. е. на авторитетъ свѣдущихъ лицъ, экспертовъ, заслуживающихъ уваженія и довѣрія учителей и авторовъ (probabilitas extrinseca). Отъ болѣе или менѣе вѣроятнаго мнѣнія (opinio probabilior или minus probabilis) нужно различать болѣе или менѣе безопасное мнѣніе (opinio tutior или minus tuta). Болѣе безопасное мнѣніе есть то, слѣдуя

которому легче избѣгать нарушенія закона, чѣмъ слѣдуя противоположному. Кто не заключаетъ договора, относительно котораго существуетъ сомнѣніе, дозволенъ ли онъ или недозволенъ, слѣдуетъ болѣе безопасному мнѣнію (opinio tutior); кто заключаетъ его, не смотря на это сомнѣніе, слѣдуетъ менѣе безопасному мнѣнію (opinio minus tuta);—кто заключаетъ договоръ, въ пользу котораго говорятъ болѣе сильныя основанія, чѣмъ противъ, тотъ слѣдуетъ болѣе вѣроятному мнѣнію (opinio probabilior); напротивъ, кто заключаетъ договоръ, за дозволенность котораго говорятъ болѣе слабыя основанія, чѣмъ *противъ*, слѣдуетъ менѣе вѣроятному мнѣнію (opinio minus probabilis). Въ связи съ этимъ различіемъ тирминовъ развились слѣдующія теоріи:

а) *туціоризмъ*. Я долженъ слѣдовать болѣе безопасному мнѣнію (opinio tutior) даже и тогда, когда opinio minus tuta, менѣе безопасное мнѣніе есть вѣроятнѣйшее, probabilior. Другими словами, въ случаѣ сомнѣнія относительно нравственной дозволенности дѣйствія, я долженъ воздержаться отъ него, даже если въ пользу дозволенности его оказывается болѣе основаній, чѣмъ противъ, или въ случаѣ сомнѣнія относительно обязательности дѣйствія, я долженъ исполнить это дѣйствіе, хотя бы менѣе основаній оказывалось за обязательность, чѣмъ *противъ*. Этотъ взглядъ, въ смыслѣ общаго моральнаго правила, отвергнутъ большею частію западныхъ теологовъ, какъ слишкомъ ригористическій;

б) *пробабиліоризмъ*. Болѣе безопасному мнѣнію можно слѣдовать даже и тогда, когда оно менѣе вѣроятно; менѣе безопасному мнѣнію можно слѣдовать только тогда, когда оно болѣе вѣроятно, чѣмъ противоположное;

в) *эквипробабилизмъ*. Менѣе безопасному мнѣнію можно слѣдовать не только тогда, когда оно болѣе вѣроятно, но и тогда, когда оно одинаково, наравнѣ вѣроятно съ мнѣніемъ болѣе безопаснымъ;

г) *пробабилизмъ*. Менѣе безопасному мнѣнію можно слѣдовать даже и тогда, когда оно менѣе вѣроятно.

Такимъ образомъ, слѣдуя *туціористамъ*, я не могу заключить договора, если не имѣю моральной увѣренности, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что онъ не недозволенъ, напримѣръ, не содержитъ въ себѣ нарушенія законовъ, запрещающихъ лихву, симонію и т. п. Слѣдуя *пробабиліористамъ*, я могу заключить его, если *за дозволенность* его говоритъ большее число основаній, *чѣмъ за недозволенность*. Слѣдуя *эквипробабилистамъ*, я могу заключить договоръ при наличности равнаго числа основаній въ пользу противоположныхъ мнѣній. Наконецъ, съ точки зрѣнія *пробабилистовъ*, договоръ можетъ быть заключенъ и тогда, когда могутъ быть приведены хотя немногія, хотя какія либо основанія въ пользу его дозволенности.

Естественно, что при многовѣковой казуистической обработкѣ морали (точно такъ же какъ это возможно при казуистической обработкѣ юриспруденціи) обнаруживалось большее и большее разнообразіе мнѣній по

разнымъ моральнымъ вопросамъ. Напримѣръ, вопросъ о томъ, принадлежитъ ли живопись къ работамъ, воспрещеннымъ въ воскресные и праздничные дни, нѣкоторыми былъ рѣшаемъ утвердительно, другими отрицательно. Въ краткихъ казуистическихъ сочиненіяхъ обыкновенно не вдавались въ тщательное взвѣшиваніе основаній *за* и *противъ*, ограничиваясь констатированіемъ, что вопросъ казуистами рѣшается различно, и прибавляя на всякій случай, что одинъ изъ взглядовъ отстаивается большимъ количествомъ и болѣе авторитетными авторами, чѣмъ другой, въ выводѣ же получая отсюда, что одинъ взглядъ есть probabilior, а другой—minus probabilis. Такъ, напр., *Gury* на вопросъ, дозволяется ли въ воскресный день писать или переписывать, отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: 1) писать дозволяется, ибо это дѣло не есть opus servile, а есть opus omnino liberale, такъ какъ при немъ дѣйствуетъ главнымъ образомъ умъ, — такъ всѣ разсуждаютъ; 2) что и переписывать или списывать также дозволяется, есть взглядъ болѣе вѣроятный, ибо списыванье, какъ и писанье, служитъ къ развитію ума—такъ обыкновенно рѣшается противъ Биллюарта и другихъ. На вопросъ о дозволенности въ воскресенье занятія живописью, *Gury* отвѣчаетъ: вопросъ этотъ нѣкоторыми (при чемъ перечисляются имена) рѣшается утвердительно, другими (также слѣдуютъ имена) отрицательно; св. Альфонсъ Лигвори (о немъ будетъ рѣчь ниже) оба взгляда считаетъ probabiles. При такой методѣ въ обработкѣ моральныхъ вопросовъ такъ называемая внѣшняя вѣроятность (probabilitas extrinseca) должна выступать на первый планъ, и многіе пробабилисты прямо учили: можно, не взвѣшивая основаній *за* и *противъ* по существу, и не составляя по себѣ собственнаго убѣжденія въ дозволенности или недозволенности дѣйствія, дѣйствовать сообразно съ тѣмъ мнѣніемъ, которое считается за правильное со стороны признанныхъ авторитетовъ и поэтому есть мнѣніе вѣроятное, даже и въ такомъ случаѣ, когда мы сами въ правильности даннаго мнѣнія не убѣждены, или когда противоположный взглядъ нашему собственному сознанію представляется болѣе основательнымъ. При разъясненіи, затѣмъ, понятія «probabilitas extrinseca», многіе заходили такъ далеко, что говорили: *всякое мнѣніе вѣроятно*, и такимъ образомъ въ практикѣ можно слѣдовать всякому мнѣнію, которое высказывается нѣсколькими авторами, или даже однимъ, хотя бы всѣ другіе авторы оспаривали его, если только оно не осуждено явственно церковью. *Caramuel* училъ: если относительно извѣстнаго пункта трактуетъ только одинъ авторитетный писатель, то рѣшеніе его по данному вопросу можетъ быть принято въ руководство, какъ морально безопасное; если данный пунктъ трактуется также и другими авторитетными писателями, и первый прямо оспаривается послѣднимъ, то взглядъ его перестаетъ быть несомнѣннымъ и становится вѣроятнымъ, равно вѣроятнымъ, или менѣе вѣроятнымъ, смотря по большему или меньшему количеству противниковъ — *невѣроятнымъ* онъ становится только тогда, когда отвергается всѣми.

Надобно замѣтить, что въ XVII и XVIII столѣтіяхъ казуистика была усердно воздѣлываема и протестантскими теологами, каковы, напр., Вильгельмъ Амезіусъ, Балдуинъ, Буддей; но протестантская обработка казуистики во многихъ отношеніяхъ, немаловажныхъ, различается отъ католической. Разница не только въ томъ, что протестантскіе казуисты не признавали руководящими для себя постановленій соборовъ и папъ, ученій схоластиковъ и позднѣйшихъ теологовъ и канонистовъ, но и въ томъ, что протестанты не такъ ударялись въ подробности, какъ католики, не дѣлали такого механическаго различія между смертными и простительными грѣхами, какъ католическіе казуисты, пробабилизмъ допускали только отчасти, а такъ называемую внѣшнюю вѣроятность, probabilitas extrinseca, и вовсе не допускали. Такъ, напр., Балдуинъ разсуждалъ такимъ образомъ: въ случаѣ сомнѣнія, слѣдуетъ выбирать болѣе безопасное, однако если opinio minus tuta есть probabilior et communis, можно слѣдовать и этому послѣднему; болѣе вѣроятное мнѣніе должно быть предпочитаемо обыкновенному; мнѣніе, которое защищается большинствомъ, не есть еще, по этой самой причинѣ только, болѣе вѣроятное. Амезіусъ училъ: при всякомъ сомнѣніи должно стараться добросовѣстно о томъ, чтобы достигнуть увѣренности; во многихъ вещахъ можно слѣдовать вѣроятнѣйшему мнѣнію, но никогда не въ противорѣчіе съ собственнымъ; никто не можетъ имѣть двухъ противоположныхъ вѣроятныхъ мнѣній по одному и тому же вопросу, такъ чтобы онъ могъ слѣдовать тому или другому. Протестантъ Готгольдъ писалъ: если кто либо при помощи св. Писанія или благодаря свѣту природы, можетъ достигнуть увѣренности, то онъ не можетъ слѣдовать вѣроятному мнѣнію. Авторитетъ теологовъ не принимается во вниманіе, если онъ не согласуется съ естественнымъ или съ положительнымъ закономъ Божіимъ; въ важныхъ вещахъ, если аподиктическая увѣренность недостижима, менѣе вѣроятному мнѣнію должно быть предпочитаемо болѣе вѣроятное, болѣе вѣроятному болѣе безопасное; въ вещахъ маловажныхъ можно изъ двухъ вѣроятныхъ мнѣній выбрать и менѣе вѣроятное.

Первымъ представителемъ пробабилизма въ католической церковной литературѣ былъ доминиканецъ Ваѳоломей де Медина, разсуждавшій въ 1577 г., что, при наличности вѣроятнаго мнѣнія, можно слѣдовать ему, хотя бы противоположное мнѣніе представлялось болѣе вѣроятнымъ (si est opinio probabilis, licitum est eam sequi, licet opposita sit probabilior). Первымъ же изъ іезуитовъ, защищавшихъ взглядъ пробабилистовъ въ самомъ концѣ XVI столѣтія, былъ *Vasquez*. Вскорѣ пробабилизмъ сдѣлался господствующимъ ученіемъ и притомъ какъ бы специфическимъ ученіемъ іезуитскаго ордена. Въ первой половинѣ XVII в. это ученіе господствовало не только въ Испаніи, которую Деллингеръ называетъ классическою страною пробабилизма, но и въ Италіи и въ Германіи; даже во Франціи, гдѣ оно укоренилось всего менѣе, нѣкоторые теологи того времени были пробабилисты или склонны къ пробабилизму. Изъ

тѣхъ, которые развили систему пробабилизма до ея худшихъ выводовъ, могутъ быть названы: *Sanchez*, *Hurtado*, *Caramuel*, *Diana* и др. Около половины XVII в. получилъ, благодаря Паскалю, печальную извѣстность, какъ представитель пробабилизма, испанскій іезуитъ Антонъ Эскобаръ, моральное ученіе котораго Паскаль выставилъ во всей наготѣ его безобразія. Пробабилизмъ въ теченіе 40 лѣтъ былъ настолько господствующею теоріей въ теологіи, что пробабилисты стали ссылаться на этотъ «consensus ecclesiae», какъ на аргументъ правильности ученія, а съ другой стороны, протестантскіе полемисты въ томъ фактѣ,—что столь превратное ученіе, какъ пробабилизмъ, сдѣлалось господствующимъ въ католической церкви, усматривали ясное доказательство неистинности католицизма. Даже многіе католическіе теологи, не раздѣлявшіе заблужденія, задавались вопросомъ, какимъ образомъ фактъ долговременнаго господства въ церкви подобныхъ заблужденій примирить съ тѣмъ ученіемъ, что церковь состоитъ подъ руководствомъ Св. Духа и есть столпъ и утвержденіе истины. Одинъ левенскій профессоръ въ Бельгіи (Opstraet) удачно примѣнилъ слова извѣстнаго отца церкви Іеронима, сказанныя этимъ послѣднимъ относительно времени, послѣдовавшаго за никейскимъ соборомъ: «totus orbis se esse *arianum* miratus est», къ своему времени такимъ образомъ: «католическое христіанство съ удивленіемъ увидѣло, что оно сдѣлалось пробабилистическимъ». Что вначалѣ второй половины XVII в. пробабилизмъ пересталъ быть господствующимъ ученіемъ (что, впрочемъ, не относится къ ордену іезуитовъ,—объ этомъ послѣ),—таковую перемѣну въ положеніи дѣлъ Деллингеръ ставитъ болѣе всего въ заслугу Паскалю. Когда іезуиты стали обвинять антипробабилистовъ въ янсенизмѣ, такъ какъ Паскаль былъ янсенистъ, и іезуитамъ было выгодно отожествить противниковъ пробабилизма съ янсенистами, т. е. съ еретиками, французское духовенство демонстративно высказалось противъ распущенной морали пробабилистовъ. Одинъ епископъ назвалъ даже въ своемъ посланіи пробабилизмъ изобрѣтеніемъ отца лжи. Въ Бельгіи, по иниціативѣ архіепископа мехельнскаго, было осуждено нѣсколько положеній іезуитской морали, и надобно полагать, что эти положенія были главнымъ поводомъ къ тому, что и папы въ Римѣ выступили противъ пробабилизма. Въ 1656 г. Александръ VII предписалъ созваніе генеральнаго капитула всѣхъ, собравшихся въ Римѣ, доминиканцевъ, для противодѣйствія соблазнительнымъ новымъ мнѣніямъ въ морали. Папа намѣревался издать буллу противъ пробабилизма, но отвлеченъ былъ отъ этой мысли іезуитомъ кардиналомъ Паллавичини и ограничился осужденіемъ 45 тезисовъ (въ 1665—1666 г.). Иннокентій XI въ 1679 г. осудилъ еще 65 положеній іезуитской морали.

Извѣстно, что янсенизмъ былъ реакціей тому ослабленію христіанской нравственности какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ, къ которому приводилъ пробабилизмъ, и былъ глашатаемъ строжайшихъ принциповъ морали. Однако должно имѣть въ виду, что противоположность между

распущенною и строгою моралью не совпадала съ противоположностію между пробабилизмомъ и антипробабилизмомъ. Сюда присоединилось еще различіе въ отношеніи духовниковъ къ ихъ духовнымъ дѣтямъ въ исповѣдной практикѣ: въ этой области противники называли другъ друга ригористами и бенигнистами. Бенигнисты, наприм., считали возможнымъ давать абсолюцію исповѣдавшимъ только половину грѣховъ, въ случаѣ чрезвычайнаго стеченія исповѣдающихся, какъ то въ святыхъ мѣстахъ, куда собирается масса народа, на великій праздникъ и т. п. Затѣмъ обсуживаемы были неодинаково рецидивисты, однажды или уже нѣсколько разъ впадавшіе въ тотъ грѣхъ, который ими исповѣдается,—далѣе привычные (consuetudinarii), для которыхъ извѣстный грѣхъ обратился въ привычку, а также такія лица, для которыхъ существующія отношенія или обстоятельства всегда суть occasio proxima къ грѣху, ближайшій поводъ къ тому же самому грѣхопаденію, которое служитъ предметомъ исповѣди. Болѣе строгіе не считали рецидивистовъ и привычныхъ достаточно расположенными къ принятію абсолюціи, если не пріобрѣтали для себя увѣренности въ томъ, что намѣреніе исповѣдающихся избѣгать грѣха есть намѣреніе дѣйствительное и серьезное, а жившимъ въ ближайшемъ поводѣ къ грѣху отказывали въ абсолюціи до тѣхъ поръ, пока они не устраняли этого повода, или, по крайней мѣрѣ, пока не заявляли рѣшимости къ устраненію. Бенигнисты, напротивъ, даже и тогда считали возможнымъ удовольствоваться простымъ обѣщаніемъ перемѣны жизни, или стойкости при соблазнѣ, когда опытъ давалъ право усомниться въ искренности или въ надежности подобнаго обѣщанія. Между тѣмъ какъ ригористы считали себя въ правѣ или обязанными по обстоятельствамъ откладывать абсолюцію, если не отказывать въ ней совсѣмъ, бенигнисты абсольвировали, какъ кратко выражались въ то время, *toties quoties*, т. е. всякій разъ, какъ совершалась передъ ними исповѣдь. До чего доходила распущенность въ этомъ отношеніи многихъ казуистовъ, показываютъ слѣдующія, осужденныя Иннокентіемъ XI положенія: «56. Частая исповѣдь и причащеніе даже у людей, ведущихъ языческую жизнь, есть знакъ предопредѣленія къ вѣчному блаженству. 58. Мы не обязаны, если духовникъ спрашиваетъ, обратился ли нашъ грѣхъ въ привычку, признаваться въ томъ. 60. Исповѣдающемуся, который имѣетъ привычку грѣшить противъ закона Божіяго, природы или церкви, хотя бы не видно было никакой надежды на исправленіе, не слѣдуетъ ни отказывать въ абсолюціи, ни откладывать ея, если онъ только устами произноситъ (ore profert), что раскаявается и намѣренъ исправиться. 61. Абсолюція можетъ быть дана и тому, кто живетъ въ ближайшемъ поводѣ къ грѣху, и не только не можетъ или не желаетъ устранить этого повода, но прямо и намѣренно выискиваетъ его. 62. Ближайшаго повода къ грѣху не слѣдуетъ избѣгать, когда существуетъ какое либо полезное или приличное основаніе (causa aliquis utilis et honesta) не избѣгать его». Наконецъ упоминанія заслуживаетъ и еще одна контроверса между защитниками

строгихъ моральныхъ принциповъ (какъ янсенистами, такъ и правовѣрными католиками, не впадавшими въ мистическія крайности янсенизма) и представителями слабой морали (*лаксистами* въ обширномъ смыслѣ, отъ слова: *laxus*, въ міровоззрѣніи которыхъ пробабилизмъ составлялъ лишь одинъ изъ составныхъ элементовъ). Контроверса касается сокрушенія сердца при исповѣди. Мотивомъ скорби грѣшника объ учиненномъ грѣхѣ, по ученію теологовъ, можетъ быть или любовь къ Богу, какъ къ высшему благу, какъ къ совокупности всѣхъ совершенствъ, отъ котораго грѣшникъ чувствуетъ себя удаленнымъ своими грѣхами, или страхъ геенны. Упомянутая контроверса состояла въ томъ, достаточно ли для сакраментальной абсолюціи сокрушенія сердца, мотивируемаго рабскимъ страхомъ наказанія (*attritio* formidolosa, servilis), или къ этому должно присоединяться истинное сокрушеніе сердца, мотивируемое любовью къ Богу (contritio). Такимъ образомъ, явилось различіе между аттриціонистами и контриціонистами. Іезуиты были завзятыми защитниками аттриціонизма: оспариваніе его, какъ и оспариваніе пробабилизма, они клеймили какъ янсенистскую ересь. Преданность ихъ своему ученію была настолько велика, что они, всегда бывшіе ультра-ультрамонтанами, не колебались даже измѣнить ультрамонтанскимъ принципамъ, какъ скоро римская церковная власть принимала непріятное для нихъ рѣшеніе. По поводу осужденія Александромъ VII и Иннокентіемъ XI болѣе чѣмъ ста положеній распущенной морали, многіе іезуиты ставили вопросъ, должны ли быть декреты папы противъ этихъ положеній разсматриваемы какъ рѣшенія *ex cathedra*, т. е. какъ непогрѣшимыя рѣшенія главы католической церкви, и разрѣшали его такимъ образомъ: папа, когда онъ предписываетъ конгрегаціи инквизицій (congreg. inquisitionis) осудить извѣстное ученіе, съ публикаціей отъ его имени (какъ ясно и было въ данномъ случаѣ), дѣйствуетъ не какъ глава церкви, а какъ предсѣдатель инквизиціи. А одинъ іезуитъ разсуждалъ даже такимъ образомъ: не существуетъ въ мірѣ власти, которая могла бы осудить мнѣніе вѣроятное; если инквизиціей или папой осуждаются таковыя вѣроятныя мнѣнія, то осуждаются только *pro foro externo*, для внѣшняго церковнаго порядка и для внѣшняго церковнаго суда, напротивъ, *quoad forum internum*, т. е. для внутренняго суда, для совѣсти человѣка, остаются нисколько не менѣе вѣроятными. Въ нѣкоторыхъ комментаріяхъ, составленныхъ съ цѣлію установить точный смыслъ и объемъ папскаго осужденія, послѣднее, благодаря искуснымъ усиліямъ комментаторовъ, становилось совершенно призрачнымъ. Въ примѣръ можетъ быть приведено мѣсто изъ сочиненія іезуита Карденаса о 26—28 въ спискѣ тезисовъ, осужденныхъ Иннокентіемъ XI. Тезисы относятся къ такъ называемымъ амфибологіямъ, т. е. двусмысленнымъ словомъ, имѣющимъ двоякій смыслъ, и къ мысленнымъ, про себя лишь подразумѣваемымъ оговоркамъ и ограниченіямъ (reservatio et restrictio mentalis). Изъ сочиненія Карденаса видно, что практика подразумѣваемыхъ ограниченій сдѣ-

лалась настолько обычна въ Испаніи, что, тотчасъ же какъ сдѣлалось извѣстно ихъ осужденіе, вѣрующіе католики, тревожимые сомнѣніями совѣсти, спѣшили къ ученымъ мужамъ просить у нихъ совѣта насчетъ того, какимъ образомъ скрыть нѣчто такое, въ чемъ невозможно бы было признаться. Карденасъ приводитъ такой случай. Одна знатная женщина совершила прелюбодѣяніе; мужъ подозрѣваетъ ее и, съ кинжаломъ въ рукѣ, требуетъ объявить подъ клятвою, нарушила ли она бракъ, съ угрозой убить ее тотчасъ же, если окажется, что она нарушила. Что тутъ дѣлать? Или лжеприсяга, или смерть! Авторъ открываетъ нѣсколько выходовъ изъ этого затрудненія. Во первыхъ, можно сказать: я не совершала прелюбодѣянія, съ подразумѣваемой про себя при этомъ оговоркой: такъ, чтобы я должна была объявить тебѣ о томъ (ut tibi declarem). Или же, во вторыхъ, можно, безъ оговорки, прибѣгнуть къ какому нибудь двусмысленному выраженію, напримѣръ: 1) *non violavi fidem*, я не нарушала вѣрности или вѣры, такъ какъ слово «fides» употребляется въ разныхъ смыслахъ; 2) *non vulneravi honorem tuum*, я не наносила раны твоей чести, потому что нанесеніе раны есть *ictus materialis*, матеріальный или физическій ударъ, который, собственно говоря, не можетъ падать на честь; 3) если она уже исповѣдала грѣхъ и получила абсолюцію, можетъ прямо сказать, что она свободна отъ вины или невинна,—однако подъ присягой сказать этого не можетъ, ибо для простаго увѣренія достаточна вѣроятность факта (probabilitas facti), для клятвы же требуется несомнѣнная достовѣрность (certitudo), а что грѣхъ ея прощенъ Богомъ, это только вѣроятно, а не несомнѣнно достовѣрно; 4) можно наконецъ, въ виду опасности для жизни, употребить слово: прелюбодѣяніе въ метафорическомъ смыслѣ—въ томъ широкомъ смыслѣ, въ которомъ оно часто употребляется въ Библіи, — въ смыслѣ идолопоклонства, и такимъ образомъ, безъ всякой лжи, сказать, что она прелюбодѣянія (въ этомъ смыслѣ) не учиняла. — Нѣкоторые іезуиты дѣлали искусственный обходъ для того, чтобы придти къ тому же выводу, какъ и обыкновенные пробабилисты, именно что можно слѣдовать всякому вѣроятному мнѣнію, даже если бы противоположное признавалось болѣе вѣроятнымъ. Такова, напримѣръ, теорія *рефлекси́стовъ*, развитая англійскимъ іезуитомъ Терилломъ. Какъ скоро я составляю себѣ рѣшеніе, разсуждаетъ Териллъ, что либо дѣлать, или чего либо не дѣлать, я не могу, конечно, безъ дальнихъ околичностей, прямо слѣдовать взгляду, который считается мною за менѣе вѣроятный. Но я могу прибѣгнуть къ слѣдующей рефлексіи: основанія въ пользу взгляда о недозволенности извѣстнаго дѣйствія представляются мнѣ вѣскими, однако я вижу, что другіе люди, относительно которыхъ я убѣжденъ, что они обсудили вопросъ добросовѣстно, считаютъ правильнымъ противоположный взглядъ, не усматривающій въ данномъ дѣяніи нарушенія какой либо божественной заповѣди. При такихъ обстоятельствахъ возможно предположеніе, что на данный случай нѣтъ яснаго, достаточно и

должнымъ образомъ обнародованнаго, поэтому обязательнаго для исполненія закона. Отсюда слѣдуетъ, что если я рѣшаюсь на дѣяніе, то, даже и преступивъ этимъ дѣяніемъ божественную заповѣдь, я заслуживалъ бы извиненія, въ виду непреодолимаго и неустранимаго для меня невѣдѣнія закона (ignorantia invincibilis). Вотъ на основаніи этой самой рефлексіи, слѣдуя этому самому разсужденію, я и могу рѣшиться сдѣлать употребленіе изъ моей свободы, которая вѣдь, конечно, можетъ быть ограничиваема лишь ясно признанною божественною заповѣдью, т. е. могу дѣлать то, что я до этой рефлексіи хотя и не съ полнымъ убѣжденіемъ, но съ большою вѣроятностію считалъ недозволеннымъ.

Одинъ іезуитъ (не для того, чтобы осмѣять іезуитскую мораль) представляетъ примѣрный діалогъ между вѣрующимъ католикомъ и между докторомъ-казуистомъ. Богобоязненный католикъ, безъ ученаго образованія, но съ достаточнымъ здравымъ смысломъ, приглашается къ заключенію договора, который кажется ему подозрительнымъ, лихвеннымъ или симонистическимъ. Онъ размышляетъ объ этомъ, прибѣгаетъ къ совѣту докторовъ и т. п. и находитъ, что значительно большее число авторитетовъ осуждаетъ таковой договоръ, и основанія ихъ кажутся ему болѣе вѣскими, чѣмъ основанія въ пользу противнаго. Такимъ путемъ у него выработывается убѣжденіе, что данный договоръ есть договоръ лихвенный или симонистическій. Но тутъ является *benignus theologus* и вступаетъ въ слѣдующее собесѣдованіе съ католикомъ:

— «Чего ты боишься? Развѣ тебѣ неизвѣстно, что семь докторовъ защищаютъ мнѣніе, по которому договоръ не признается симонистическимъ?

— Да, я знаю, но знаю и то, что двадцать теологовъ высказываются за симонистичность договора, и основанія ихъ кажутся мнѣ болѣе солидными.

— Что за важность? Можно слѣдовать и менѣе вѣроятному мнѣнію.

— Даже и мнѣніе, которое я самъ, лично, считаю за ложное?

— Конечно. Ты опираешься въ этомъ случаѣ на вѣроятность, хотя и меньшую, но всетаки на вѣроятность противоположнаго мнѣнія.

— Какъ? Значитъ и при заключеніи договора, который мнѣ представляется симонистическимъ, я также могу опереться на такую вѣроятность?

— Несомнѣнно. Твой отрицательный взглядъ опирается на прямые принципы относительно договора, самого въ себѣ по его существу; но рядомъ съ этимъ взглядомъ существуетъ другой, вѣроятный, хотя и менѣе вѣроятный взглядъ, опирающійся на рефлексивные принципы относительно дозволенности договора.

— Я не знаю никакихъ рефлексій, и знать не желаю; я слишкомъ твердо убѣжденъ, что не могу заключить договора, мною самимъ считаемаго за симонистическій.

— Слушай, я избавлю тебя отъ всякаго скрупула. Твой отрицательный взглядъ есть вѣдь не болѣе, какъ мнѣніе (judicium opinativum), и

зависитъ отъ твоей собственной свободы,—такъ пріостанови его, воздержись отъ него, пока ты не заключилъ договора.

— Какая мнѣ польза отъ этого? Вѣдь всетаки я ясно вижу, что какъ внутреннія основанія, такъ и авторитеты въ пользу мнѣнія о симонистичности контракта перевѣшиваютъ аргументацію противуположную.

— Ну, такъ вотъ же, для полнаго своего успокоенія, отверни на нѣкоторое время свое вниманіе отъ этихъ основаній и авторитетовъ и устреми все свое вниманіе исключительно на пробабилитетъ противоположнаго мнѣнія. Что можетъ быть легче этого?»

Очень любопытнымъ образомъ трактовался іезуитскими докторами вопросъ о дуэли. Дуэль была строжайше воспрещена тридентскимъ соборомъ и потомъ буллою папы Климента VIII 1592 г. Въ 1665 г. парижская Сорбонна осудила слѣдующія положенія: можно для защиты чести принять или сдѣлать вызовъ на дуэль, если при этомъ не имѣется въ виду дѣйствительно биться; а если не существуетъ никакого другаго средства къ тому, чтобы избѣжать обезславленія, можно принять или предложить и серьезную дуэль, въ которой одинъ изъ бойцовъ убивается или ранится. Въ томъ же 1665 году папа Александръ VII осудилъ слѣдующее (подъ № 2) положеніе: дворянинъ можетъ принять вызовъ на дуэль, чтобы не навлекать на себя нареканія въ трусости. Несмотря на всѣ запрещенія и осужденія, дуэль, особенно во Франціи, сдѣлалась какою то эпидемическою болѣзнію, однимъ изъ ужасныхъ общественныхъ бѣдствій. Не выжидали оскорбленій, для того чтобы драться, а напрашивались на дуэли. Отъ трехъ до четырехъ секундантовъ сопровождало каждаго бойца, и эти секунданты равнымъ образомъ дрались съ соотвѣтствующимъ числомъ спутниковъ противника. Бывали дуэли, въ которыхъ на каждой сторонѣ билось по 10-15 человѣкъ, такъ что поединки уподоблялись малымъ сраженіямъ. При Генрихѣ IV страсть къ дуэлированію достигла своего апогея. Исчислено, что въ теченіе 18 лѣтъ погибло въ дуэляхъ 4,000 дворянъ. Генрихъ IV въ 1602 г. запретилъ, наконецъ, дуэли подъ страхомъ смертной казни, но затѣмъ помиловалъ всѣхъ виновныхъ. Въ 1609 г. онъ объявилъ, что дуэль будетъ разсматриваться какъ преступленіе противъ величества, какъ crimen majestatis, и поклялся никогда не прощать ни одного дуэллянта, при чемъ указалъ, что тотъ, кто чувствуетъ себя оскорбленнымъ, долженъ обратиться къ королю или къ маршаламъ, которые, въ случаѣ неизбѣжности поединка, сами бы и распоряжались имъ. Вскорѣ затѣмъ Генрихъ IV былъ убитъ. При преемникахъ его было не лучше. При Людовикѣ XIII, въ 10-ть лѣтъ пало на дуэляхъ 900 дворянъ. Указъ, изданный по желанію Ришелье, пригрозилъ вызывающимъ смертною казнію. Франсуа-де-Монморанси, графъ де-Бутвиль, которому уже нѣсколько разъ удавалось избѣжать наказанія за дуэль, вызвалъ въ 1627 г. маркиза де-Бевронъ и сразился съ нимъ среди бѣлаго дня на королевскомъ плацу, причемъ секундантъ перваго, графъ де-Шапель, прокололъ секунданта противника.

Бутвиль и Шапель были дѣйствительно оба казнены. При Людовикѣ XIV въ 1646 году были возобновлены пришедшіе въ забытіе эдикты; но въ 1654 г. маршалъ Грамонъ писалъ, что со времени смерти Людовика XIII, т. е. въ 10 лѣтъ, опять таки погибло на дуэляхъ 940 дворянъ. Спрашивается, какъ относились представители слабой морали и іезуиты въ особенности къ дуэлямъ? Паскаль въ седьмомъ изъ своихъ десяти провинціальныхъ писемъ приводитъ слѣдующій образчикъ іезуитскихъ принциповъ: если кто либо получитъ пощечину, то можетъ *смирить* оскорбителя *etiam cum glaudio*. съ мечемъ или шпагой въ рукахъ, хотя и безъ намѣренія отомстить. И еще: если на дуэль вызывается дворянинъ, не пользующійся репутаціею особеннаго благочестія и нравственной строгости, о которомъ поэтому могли бы предполагать, что дуэль отклоняется имъ просто изъ трусости, то онъ можетъ выступить на мѣсто сраженія, не съ абсолютнымъ намѣреніемъ дуэллировать, а съ условнымъ *защищаться* въ случаѣ, *если* сдѣлано будетъ нападеніе; его абсолютное намѣреніе въ данномъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы спасти себя отъ нареканія въ трусости, отъ насмѣшки, что онъ курица, а не мужчина (gallina et non vir); для приведенія въ исполненія этого намѣренія, онъ и выступаетъ на мѣсто боя, что само по себѣ безразлично — ни худо, ни хорошо, при означенномъ же намѣреніи позволительно; и вотъ если онъ, выступивъ на арену, подвергается нападенію, онъ можетъ защищать себя оружіемъ, такъ какъ иначе дѣйствовать тутъ нельзя; это не есть принятіе вызова на дуэль, такъ какъ здѣсь не достаетъ обдуманной и абсолютной воли на то. Одинъ іезуитъ прямо сослался, въ защиту своего ученія о дозволенности дуэли, на господствующіе обычаи: «кто не одобряетъ нашихъ отвѣтовъ, говоритъ онъ, тотъ не знаетъ господствующихъ обычаевъ, дозволяющихъ этимъ способомъ защищать свою честь». Іезуитовъ справедливо упрекали ихъ противники въ томъ, что въ ихъ казуистической морали не нравственные принципы христіанства выставляются какъ руководящая норма для нравовъ и обычаевъ, а напротивъ нравы и обычаи представляются руководящими при формулированіи нравственныхъ христіанскихъ принциповъ. Сами іезуиты очень удачно называли иногда разработываемую или моральную теологію *theologia accomodativa*, т. е. теологіею приноровительную или приспособительную къ воззрѣніямъ и нравамъ людей извѣстнаго времена и мѣста. По отношенію къ королямъ въ особенности и къ болѣе или менѣе значительнымъ лицамъ въ государствахъ, іезуиты, съ ловкостію занявшіе при нихъ мѣста духовниковъ, всегда теоретически и практически отстаивали и рекомендовали «менѣе вѣроятныя» мнѣнія, проповѣдуя необязательность для королей закона и евангелія въ государственныхъ дѣлахъ и всевозможные ихъ пороки превращая чуть не въ добродѣтели. Когда католическій міръ волновался по поводу книги генерала Гонзалеза, который, будучи генераломъ іезуитскаго ордена, хотѣлъ издать книгу, направленную противъ пробабилизма и слабой морали, въ одномъ письмѣ къ великому

герцогу тосканскому была очень мѣтно указана причина, почему іезуиты съ величайшею энергіей держались за пробабилизмъ и другіе принципы слабой морали, въ то время, когда духовенство и богословы другихъ орденовъ не сомнѣвались уже въ неправильности этихъ принциповъ: «противникамъ генерала полемика его противъ пробабилизма предствлялась гибельною для дѣятельности общества Іисуса; іезуиты состоятъ духовниками при многихъ государяхъ Европы, при многихъ князьяхъ-прелатахъ Германіи, а также при многихъ знатныхъ придворныхъ людяхъ; если бы эти захотѣли быть столь строгими, каковыми надлежало бы имъ быть по ученію генерала, то имъ пришлось бы потерять должности духовниковъ при всѣхъ дворахъ». Самъ глава ордена, говоритъ Деллингеръ въ предисловіи къ своей книгѣ, поддерживаемый и руководимый при томъ же главой церкви, римскимъ папой, предпринялъ борьбу съ перевѣшивающимъ торжествомъ своихъ подчиненныхъ и проигралъ въ этой борьбѣ. Онъ старался доставить если не господство, то, по крайней мѣрѣ, терпимость для оспаривавшейся орденомъ доктрины, но въ орденѣ были убѣждены, что власть, вліяніе и соціальное положеніе какъ отдѣльныхъ членовъ, такъ и цѣлаго ордена, неразрывно связаны съ тою теоріей, которой держался орденъ и съ соотвѣтствующею этой теоріи практикою. Раньше, когда кто либо изъ членовъ общества Іисуса находилъ соблазнительною проповѣдуемую въ этомъ обществѣ мораль, онъ подлежалъ надлежащему вразумленію отъ начальства. Такъ, напримѣръ, случилось съ французскимъ іезуитомъ *La Quintinye*, любопытное письмо котораго къ генералу ордена Оливѣ, вмѣстѣ съ отвѣтомъ Оливы, изданы въ началѣ II тома изслѣдованія Деллингера и Рейша. Французъ находилъ соблазнительными и опасными слѣдующія, проповѣдывавшіяся членами ордена, ученія: 1) что дѣлается bona fide, никогда не есть грѣхъ (quidquid fit bona fide nunquam est peccatum), т. е. если кто дѣлаетъ что либо злое, не сознавая грѣховности въ моментъ содѣянія, то онъ не грѣшитъ, откуда выводилось, что неразвитые люди, совершая отвратительнѣйшія дѣла, не грѣшатъ; 2) если кто либо слѣдуетъ мнѣнію, признанному за правильное нѣкоторыми теологами, которыхъ онъ считаетъ учеными и добросовѣстными, или даже признанному только однимъ, то онъ всегда дѣйствуетъ благоразумно, *prudenter*; какъ скоро вопросъ о грѣховности чего либо одними утверждается, другими отрицается, возможенъ выборъ; 3) духовникъ долженъ составлять рѣшеніе не по собственному убѣжденію, а по убѣжденію исповѣдующагося, если оно есть вѣроятное, т. е. опирается на взглядъ одного или нѣсколькихъ авторовъ и проч. Французскій іезуитъ получилъ отъ своего генерала чувствительный репримандъ: ревность француза, писалъ генералъ Олива, есть нѣчто доброе, но недостаточно просвѣщенное,—нужно избѣгать всякихъ отдѣльныхъ мнѣній и всякихъ контроверсъ, вѣруя и повинуясь съ чувствомъ скромности и религіозности словамъ старѣйшихъ и болѣе ученыхъ. Въ дѣлѣ Тирса Гонзалеза-де Сантала мы видимъ нѣчто совершенно иное: здѣсь не отдѣль-

ный членъ ордена заявляетъ начальству свои субъективныя недоумѣнія, а начальство ордена желаетъ провести свои взгляды, уклонявшіеся отъ взглядовъ іезуитскаго большинства. Деллингеръ весьма подробно излагаетъ это дѣло, посвятивъ ему цѣлую четверть своего обширнаго перваго тома (стр. 120 — 273). Мы, конечно, не будемъ слѣдить за всѣми перипетіями этого любопытнаго дѣла, но нѣсколько словъ будетъ не излишне сказать для характеристики пробабилизма и взглядовъ времени. Тирсъ Гонзалезъ-де-Сантала, испанецъ по происхожденію, еще будучи проповѣдникомъ при миссіи, выяснилъ для себя дурныя послѣдствія распущенной моральной теологіи и въ 1670—73 гг. составилъ книгу, въ которой не только желалъ подробно опровергнуть пробабилизмъ, но и посвященіемъ книги генералу ордена Оливѣ показать, что отожествленіе іезуитовъ съ пробабилистами есть нареканіе на орденъ, что пробабилизмъ никогда не былъ общепризнанною и оффиціальною въ орденѣ доктриною. Генералъ поручилъ разсмотрѣніе книги пяти ревизорамъ, которые не нашли возможнымъ напечатаніе ея въ виду слѣдующихъ невѣрныхъ, по ихъ мнѣнію, положеній: 1) никто не можетъ поступать по менѣе вѣроятному мнѣнію, оставляя въ сторонѣ болѣе безопасное и болѣе вѣроятное, даже если это послѣднее есть не очевидно вѣроятнѣйшее (evidenter probabilior), а только имъ самимъ считается за вѣроятнѣйшее; 2) изъ двухъ равно вѣроятныхъ мнѣній нужно всегда выбирать болѣе безопасное; 3) духовникъ не можетъ абсольвировать противъ своего собственнаго убѣжденія, по убѣжденію самого исповѣдавшаго вѣроятному или болѣе вѣроятному; 4) если у кого либо спрашиваютъ совѣта, то онъ долженъ всегда отвѣчать сообразно съ тѣмъ мнѣніемъ, которое имъ самимъ считается за болѣе вѣроятное, а не съ менѣе безопаснымъ мнѣніемъ, которое другими считается за высшей степени вѣроятное; 5) не пробабилитетъ, а истина или твердое моральное убѣжденіе есть настоящее нравственное правило; 6) объективной истины недостаточно, т. е. требуется еще наличность субъективнаго убѣжденія. Когда въ 1679 г. папа Иннокентій XII осудилъ 65 положеній слабой морали, и декретъ инквизиціи по этому предмету былъ обнародованъ въ Испаніи, кто то сообщилъ папскому нунцію въ Мадридѣ, что одинъ профессоръ въ Саламанкѣ, по имени Гонзалезъ, еще за нѣсколько лѣтъ раньше писалъ противъ осужденныхъ папой положеній. Нунцій сообщилъ объ этомъ въ Римъ, туда былъ вытребованъ списокъ съ сочиненія Гонзалеза и одобренъ папой съ похвалой автору. Папа приказалъ ему свободно и неустрашимо проповѣдывать, учить и защищать перомъ *пробабиліоризмъ* (opinionem magis probabilem) и рѣшительно оспаривать взглядъ, что дозволяется слѣдовать менѣе вѣроятному мнѣнію, даже если противоположное признано болѣе вѣроятнымъ. Іезуитскому генералу поставлено на видъ никоимъ образомъ не дозволять отцамъ общества писать въ пользу менѣе вѣроятнаго мнѣнія и оспаривать взглядъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что не дозволяется слѣдовать менѣе вѣроятному мнѣнію, если противоположное признается болѣе вѣ-

роятнымъ, а также выражено желаніе папы, чтобы во всѣхъ университетахъ писали въ пользу пробабиліоризма. Іезуитскій генералъ не повиновался. Папа, кромѣ того, выразилъ желаніе, чтобы сочиненіе Гонзалеза было напечатано, но по статутамъ ордена ни одинъ членъ его не могъ печатать что либо безъ разрѣшенія начальника, а начальникъ разрѣшенія не давалъ. Конфликтъ между Гонзалезомъ и орденомъ обнаружился еще сильнѣе, когда по смерти генерала Оливы и преемника его, очень не долго управлявшаго, Шарля дэ-Ноэля, по желанію папы, самъ Гонзалезъ былъ выбранъ въ генералы ордена. Повидимому, тутъ то и открывалась для отца, достигшаго власти, полная возможность провести желательное для него дѣло. Оказалось не то. Генералъ, какъ и каждый членъ, долженъ былъ подлежать, въ качествѣ автора, орденской цензурѣ, и вмѣсто разрѣшенія печатанія, поднятъ былъ вопросъ о низложеніи недостойнаго генерала, нарушающаго орденскія правила. Результатъ многолѣтней борьбы, къ участію въ которой привлечены были даже королевскія правительства Франціи и Испаніи, былъ очень скроменъ. Книга Гонзалеза явилась въ 1694 г. въ печати въ столь измѣненномъ противъ первоначальнаго видѣ, что многихъ привела въ недоумѣніе послѣ всего того шума, который она возбудила. Такъ, напримѣръ, Лашезъ, духовникъ французскаго короля, открыто заявилъ, что онъ обманулся въ ожиданіяхъ, такъ какъ во Франціи всегда поддерживалась большая моральная строгость, чѣмъ какая требуется по этой книгѣ. Во Франціи въ самомъ дѣлѣ рѣдко случалось, чтобы принципы ослабленной морали торжествовали рѣшительную побѣду надъ строгими принципами. Это было, напримѣръ, при кардиналѣ Ришелье, который заставилъ Сорбонну осудить нѣсколько положеній, въ томъ числѣ слѣдующее положеніе: «необходимо истинное сокрушеніе (contritio), проитекающее изъ совершенной любви, а не изъ рабскаго страха». Кардиналъ былъ аттриціонистъ и старался доставить торжество аттриціонизму какъ потому, что онъ самъ, въ качествѣ богослова, высказался въ пользу аттриціи, и не считалъ возможнымъ допустить, чтобы въ какой либо, печатаемой въ Парижѣ, книгѣ излагалось ученіе противоположное, такъ и потому, что находилъ аттриціонизмъ болѣе успокоительнымъ для своей совѣсти, болѣе же всего потому, что человѣкъ, боровшійся съ нимъ за вліяніе на короля Людовика XIII и на ходъ политики, королевскій духовникъ Коссенъ (Caussin), былъ, не въ примѣръ другимъ королевскимъ духовникамъ того времени, контриціонистомъ. Ришелье достигъ того, что духовникъ былъ изгнанъ, и для того, чтобы сдѣлать невозможнымъ его возвращеніе, знаменитый кардиналъ считалъ целесообразнымъ средствомъ предписать Сорбоннѣ торжественное осужденіе мнѣній изгнаннаго духовника. Но и тутъ, несмотря на сильное давленіе со стороны Ришелье, аттриціонизмъ былъ признанъ въ Сорбоннѣ только 55-ю голосами противъ 38. Позднѣе и этого не случалось. Assemblée du clergé de France 1700 г., кромѣ того, что отвергла отдѣльныя положенія слабой морали (сверхъ осужденныхъ двумя папами многія

другія), но и принципіально осудила пробабилизмъ и атттриціонизмъ казуистовъ, хотя дѣло и не безъ труда обошлось. Боссюэту удалось привлечь на свою сторону г-жу Ментенонъ, черезъ которую король далъ дозволеніе собранію духовенства приступить къ сужденію о казуистахъ— представителяхъ распущенной морали, съ условіемъ не называть ни одного автора по имени. По ироническому замѣчанію Деллингера, король, вѣроятно, не понялъ вопроса объ аттриціи, по своему полному невѣжеству въ религіозныхъ дѣлахъ, иначе онъ навѣрное не позволилъ бы торжественно осудить доктрину, опираясь на которую его духовники постоянно давали ему абсолюцію. Изъ сочиненія Мабильона (*Mabillon*, Traité des études monastiques) можно заключить, какъ относилось французское духовенство вообще къ распущенной казуистикѣ. «Одно изъ худшихъ примѣненій, которое сдѣлали изъ схоластики, говоритъ Мабильонъ, это — развитіе казуистики. Въ мораль внесено такъ много субтильностей, что отъ резонированія часто совсѣмъ теряли разумъ; къ сожалѣнію, оказалось, какимъ образомъ мораль язычниковъ посрамила нѣкоторыхъ казуистовъ... Съ тѣхъ поръ какъ позволили себѣ резонировать о грѣхахъ людей по собственному усмотрѣнію, безъ уваженія къ правиламъ церкви, явилось такъ много распущенныхъ мнѣній, что почти не существуетъ уже ни одного преступленія, въ пользу котораго не нашлось бы извиненій. Изученіе казуистовъ отнюдь не можетъ служить хорошей школой или хорошимъ средствомъ къ усвоенію христіанскаго нравственнаго ученія. Нѣтъ ничего болѣе опаснаго, какъ читать всѣхъ казуистовъ безъ разбора: тутъ могутъ испортить умъ и сердце, если не съумѣютъ различить хорошихъ отъ дурныхъ. Гораздо полезнѣе читать книги Цицерона De officiis, чѣмъ изучать нѣкоторыхъ казуистовъ. Можно ли найти у казуистовъ лучшее правило на счетъ пробабилитета, чѣмъ у Цицерона, что должно остерегаться всего, на счетъ чего есть сомнѣніе, право оно или неправо? Aequitas enim lucet ipsa per se, говоритъ онъ (de offic. I, 30), dubitatio autem cogitationem significat injuriae. Какъ много казусовъ совѣсти могло бы быть рѣшено по этому принципу, если бы христіане захотѣли слѣдовать ему».

Справедливость требуетъ сказать, что не въ одной только Франціи раздавались голоса противъ распущенной морали. Случалось, что не только отдѣльныя лица, но цѣлые ордена, какъ, напр., орденъ доминиканцевъ, отстаивали пробабиліоризмъ въ оппозицію іезуитамъ-пробабилистамъ. Одинъ доминиканецъ не дурно назвалъ пробабилизмъ искусствомъ шутить съ Богомъ (ars cum Deo cavillandi). Капуцинъ Антоніо Казини сравнивалъ казуистовъ съ софистами древности, которые учили не жить, а диспутировать, не сердце образовывать, а изощрять разсудокъ. Чрезвычайно рѣзкій отзывъ о казуистахъ-теологахъ сдѣланъ былъ итальянскимъ прелатомъ Лодовико Сергарди, который положительно совѣтуетъ мальчикамъ и неиспорченнымъ молодымъ людямъ не дотрогиваться до «theologia quam moralem vocant», ибо изъ нея можно узнать то, чего не услы-

пишь отъ самой безстыдной проститутки. «Какія безобразія, какія непристойности не излагаются со всею откровенностію въ книгахъ моральныхъ авторовъ, говоритъ Сергарди! Какой вертепъ, какой люпанаръ найдешь во всей Субурѣ (улица въ Римѣ съ извѣстной репутаціей), который бы не оказался скромнымъ въ сравненіи съ этими кодексами? И я самъ, который былъ главаремъ потерянныхъ молодыхъ людей и позорилъ мою юность грязнымъ развратомъ, признаюсь, не разъ краснѣлъ, читая Sanchez'а и больше гадости почерпнулъ изъ его писаній, чѣмъ могъ научиться отъ какой либо развратнѣйшей проститутки. Профессоръ любовной науки Назонъ, безстыдникъ Горацій и сластолюбецъ Тибуллъ, по сравненію съ этимъ авторомъ, покажутся годными для чтенія начинающихъ воспитаніе молодыхъ дѣвицъ; въ нихъ, по крайней мѣрѣ, изяществомъ рѣчи прикрывается гнусность сюжета; здѣсь же бѣснуются грубая невоздержность, откровенная наглость и неприкрытое неистовство. Но къ чему говорить объ одномъ *Sanchez'ѣ*? Bossius, Leander, Bonacina, Fermosinus, Pontius, Diana и прочіе моральные теологи настолько повредили добрую нравственность, что отъ нихъ погибло болѣе людей, чѣмъ отъ нѣжностей Амариллиса или отъ вздоховъ умирающаго Адониса. Не столько изображеній Венеры оттиснула на монетахъ Сафо, сколько начертали ихъ упомянутые авторы на страницахъ своихъ сочиненій, какъ будто бы не существовало никакого другаго достойнаго моральной теологіи матеріала, кромѣ зазорныхъ деталей похоти... Скажутъ, что это предназначается для духовниковъ, а не для чтенія дается въ наученіе читающему. Но какъ будто раньше нынѣшняго (т. е. XVII) столѣтія, въ которое родился столь грязный родъ литературы, не бывало ни одного исповѣдающагося, ни одного духовника и ни одного похотливаго пожеланія. Супружескіе союзы, какъ надо полагать, существовали и прежде, точно такъ же какъ существовалъ геній брачнаго ложа, не позволяющій себя оскорблять воспрещеннымъ сожитіемъ: почему же въ наше только время явились эти профессора, преподающіе намъ правило о произведеніи потомства, регулирующіе поцѣлуи и обставляющіе извѣстными границами супружескія объятія (fuerant et antea, ut arbitror, conjugia thalamique genius vetito concubitu non violandus; quare ergo nostra solum aetate ab istis praeceptoribus traditur canon procreandi sobolem, oscula diriguntur et amplexus maritales certis liminibus coërcentur)? Приведенное мѣсто изъ письма итальянскаго прелата, свидѣтельствуя объ осужденіи самими католиками извращенной морали казуистовъ, важно для насъ потому, что вноситъ еще одинъ, не лишенный характерности, признакъ въ составившееся уже у насъ, на основаніи всего вышесказаннаго, понятіе о «слабой морали» пробабилистовъ: у многихъ іезуитовъ обработка моральной казуистики носитъ одностороннепорнографическій характеръ, такъ какъ направлена на разборъ всевозможныхъ мыслимыхъ казусовъ, оскорбляющимъ чувство цѣломудрія.

Борьба противъ пробабилизма и распущенной морали вообще продол-

жалась въ католической церкви въ теченіе всего XVIII столѣтія, причемъ то Франція, то Италія становилась главнымъ театромъ войны, и существенно способствовали уничтоженію ордена. Было время, говорится въ предисловіи къ разсматриваемой нами книгѣ, когда многіе надѣялись, что и та система, твердѣйшею опорою для которой служило общество Іисуса, навсегда исчезнетъ изъ церкви, вслѣдъ за чѣмъ будутъ произведены серьезныя, глубокія реформы въ церковной дисциплинѣ. Это былъ обманъ: вмѣстѣ съ орденомъ, воскресла къ новой, сильной жизни и его любимая доктрина; мало этого—она получила даже большій блескъ сравнительно съ прежнимъ. Дѣло въ томъ, что папа Пій IX канонизовалъ и провозгласилъ учителемъ церкви (doctor ecclesiae) Альфонса де-Лигвори (род. въ концѣ XVII, умеръ въ концѣ XVIII вѣка), ученика и духовнаго наслѣдника іезуитовъ, какъ выражается о немъ Деллингеръ, посвящающій разсмотрѣнію жизни, содержанія сочиненій и процесса канонизаціи Альфонса почти такую же значительную часть своего перваго тома, какая посвящена извѣстному уже намъ дѣлу Гонзалеза (стр. 356—476). Лигвори, первый изъ казуистовъ, былъ канонизованъ, и іезуиты не безъ основанія говорили, что въ лицѣ его Богъ воздвигъ новаго борца въ пользу пробабилизма, въ то время, когда общество Іисуса было уничтожено, и обезпечилъ ему въ будущемъ такой тріумфъ, на который, по обыкновенному человѣческому предвидѣнію, не возможно было и разсчитывать. Въ самомъ дѣлѣ, хотя Альфонса де-Лигвори нельзя назвать въ строгомъ смыслѣ пробабилистомъ, и самъ Деллингеръ, который вообще относится къ нему съ величайшею непріязнію, называетъ его только эквипробабилистомъ, несомнѣнно, что какъ по характеру міровоззрѣнія, такъ и по пріемамъ разработки моральныхъ вопросовъ, названный писатель всего ближе примыкаетъ къ казуистической морали іезуитовъ. Достаточно привести нѣкоторыя разсужденія и казусы Альфонса, для того, чтобы познакомиться и съ его міровоззрѣніемъ, и съ его пріемами. Онъ отрицалъ свою солидарность съ іезуитскимъ пробабилизмомъ и говорилъ слѣдующее: 1) если мнѣніе, благопріятствующее закону, т. е. указывающее не необходимость соблюденія закона (то, что на языкѣ теологовъ называлось, какъ указано выше, opinio tutior, мнѣніе болѣе безопасное), представляется намъ болѣе вѣроятнымъ, мы должны слѣдовать ему, а не менѣе вѣроятному мнѣнію; 2) если мнѣніе, благопріятное свободѣ (а не закону), столько же вѣроятно, какъ и благопріятное закону мнѣніе, мы не непремѣнно должны слѣдовать первому только потому, что оно вѣроятно, ибо для того, чтобы дѣйствовать дозволеннымъ образомъ, недостаточно простой вѣроятности мнѣнія, а требуется еще моральная увѣренность въ дозволенности дѣйствія,—такимъ образомъ не только не дозволяется слѣдовать мнѣнію, благопріятному свободѣ, когда оно менѣе вѣроятно, но даже и тогда, когда оно болѣе вѣроятно, закону же благопріятное мнѣніе также, хотя и менѣе, вѣроятно, ибо даже и въ этомъ случаѣ недостаетъ моральной увѣренности, которая необходима для устра-

ненія сомнѣнія; 3) но если свободѣ благопріятное мнѣніе столько же вѣроятно, какъ мнѣніе, благопріятное закону, то возникаетъ справедливое сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли существуетъ законъ, воспрещающій данное дѣяніе,—хотя бы онъ и существовалъ на самомъ дѣлѣ, онъ можетъ быть разсматриваемъ какъ недостаточно ясно обнародованный, не обнародованный же законъ не можетъ порождать несомнѣннаго обязательства къ исполненію его. Пріемы Альфонса де-Лигвори въ обсужденіи разныхъ casus conscientiae можно видѣть изъ нѣсколькихъ примѣровъ. Казуистъ считаетъ дозволеннымъ употребленіе двусмысленныхъ словъ, какъ скоро извѣстное выраженіе, кромѣ обыкновеннаго смысла, имѣетъ еше другой, менѣе обыкновенный. Такъ благочестивый человѣкъ можетъ сказать, что утонченныя кушанья вредны для него, т. е. въ отношеніи къ умерщвленію плоти, или находясь въ тяжкой болѣзни, говорить, что онъ здоровъ, т. е. духовно (se bene valere quoad robur spiritus). Если кого спрашиваютъ о чемъ либо подлежащемъ тайнѣ, спрашиваемый можетъ отвѣчать: «говорю нѣтъ» (dico non), т. е. произношу слово: «нѣтъ», что вовсе не значитъ, чтобы онъ давалъ отрицательный отвѣтъ на предложенный вопросъ. Обвиняемый или свидѣтель, который незаконно подвергнутъ допросу со стороны судьи, можетъ присягнуть въ томъ, что ничего не знаетъ о преступленіи, о которомъ онъ на самомъ дѣлѣ что нибудь знаетъ, подразумѣвая при этомъ: «я не знаю ничего такого, что обязанъ бы былъ показать по закону». Или можно, даже и сдѣлавъ уже вѣрное показаніе на прямо поставленный вопросъ, поправить испорченное правдивымъ показаніемъ дѣло такимъ дополнительнымъ заявленіемъ: «me l'ho cavato dal capo (ex capite meo hoc erui)», т. е. все это взялъ или выдумалъ изъ своей головы, ибо вѣдь всѣ слова проистекаютъ изъ головы, т. е. изъ умственной дѣятельности человѣка, какъ правдивыя, такъ и фальшивыя. Кто получилъ что либо въ ссуду, но уже полученное возвратилъ, можетъ сказать, что онъ ничего не получалъ въ ссуду, подразумѣвая: «такъ, чтобы я долженъ былъ возвратить». Дѣвица, которую неосновательно считаютъ богатою, знатною или цѣломудренною, не должна, конечно, обманывать жениха или ухаживателя, выдавая себя за свободную отъ противоположныхъ недостатковъ, но, съ другой стороны, не только не обязана открывать ему эти недостатки, но и, бывъ спрошена, можетъ утаить ихъ при помощи двусмысленныхъ отвѣтовъ, ибо она въ этомъ случаѣ не лжетъ, а скрываетъ лишь неизвѣстный недостатокъ. Основанія для этого суть: 1) обычаемъ признано, что никто не обязанъ открывать подобные недостатки, 2) никто не обязанъ сознаваться въ недостаткѣ къ собственному своему стыду, если при этомъ онъ не нарушаетъ правъ другаго лица. Невѣста, находившаяся въ связи съ другимъ, если ее спрашиваетъ женихъ, можетъ отрицать связь, отвѣчая, что она дѣвства не потеряла, и подразумѣвая при этомъ: «по общему предположенію», или «такъ, чтобы я вынуждена была въ этомъ признаться».

Казуистичность Альфонса де Лигвори доходитъ до виртуозности, когда онъ начинаетъ трактовать кражу, или вопросъ о вознагражденіи за вредъ и убытки. Что касается кражи, онъ лично опредѣляетъ, какъ должна быть велика цѣнность украденнаго, чтобы кража обсуждалась какъ смертный грѣхъ, причемъ для различныхъ классовъ лицъ устанавливаются различныя таксы (у Деллингера онѣ представлены въ переводѣ на германскую монету:) у нищаго украсть уже 50, а по мнѣнію нѣкоторыхъ даже и 25 пфенниговъ есть смертный грѣхъ; у бѣднаго рабочаго—1 марка; у человѣка съ посредственнымъ достаткомъ—1 м. 80 пф.; у состоятельнаго лица—2 м. 60 пф.; у очень богатаго купца—5 марокъ; у очень богатаго общества—7 м. 60 пф.; у короля—10 мар. Къ этимъ таксамъ прибавляется слѣдующее: если украсть за разъ 2 марки есть смертный грѣхъ, то воръ, крадущій у одного и того же лица въ разное время или у нѣсколькихъ лицъ въ одно и то же время меньшія суммы, только тогда становится повиннымъ въ смертномъ грѣхѣ, когда итогъ отдѣльныхъ кражъ составитъ 4 марки; если между отдѣльными мелкими кражами, изъ которыхъ ни одна не достигаетъ суммы 2 марокъ, проходитъ два мѣсяца, то онѣ не подлежатъ сложенію; нѣтъ смертнаго грѣха, когда кто либо, при кражѣ какой угодно значительной суммы, намѣревается въ кратчайшій срокъ, напр., въ $^1/_4$ часа вернуть всю сумму, или такую ея часть, что оставшееся не возвращеннымъ не составило бы достаточной матеріи для смертнаго грѣха. Отношеніе казуиста къ вопросу о моральной обязанности вознагражденія за вредъ и убытки съ достаточною ясностію обнаруживается изъ слѣдующихъ примѣровъ. Нѣкто, чтобы нанести вредъ Каю, хочетъ застрѣлить его осла, но попадаетъ не въ него, а въ корову Тиція: по совѣсти, до судебнаго рѣшенія онъ не обязанъ ни къ какому возмѣщенію убытковъ ни за осла, въ котораго онъ не попалъ, ни за корову, въ которую онъ не хотѣлъ попадать; «по строгости принциповъ» онъ не обязанъ бы былъ къ вознагражденію за вредъ даже и въ томъ случаѣ, если бы корова принадлежала Каю; ибо вредъ во всякомъ случаѣ причиненъ не намѣренно. Точно также человѣкъ, у котораго составилось рѣшеніе убить врага, но который попадаетъ въ него случайно, мѣтясь въ оленя, не обязанъ къ вознагражденію за вредъ, такъ какъ здѣсь не было намѣренія задѣть его даннымъ выстрѣломъ. Не обязанъ къ вознагражденію и тотъ, кто подаетъ Дидиму чашу съ ядомъ, причемъ однако Юлій насильно вырываетъ ее изъ рукъ, такъ что помѣшать ему въ этомъ было невозможно, и выпиваетъ ее, не подозрѣвая, что тутъ ядъ, ибо отравитель не желалъ смерти Юлія. Долженъ ли вознаградить убійца на дуэли жену съ дѣтьми убитаго за причиненный имъ вредъ?—Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ приводится у Лигвори то какъ вѣроятный, то какъ болѣе вѣроятный. Но онъ, по крайней мѣрѣ, не повторилъ въ этомъ случаѣ словъ другаго казуиста (Gury), который обсуживалъ данный случай по принципу: «scienti et volenti non fit injuria».

Таковъ обликъ канонизованнаго Піемъ IX казуиста, который лично проводилъ весьма строгую жизнь. Какъ сказано, іезуиты въ канонизаціи и въ провозглашеніи его учителемъ церкви усматриваютъ торжество своихъ моральныхъ принциповъ и готовы истолковывать канонизацію въ смыслѣ признанія всѣхъ сочиненій, разсужденій и взглядовъ писателя за непогрѣшимые. До этого однако очень далеко. Въ 1864 г. одинъ англійскій католикъ, въ настоящее время кардиналъ Ньюманъ, установилъ очень рѣшительную точку зрѣнія на взгляды Альфонса де-Лигвори. «Безспорно, что св. Альфонсъ Лигвори учитъ о дозволенности двусмысленности при наличности достаточнаго основанія, даже съ подкрѣпленіемъ ея клятвою. Признаюсь, что въ этой области нравственности, при всемъ моемъ удивленіи къ хорошимъ сторонамъ итальянскаго характера, я отдаю преимущество англійскому правилу жизни. Я не желаю этимъ сказать ничего противнаго уваженію передъ св. Альфонсомъ, который былъ мужемъ, любящимъ истину, и къ ходатайству котораго я долгомъ считаю прибѣгать, если въ спорномъ пунктѣ предпочту его мнѣнію ученіе кого либо другаго. Объявляю открыто, опредѣленно и безъ обиняковъ, что я рѣшительно не слѣдую этому святому мужу въ отношеніи къ данной части его ученія. Въ церкви терпятся различныя школы, и въ указанномъ пунктѣ я слѣдую кардиналу Гердилю, Наталису Александру, даже самому св. Августину». Противъ протестантовъ, которые указывали католикамъ на канонизацію Альфонса де-Лигвори, какъ на торжественное признаніе его невѣрныхъ взглядовъ непогрѣшимыми, тотъ же Ньюманъ разъясняетъ, что выраженіе декрета конгрегаціи обрядовъ (congreg. rituum) объ отсутствіи въ сочиненіяхъ этого автора чего либо достойнаго осужденія (nihil censura dignum) означаетъ лишь то, что у Лигвори нѣтъ ни одного тезиса, который можно бы было признать ересью или явнымъ заблужденіемъ, и если отъ римской пенитенціаріи было объявлено, что можно слѣдовать всѣмъ его мнѣніямъ, то при этомъ же и прибавлено прямо, что можно слѣдовать и противоположнымъ мнѣніямъ другихъ одобренныхъ авторовъ, тѣмъ болѣе, что самъ Лигвори, при своей жизни, нѣсколько разъ мѣнялъ свои мнѣнія. Любопытно, что еще до Ньюмана ультрамонтанская Dublin Review высказывалась въ томъ смыслѣ, что Лигвори былъ итальянецъ, и что итальянцы по натурѣ менѣе любятъ истину, чѣмъ англичане: «Лигвори», говорилось въ этомъ органѣ, «писалъ для итальянцевъ, и его теологія, поэтому, большею частію соображается съ моральными потребностями этого народа». Дёллингеръ, конечно, былъ правъ, когда замѣтилъ на это: «если Лигвори писалъ преимущественно въ виду моральныхъ потребностей итальянцевъ, то ему и приличествовало бы настаивать на большемъ уваженіи къ истинѣ; но вѣдь изъ Рима мораль его рекомендуется не однимъ только итальянцамъ, а всему католическому міру, и частыя, громкія восхваленія Лигвори разсчитаны на то, чтобы приписать ему большій авторитетъ, чѣмъ какой признаетъ за нимъ Ньюманъ». Но неправы были и тѣ, кто указывалъ на націо-

нальную особенность итальянскаго міровоззрѣнія и итальянскаго характера въ объясненіе положеній и взглядовъ Лигвори. Добавить нужно только, что Лигвори не только писалъ для итальянцевъ, но и самъ, какъ итальянецъ, имѣвшій одинаковый съ другими итальянцами складъ мышленія и моральныхъ убѣжденій, обсуживалъ разные моральные вопросы съ нѣкоторымъ специфически-итальянскимъ маккіавелизмомъ, не такъ, какъ обсуживались бы тѣ же самые вопросы французомъ, англичаниномъ, или нѣмцемъ. Если и въ прошедшей исторіи французы, напр., систематически вооружались противъ теоретической и практической извращенности въ морали, то, разумѣется, тутъ играли опять не малую роль національныя особенности. Однако, какъ ни рѣзко различіе между воззрѣніями французскихъ и итальянскихъ или испанскихъ теологовъ, какъ ни ожесточенна была та борьба, которую вели авторы разныхъ національностей, школъ и орденовъ, вся вообще западноевропейская теологія, не исключая даже и протестантской, возникшей въ XVI столѣтіи, имѣла одну общую, свойственную ей, черту: она шла слѣдомъ за жизнію, рядомъ съ жизнію, или даже направляя жизнь въ хорошую или въ дурную сторону. А такъ какъ жизнь представляетъ величайшее разнообразіе явленій и отношеній въ всевозможныхъ сочетаніяхъ, то и моралисты устремились къ тому, чтобы обнять это разнообразіе и дать каждому отдѣльному явленію или отношенію надлежащую моральную оцѣнку. Въ казуистикѣ нельзя не замѣтить похвальной попытки или похвальнаго стремленія разъяснить моральные вопросы не въ отвлеченіи отъ жизни, а въ приложеніи къ жизни и въ неразрывной связи къ жизнію. Человѣку во всякой странѣ и во всѣ времена приходилось и приходится чувствовать затрудненіе при несовпаденіи собственнаго внутренняго убѣжденія съ указаніемъ посторонняго авторитета, или при коллизіи нравственныхъ обязанностей съ требованіямъ житейскаго благоразумія, причемъ перевѣсъ обыкновенно оказывается на сторонѣ послѣдняго. Западная моральная казуистика желала дать отвѣтъ для разрѣшенія всѣхъ подобныхъ колебаній. При слабыхъ научныхъ рессурсахъ, безъ глубокаго проникновенія въ самое существо отношеній и обязанностей, безъ пониманія дѣйствительной жизненной правды, въ формально-одностороннемъ направленіи логическаго мышленія, при которомъ легко могло явиться искушеніе заняться возможно-ловкимъ сочетаніемъ посылокъ для полученія изъ нихъ неожиданно ловкаго вывода, подкрѣпляемая и вдохновляемая при томъ же логикой и пріемами римскаго права, — западная схоластическая наука весьма неудовлетворительно разрѣшила свою задачу, не только ударившись въ безплодныя тонкости въ родѣ контроверсы между контриціонистами и аттриціонистами, или въ родѣ таксаціи кражи по различнымъ категоріямъ обкрадываемыхъ лицъ для установленія понятія кражи какъ смертнаго грѣха, но и совершенно оставивъ, въ лицѣ многихъ ея представителей, почву христіанской, даже и общечеловѣческой нравственности. Однако, при всѣхъ ея недостаткахъ и за-

блужденіяхъ, она не была явленіемъ безсмысленныхъ въ исторіи человѣчества. Смыслъ ея въ томъ заключается, чтобы сдѣланнымъ ею опытомъ воспользовались позднѣе, когда сознана будетъ потребность выясненія общихъ нравственныхъ принциповъ, которыми могли бы руководиться люди при переживаемыхъ ими нерѣдко колебаніяхъ между нравственнымъ долгомъ и требованіями житейскаго благоразумія, и безъ которыхъ каждый въ подобныхъ колебаніяхъ руководится—худо ли, хорошо ли—собственнымъ нравственнымъ чутьемъ. Въ нашей исторіи, какъ было уже замѣчено въ началѣ этой статьи, никогда не бывало ни теоретическихъ, ни практическихъ контроверсъ по моральнымъ вопросамъ. Что касается пробабилизма въ особенности, то онъ никогда не былъ извѣстенъ намъ, ни какъ явленіе морали, ни какъ историческое явленіе въ области культуры мысли, и если практически иногда слѣдуютъ ему—впрочемъ безсознательно и не возводя его на степень продуманной теоріи,—то лишь тѣ начинающіе, духовные и недуховные, писатели, которые, не овладѣвъ еще источниками и литературой той или другой дисциплины, ограничиваются ссылками на какого нибудь автора, полагая, что сослаться на слова этого автора значить доказать вѣрность того или другаго положенія.

Н. Суворовъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Л. Берлинъ. *Гражданскій искъ потерпѣвшаго отъ наказуемаго правонарушенія.* СПб. 1888 г.

Изслѣдованіе г. Берлина „*Гражданскій искъ потерпѣвшаго отъ наказуемаго правонарушенія*" начинается съ изложенія господствующаго воззрѣнія на подсудность и собственнаго взгляда автора на этотъ вопросъ; затѣмъ г. Берлинъ послѣдовательно излагаетъ постановленія о гражданскомъ искѣ потерпѣвшаго отъ наказуемаго правонарушенія общаго германскаго права (Gemeins Recht), партикулярныхъ нѣмецкихъ законодательствъ, новаго общегерманскаго права, австрійскаго, французскаго и русскаго законодательствъ. Въ заключеніе авторъ останавливается на вопросѣ, не имѣющемъ прямаго отношенія къ предмету его изслѣдованія, а именно—о предсудимости (questions préjudicielles) по дѣйствующему русскому праву.

По вопросу о подсудности гражданскаго иска, вытекающаго изъ преступнаго дѣянія, авторъ, вопреки господствующему въ теоріи процесса воззрѣнію, пытается доказать, что нормальнымъ судомъ для этого иска служитъ уголовный судъ и что только съ установленіемъ такой подсудности могутъ быть поняты тѣ практическія выгоды, которыя достигаются при разбирательствѣ иска потерпѣвшаго въ формахъ уголовнаго процесса (стр. 33). Въ положительномъ законодательствѣ самостоятельное разрѣшеніе вопроса о подсудности иска потерпѣвшаго отъ наказуемаго правонарушенія, по мнѣнію автора, представляетъ общегерманское право до 1848 г. и французскій Code d'instruction criminelle (стр. 45). Общегерманское право (Gemeines Recht), говоритъ авторъ, создало свою особенную, самобытную систему осуществленія иска, вытекающаго изъ наказуемаго правонарушенія; система эта, извѣстная подъ названіемъ Adhäsionprocess'а, построена на томъ положеніи, что этотъ искъ есть такой-же гражданскій, какъ и всякій другой искъ частнаго лица, относящійся къ области гражданскаго права (стр. 46 и 55); отсюда, по мнѣнію автора, вытекаютъ всѣ особенности Adhäsionprocess'а общаго герман-

скаго права, которыя вызываютъ рѣзкую критику съ его стороны (стр. 61—74). Обращаясь къ разсмотрѣнію формъ соединеннаго процесса въ партикулярномъ нѣмецкомъ законодательствѣ, авторъ замѣчаетъ, что «онѣ сильно приближаются къ типу, выработанному обще-германскимъ правомъ»; «взгляды на правовую конструкцію, на мѣсто въ процессѣ и сущность Adhäsionprocess'а остаются въ главныхъ чертахъ прежними» (стр. 79—80, 101). Но въ частностяхъ, по словамъ автора, партикулярныя законодательства представляютъ значительныя отступленія отъ обще-германскаго права, которыя, главнымъ образомъ, выражаются въ томъ, что дѣйствіе нѣкоторыхъ началъ уголовнаго процесса было распространено на искъ потерпѣвшаго, вслѣдствіе чего произошелъ цѣлый переворотъ всей системы доказательствъ (стр. 81—82, 97—98). Новый германскій уставъ не допускаетъ соединеннаго процесса, но потерпѣвшій, замѣчаетъ авторъ, можетъ участвовать въ уголовномъ процессѣ въ качествѣ стороны, отыскивающей вознагражденіе за убытки (Busse), по дѣламъ о заочныхъ оскорбленіяхъ, клеветѣ и тѣлоповрежденіяхъ. По мнѣнію автора «Busse не есть наказаніе, хотя на первый взглядъ имѣетъ съ нимъ нѣчто общее» (стр. 107—108). Для осуществленія права по Busse потерпѣвшій вступаетъ въ дѣло въ качествѣ частнаго обвинителя (Privatkläger) или присоединяющагося обвинителя (Nebenkläger). Дальше, авторъ излагаетъ порядокъ частнаго обвиненія по Германскому Уставу (стр. 109—120); усматривая въ требованіи Busse «особую, своеобразную форму вознагражденія за вредъ и убытки», авторъ признаетъ эту форму производства въ общемъ неудовлетворительною (стр. 118, 121—122). Австрійское право, по словамъ автора, рѣзко отличается отъ общаго германскаго во взглядѣ на значеніе для государства вопроса объ удовлетвореніи потерпѣвшаго; во взглядѣ же на юридическую структуру этого иска, формы его осущественія и на вопросъ о подсудности—австрійское и германское право существенно между собою не различаются (стр. 130). Французское законодательство представляетъ цѣльную и послѣдовательно выдержанную систему вознагражденія потерпѣвшаго отъ наказуемаго правонарушенія, но французская литература, по словамъ автора, высказалась не столь опредѣленно, какъ германская» (стр. 134—135). Искъ потерпѣвшаго и во французскомъ правѣ признается гражданскимъ искомъ, подсуднымъ гражданскому суду; по мнѣнію автора, французскому праву неизвѣстны начала второстепенности (causa minor) и придаточности (accessorium), по которымъ гражданскій искъ въ соединенномъ процессѣ подчиняется во всемъ уголовному иску; равнымъ образомъ французское право, по словамъ его, не признаетъ за судами права отказываться отъ рѣшенія гражданскаго иска и отсылать потерпѣвшаго съ его искомъ въ гражданскій судъ (такъ назыв. Verweisung ad separatum). Въ заключеніе очерка иностранныхъ законодательствъ авторъ приходитъ къ тому выводу, что во всѣхъ законодательствахъ искъ потерпѣвшаго признается простымъ гражданскимъ искомъ; различіе

заключается только въ мотивахъ допущенія этого иска къ разсмотрѣнію въ уголовномъ судѣ и его границахъ (стр. 151—152). Обращаясь къ русской литературѣ за разрѣшеніемъ вопроса о подсудности иска потерпѣвшаго отъ наказуемаго правонарушенія, авторъ замѣчаетъ, что «она придерживалась и продолжаетъ придерживаться до настоящаго времени взгляда, господствовавшаго въ старомъ общегерманскомъ правѣ», что разсматриваемый искъ всегда разсматривается, какъ искъ гражданскій, подсудный принципіально, исключительно суду гражданскому (стр. 154). Авторъ оспариваетъ этотъ взглядъ и пытается доказать, что по дѣйствующему у насъ законодательству *нормальнымъ судомъ* для исковъ объ убыткахъ, причиняемыхъ преступнымъ дѣйствіемъ, признается *уголовный судъ* (стр. 166—170); мнѣніе это авторъ основываетъ на мотивахъ къ ст. 17 уст. уг. суд., а также на томъ соображеніи, что степень вознагражденія за вредъ и убытки соизмѣряется, по нашему праву, со степенью умысла и участія (стр. 167), что ни гражданскій, ни уголовный суды не могутъ отклонить отъ себя разсмотрѣніе иска (стр. 167—169) и, наконецъ, что искъ потерпѣвшаго, предъявленный въ уголовномъ судѣ, подчиненъ всѣмъ формамъ уголовнаго судопроизводства (стр. 176—190). По вопросу о придаточности иска русское законодательство, по словамъ автора, стоитъ на той же почвѣ, какъ и французское, т. е. не допускаетъ устраненія иска (стр. 205); при столкновеніи же публичнаго и частнаго исковъ наше законодательство отдаетъ преобладающее значеніе второму надъ первымъ, а не наоборотъ. Но, съ другой стороны, оно остается совершенно пассивнымъ въ отношеніи къ иску потерпѣвшаго отъ наказуемаго правонарушенія и, подобно французскому законодательству, подчиняетъ его вполнѣ господству начала свободнаго распоряженія сторонъ (Dispositionsmaxime). Русскому праву, замѣчаетъ авторъ, чужды начало австрійскаго права о непосредственной важности интересовъ потерпѣвшаго для государства и то отношеніе къ этимъ интересамъ, которое существуетъ во французскомъ правѣ; по мнѣнію автора, наше право имѣетъ больше всего сходства со старымъ общегерманскимъ правомъ; «какъ то, такъ и другое строго оффиціальны, участіе частнаго лица въ процессѣ составляетъ въ обоихъ явленіе, противорѣчащее общему строю процесса, ни то, ни другое не дорожитъ участіемъ потерпѣвшаго, не придаютъ значенія этому и видятъ въ немъ чуждый слѣдственному процессу элементъ (стр. 218).

Таково содержаніе изслѣдованія г. Берлина. Обращаясь къ оцѣнкѣ этого изслѣдованія, замѣчу, что авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи довольно богатый фактическій матеріалъ, но плохо воспользовался имъ, благодаря крайне неправильному пріему изслѣдованія. Въ основаніе своей работы авторъ принялъ совершенно апріорное положеніе, что гражданскій искъ, вытекающій изъ преступнаго дѣянія, по природѣ своей, долженъ быть подсуденъ только уголовному суду; положеніе это, не имѣя никакой опоры въ теоріи процесса, противорѣчитъ всей законодательной

практикѣ въ прошломъ и настоящемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ исторіи права произошло раздѣленіе подсудностей уголовныхъ и гражданскихъ судовъ, искъ объ убыткахъ, причиненныхъ преступленіемъ или проступкомъ, признавался, по природѣ своей, подсуднымъ гражданскому суду и только въ видѣ исключенія изъ общаго правила допускалось предъявленіе его въ уголовномъ судѣ. Поставивъ себѣ задачею доказать чисто спекулятивнымъ путемъ то, что не можетъ быть доказано, затѣмъ, не имѣя за собою никакихъ фактическихъ данныхъ въ положительномъ законодательствѣ, авторъ неизбѣжно, съ первыхъ же страницъ своей работы, сталъ на ложный путь; изслѣдуя вопросъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, авторъ не могъ отнестись достаточно объективно къ постановленіямъ различныхъ законодательствъ и нерѣдко приписываетъ имъ тѣ особенности, которыя въ дѣйствительности не существуютъ; особенно это можно сказать относительно изложенія авторомъ постановленій русскаго права. Высказавъ это общее замѣчаніе о работѣ г. Берлина, я перейду къ частнымъ ея недостаткамъ.

Для доказательства основнаго положенія своего изслѣдованія, что искъ потерпѣвшаго отъ наказуемаго правонарушенія подлежитъ исключительно вѣдѣнію уголовнаго суда, авторъ касается общаго вопроса о подсудности. Авторъ сомнѣвается въ правильности общепринятаго въ наукѣ воззрѣнія, по которому подсудность опредѣляется свойствомъ или содержаніемъ требованій, предъявляемыхъ суду; по словамъ автора, онъ нигдѣ не встрѣчалъ сомнѣній въ правильности этого воззрѣнія и въ этомъ отношеніи ему несомнѣнно принадлежитъ первенство. На чемъ же основано сомнѣніе автора и въ чемъ выражается предлагаемая имъ поправка? Сомнѣніе автора, главнымъ образомъ, вызывается существованіемъ подсудностей *коммерческимъ* и *военнымъ* судамъ, но подсудности эти, имѣя особыя основанія для выдѣленія изъ общей подсудности гражданскаго и уголовнаго судовъ, нисколько не подрываютъ того общаго положенія, по которому подсудность уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ опредѣляется свойствомъ требованій: коммерческіе суды разсматриваютъ требованія о судебной защитѣ въ области торговымъ отношеній, а военные суды имѣютъ предметомъ своимъ требованіе о наказаніи. Затѣмъ, авторъ указываетъ на другой фактъ, а именно, существованіе такъ назыв. преюдиціальныхъ вопросовъ, при наличности которыхъ уголовный судъ пріостанавливаетъ производство дѣла до разрѣшенія гражданскимъ судомъ извѣстнаго вопроса гражданскаго права, но приведенный фактъ опять таки не даетъ никакого повода для сомнѣнія, такъ какъ и при наличности преюдиціальнаго вопроса подсудность уголовнаго суда опредѣляется требованіемъ наказанія, а подсудность гражданскаго суда требованіемъ о признаніи правъ собственности, свойства несостоятельности, правъ состоянія и т. д., т. е. такихъ вопросовъ, въ разрѣшеніи коихъ уголовный судъ не компетентенъ. По мнѣнію автора, «распредѣленіе труда между судами разнаго типа основано во всякомъ случаѣ не исключительно

на различіи требованій, къ нимъ предъявленныхъ, а на различіи фактическаго содержанія тѣхъ правонарушеній, изъ которыхъ вытекаетъ то или другое требованіе»; въ дѣйствительности, здѣсь нѣтъ никакого различія, такъ какъ свойство требованія, предъявляемаго въ судѣ, всегда опредѣляется свойствомъ и содержаніемъ того правонарушенія, изъ котораго вытекаетъ извѣстное требованіе: такъ ненаказуемое правонарушеніе даетъ основаніе гражданскому иску, тогда какъ преступныя дѣянія вызываютъ публичный искъ, предъявляемый въ уголовномъ судѣ; наконецъ, есть преступленія, которыя имѣютъ свойства вызывать одновременно два иска: уголовный о наказаніи и гражданскій о вознагражденіи за вредъ и убытки; послѣднее обстоятельство, повидимому, авторъ совершенно упустилъ изъ вниманія. Въ доказательство своего положенія авторъ приводитъ то, что должно служить само предметомъ доказательства, а именно, что однѣ изъ особенностей гражданскаго и уголовнаго процессовъ «зависятъ *главнымъ образомъ* отъ свойства требованій, предъявляемыхъ суду», другія «обусловлены, *главнымъ образомъ*, свойствомъ правонарушеній» (стр. 10—24). На основаніи изложенныхъ, крайне сбивчивыхъ понятій о подсудности, авторъ приходитъ къ тому выводу, что «съ точки зрѣнія процессуальной—искъ потерпѣвшаго отъ наказуемаго правонарушенія подсуденъ суду уголовному».

По мнѣнію автора, связь между гражданскимъ правомъ и процессомъ не настолько безусловна, чтобы на ней основывать подсудность иска потерпѣвшаго суду гражданскому (стр. 33). По словамъ его, obligatio ex delicto, нося въ себѣ *всѣ* признаки принадлежности къ области частнаго права, по *другимъ* (?) своимъ признакамъ удаляется отъ него и приближается къ уголовному праву, тѣмъ болѣе, что «составъ правонарушенія вызывающаго obligatio ex delicto относится къ области уголовнаго права, а не гражданскаго». «Эта особенность (?) obligatio ex delicto, продолжаетъ авторъ, признавалась всегда: она указана была въ римскомъ правѣ и не отрицается и въ наше время», что и заставляетъ автора усомниться въ существованіи внутренней связи между obligatio ex delicto и гражданскимъ процессомъ (стр. 31—32). Предположимъ, что авторъ правъ, утверждая, что въ римскомъ правѣ и дѣйствующемъ французскомъ законодательствѣ obligatio ex delicto по нѣкоторымъ своимъ признакамъ приближается къ уголовному праву, но это обстоятельство указываетъ только на двойственный характеръ исковъ, вытекающихъ изъ наказуемыхъ дѣяній, и вовсе не даетъ основанія для сомнѣнія въ томъ, что между obligatio ex delicto и гражданскимъ процессомъ существуетъ внутренняя связь, тѣмъ болѣе, что, по словамъ автора, «obligatio ex delicto носитъ въ себѣ *всѣ* признаки принадлежности къ области частнаго права». Въ числѣ особенностей obligatio ex delicto авторъ указываетъ на то, что вознагражденіе за вредъ и убытки зависитъ отъ *степени вины*, но этою особенностью отличаются всѣ вообще иски о вознагражденіи за вредъ и убытки, безотносительно къ тому: причинены ли они дѣяніемъ наказуемымъ или ненаказуемымъ,

такъ какъ основаніемъ отвѣтственности лица, причинившаго какой либо имущественный ущербъ, всегда служитъ *вина* (culpa) [1].

Изложеніе иностраннаго законодательства въ изслѣдованіи г. Берлина не всегда соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей, отличается величайшею непослѣдовательностью и произвольностью обобщеній. Излагая постановленія общаго германскаго права, авторъ неосновательно усматриваетъ въ немъ «особенную, самобытную систему осуществленія иска потерпѣвшаго отъ наказуемаго правонарушенія» (стр. 45—46) и дѣлаетъ совершенно произвольное заключеніе, что Adhäsionprocess допускался представителями доктрины общаго права, какъ неудобная необходимость (стр. 73), что уголовные суды въ общегерманскомъ правѣ имѣли, будто бы, задачею стѣснять потерпѣвшаго отъ наказуемаго правонарушенія (стр. 86) и что общегерманскому праву чуждо было убѣжденіе въ важности для государства охранять интересы потерпѣвшаго (стр. 126, 142); равнымъ образомъ, авторъ не правъ, утверждая, что партикулярное нѣмецкое законодательство только отчасти допускало въ Adhäsionprocess пользованіе доказательствами уголовнаго процесса (стр. 97); новое общегерманское право авторъ совершенно неправильно относитъ къ числу законодательствъ, допускающихъ Adhäsionprocess (стр. 122—152); вопреки извѣстному положенію французскихъ юристовъ: le criminel tient le civil en état, le criminel emporte le civil, авторъ утверждаетъ, что французскому праву неизвѣстны начала второстепенности (causa minor) и придаточности (accessorium); послѣднее въ томъ видѣ, какъ его понимаетъ германское право (стр. 142—144). Нельзя не согласиться съ авторомъ, что Adhäsionprocess общаго права (Gemeines Recht), какъ историческая ступень въ развитіи формъ Adhäsionprocess, имѣлъ свои особенности, но эти особенности не настолько важны и безусловны, какъ это представляется автору; *въ общихъ и существенныхъ чертахъ Adhpr. общаго права ничѣмъ не отличается отъ такого въ послѣдующемъ нѣмецкомъ законодательствѣ (и action civile французскаго устава)*, и авторъ самъ признаетъ, что существеннаго различія между Adhäsionprocess общаго германскаго права и Adhäsionprocess нѣмецкаго законодательства послѣ 1848 г. нѣтъ; все различіе выражается въ *частностяхъ* (стр. 80): «партикулярное право, замѣ-

---

[1]) «Неисполненіе обязательства, замѣчаетъ проф. П. П. Цитовичъ, будетъ его нарушеніемъ только при наличности *вины*; безъ этого признака одно неисполненіе, какъ простая просрочка, будетъ дѣломъ *случая*; но вредъ отъ послѣдняго покрывается страхованіемъ, а не отвѣтственностью должника». (Обязательства. Конспектъ лекцій по русскому гражданскому праву. Кіевъ. 1787, стр. 22—24). Въ римскомъ правѣ должникъ отвѣчаетъ за случай (casus) только тогда, когда casus наступилъ вслѣдствіе его *culpa* или *mora*. *Баронъ*, Система римскаго гражданск. права (перев.), выпускъ IV, Кіевъ, 1888, стр. 52. *R. Ihering*. Das Schuldmoment im Römischen Privatrecht, 1867, S. 8. *Мейеръ*. Русское гражданское право, М. 1873, § 32, стр. 173—174, *Кр. Малышевъ*, Курсъ, т. 1, стр. 280. Мое изслѣдованіе: Гражданскій искъ въ уголовномъ судѣ, стр. 157—162.

чаетъ авторъ, не представляетъ изъ себя ничего новаго въ сравненіи со старымъ общегерманскимъ правомъ» (стр. 101), «формы Adhäsionprocess партикулярныхъ уставовъ послѣ 1848 г. сильно приближаются къ типу, выработанному общегерманскимъ правомъ», «взгляды на юридическую конструкцію, на мѣсто въ процессѣ, на сущность Adhäsionprocess остаются прежними (стр. 79 — 80, 86 — 88, 98), а австрійское право въ свою очередь существенно ничѣмъ не различается отъ партикулярнаго нѣмецкаго права (стр. 130).

Перейду къ другому замѣчанію. Дѣйствующій въ Германіи уставъ не допускаетъ Adhäsionprocess, а потому, казалось бы, автору спеціальнаго изслѣдованія о гражданскомъ искѣ нечего останавливаться на постановленіяхъ германскаго устава, но авторъ думаетъ иначе и посвящаетъ новому общегерманскому праву XVI—XVIII отдѣлы своего изслѣдованія (стр. 104—123). Г. Берлинъ усматриваетъ въ правѣ потерпѣвшаго требовать денежную пеню (Busse), въ случаяхъ заочнаго оскорбленія, клеветы и тѣлоповрежденія, «своеобразную форму вознагражденія» (стр. 123). Busse дѣйствительно имѣетъ своимъ назначеніемъ удовлетворить потерпѣвшаго за вредъ, причиненный дѣйствіемъ виновнаго, но есть ли требованіе потерпѣвшаго присудить ему пеню *гражданскій искъ*, объ этомъ г. Берлинъ не говоритъ. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что требованіе Busse по германскому уставу есть *уголовный искъ*, чего косвенно не отрицаетъ и авторъ; по словамъ его, потерпѣвшій можетъ требовать Busse *только въ качествѣ частнаго обвинителя* (Privatkläger) или присоединяющагося обвинителя (Nebenkläger) (стр. 108—109); вступивъ въ дѣло, онъ наравнѣ съ прокуроромъ требуетъ прежде всего *наказанія* (стр. 109—110) и всѣмъ его дѣйствіямъ германскій уставъ придаетъ, по возможности, характеръ уголовнаго преслѣдованія (стр. 115); затѣмъ—Busse, по сущности своей, не совсѣмъ совпадаетъ съ вознагражденіемъ за вредъ и имѣетъ нѣчто общее съ наказаніемъ (стр. 108), такъ какъ право на Busse не переходитъ къ наслѣдникамъ и размѣръ пени, maximum (6000 марокъ) котораго установленъ въ законѣ, опредѣляется въ каждомъ конкретномъ случаѣ не размѣромъ причиненнаго вреда, а по усмотрѣнію суда. Если требованіе Busse въ германскомъ уставѣ есть уголовный искъ, совмѣщающій одновременно требованія о наказаніи виновнаго и о вознагражденіи за вредъ, то здѣсь, очевидно, не можетъ быть понятія гражданскаго иска, предметомъ котораго служитъ *только* требованіе о возмѣщеніи вреда и убытковъ, причиненныхъ преступленіемъ или проступкомъ. Отъ автора спеціальнаго изслѣдованія о гражданскомъ искѣ можно было бы ожидать болѣе яснаго представленія о томъ принципіальномъ различіи, которое существуетъ между уголовнымъ и гражданскимъ исками. Признавая тотъ безспорный фактъ, что Adhäsionprocess исключенъ изъ системы уголовнаго судопроизводства Германіи и что, будто бы, германскій уставъ только въ видѣ исключенія допускаетъ разсмотрѣніе иска (какого?) потерпѣвшаго о вознагражденіи въ уголовномъ судѣ, г. Берлинъ, въ дальнѣйшемъ изло-

женіи, какъ бы забываетъ объ этомъ и придаетъ большое значеніе новому германскому уставу (не принявшему Adhäsionprocess) въ смыслѣ историческаго развитія формъ соединеннаго процесса; по словамъ его, Adhäsionprocess «зародившись въ неясныхъ очертаніяхъ въ Corpus juris civilis и C. C. C., получилъ въ общегерманскомъ правѣ форму гражданскаго иска (?), потерялъ рѣзкость контура въ эпоху партикулярнаго законодательства и *перешелъ въ чисто уголовный процессъ въ новомъ германскомъ уставѣ*» (стр. 122). Такимъ образомъ, оказывается, что германскій уставъ, отказавшись отъ системы Adhäsionprocess, далъ усовершенствованную его форму.

Постановленія русскаго права о гражданскомъ искѣ потерпѣвшаго отъ наказуемаго правонарушенія авторъ излагаетъ крайне неправильно. Для подтвержденія сдѣланнаго замѣчанія укажу на нѣкоторыя положенія автора. Искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ или проступкомъ, признается въ нашемъ законодательствѣ гражданскимъ искомъ; въ мотивахъ къ ст. 6 у. у. с., опредѣляющей понятіе *гражданскаго* истца, прямо выражено, что «требованіе о вознагражденіи за причиненные преступленіемъ и проступкомъ вредъ и убытки есть *искъ гражданскій* и, слѣдовательно, по существу своему *должно бы подлежать разсмотрѣнію суда гражданскаго*», но для устраненія двойнаго разбирательства одного и того же дѣла, законодатель допускаетъ предъявленіе иска въ уголовномъ судѣ. Выраженная въ мотивахъ мысль вполнѣ подтверждается въ текстѣ закона; въ основаніе производства по иску о вознагражденіи положено исковое начало обвинительнаго или состязательнаго процесса (у. у. с., ст. 6, 7, 121, 122, 821 и т. д.); причины, «которыя прекращаютъ уголовное преслѣдованіе, остаются безъ всякаго вліянія на частные, вытекающіе изъ преступнаго дѣянія иски (ст. 16—20; уложеніе ст. 156, 164 и 167), подсудность гражданскаго иска мировому судьѣ опредѣляется на общемъ для гражданскихъ дѣлъ основаніи (у. у. с., ст. 34, п. 2, уст. гр. суд., ст. 29, п. 2), мировой судья постановляетъ заочное рѣшеніе по этимъ искамъ по правиламъ гражданскаго судопроизводства (у. у. с., ст. 134), несовершеннолѣтніе не могутъ быть гражданскими истцами (X т., 1 ч., ст. 217, 222, 282, 1382 и др.), обезпеченіе иска о вознагражденіи, по ст. 268 уст. угол. суд., можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ по просьбѣ о томъ истца (уст. гр. суд., ст. 131, 706) и опредѣляется по правиламъ гражданскаго судопроизводства (ст. 125, 128, 593) и т. д.; судъ опредѣляетъ вознагражденіе за причиненные преступленіемъ или проступкомъ вредъ и убытки на основаніи существующихъ въ гражданскихъ законахъ постановленій (ст. 779; уложеніе, ст. 64), гражданскій истецъ несетъ судебныя издержки на общемъ для гражданскихъ дѣлъ основаніи» (у. у. с., ст. 475 и 559; уст. гр. суд., ст. 848) и т. д. Наша судебная практика представляетъ дальнѣйшее развитіе того, по моему мнѣнію, совершенно безспорнаго положенія, что *искъ потерпѣвшаго есть искъ граж-*

данскій. Но авторъ разсматриваемаго изслѣдованія, вопреки очевидности, утверждаетъ, что составители судебныхъ уставовъ признавали искъ потерпѣвшаго *не гражданскимъ искомъ, а только частнымъ* (?) и *подсуднымъ* въ силу своего основанія *уголовному*, а не гражданскому *суду* (стр. 165), и что русское право не признаетъ иска о вознагражденіи искомъ чисто гражданскимъ (стр. 166). Въ мотивахъ къ судебнымъ уставамъ авторъ усматриваетъ, совершенно неосновательно, несуществующее въ нихъ противорѣчіе и доказываетъ, что составители судебныхъ уставовъ высказали, будто, два взгляда на искъ о вознагражденіи: по одному взгляду этотъ искъ есть *гражданскій,* подсудный гражданскому суду, по другому—этотъ искъ есть *частный*, подсудный уголовному суду. Къ сожалѣнію, авторъ не объясняетъ, въ чемъ выражается различіе между *гражданскимъ* и *частнымъ* исками, тѣмъ болѣе, что это различіе впервые устанавливается въ наукѣ г. Берлиномъ и самъ онъ въ другомъ мѣстѣ своего изслѣдованія не признаетъ, повидимому, этого различія (стр. 126 — 128). Что касается мотивовъ къ судебнымъ уставамъ, то противорѣчія въ нихъ никакого не существуетъ и если бы даже и признать таковое, то нѣтъ никакихъ основаній признавать неправильными мотивы, приведенные подъ основной статьею въ постановленіяхъ русскаго законодательства о гражданскомъ искѣ (ст. 6 у. у. с.). Статья 17 уст. уг. суд устанавливаетъ правило, по которому иски объ убыткахъ, *начатые* въ уголовныхъ судахъ, въ случаѣ прекращенія уголовнаго преслѣдованія, разрѣшаются тѣми же уголовными судами, а въ мотивахъ къ этой статьѣ выражена та мысль, что вопросы о фактѣ преступленія, о виновности и степени участія въ совершеніи преступленія «могутъ быть правильно разрѣшены *только* уголовнымъ судомъ» и «что въ принужденіи вознагражденія потерпѣвшему отъ преступленія вредъ и убытки гражданскій судъ или вовсе не долженъ имѣть мѣсто *(когда это разрѣшаетъ уголовный судъ),* или же можетъ постановить свое заключеніе лишь по окончаніи дѣла уголовнаго». Г. Берлинъ не обратилъ вниманія на оговорку, выраженную въ мотивахъ въ скобкахъ, и благодаря этому усмотрѣлъ непримиримое противорѣчіе въ мотивахъ и на этомъ противорѣчіи построилъ свое совершенно ложное ученіе о подсудности гражданскаго иска по русскому праву. Между тѣмъ, мысль законодателя, выраженная въ мотивахъ къ ст. 17, вполнѣ ясна: гражданскій судъ не компетентенъ въ разрѣшеніи вопросовъ о фактѣ преступленія, о виновности и степени участія, а потому эти вопросы для гражданскаго суда имѣютъ преюдиціальный характеръ, т. е., безъ разрѣшенія ихъ уголовнымъ судомъ не можетъ быть разрѣшенъ искъ въ порядкѣ гражданскаго суда (ст. 31). Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что искъ о вознагражденіи подсуденъ суду уголовному? нисколько. Въ противномъ случаѣ, слѣдуя аргументаціи автора, *намъ пришлось бы признать подсудными гражданскому суду всѣ уголовныя дѣла,* связанныя съ разрѣшеніемъ преюдиціальныхъ вопросовъ о правѣ собственности, о свойствѣ несостоятель-

ности, о правахъ состоянія и т. д. Усвоивъ себѣ совершенно неправильный взглядъ на подсудность гражданскаго иска потерпѣвшаго отъ показуемаго правонарушенія въ русскомъ правѣ, авторъ въ послѣдующемъ изложеніи занимается опроверженіемъ противнаго мнѣнія всѣхъ предшествовавшихъ ему изслѣдователей (проф. Таганцева, Чебышева-Дмитріева, Кистяковскаго, Неклюдова и г. Квачевскаго) и старается путемъ анализа отдѣльныхъ постановленій закона доказать, вопреки очевидности, что дѣйствующее законодательство не признаетъ иска о вознагражденіи за вредъ и убытки гражданскимъ искомъ и подсуднымъ гражданскому суду; автору предстояло разрѣшить неразрѣшимую задачу, а потому неудивительно, что онъ впадаетъ въ цѣлый рядъ ошибокъ и противорѣчій. Утверждая, вопреки исторіи нашего права, что *нашему праву чужды интересы потерпѣвшаго* (стр. 217), что оно не придаетъ никакого значенія участію потерпѣвшаго въ уголовномъ судѣ (стр. 218), и что наша судебная практика, будто бы, придерживается традицій стараго общегерманскаго права (??!), всячески стѣсняя права потерпѣвшихъ на судѣ (стр. 240), авторъ въ то же время доказываетъ, что наше право (единственное изъ всѣхъ законодательствъ) не признаетъ иска потерпѣвшаго гражданскимъ искомъ и нормальнымъ судомъ для разсмотрѣнія этого иска признаетъ уголовный судъ (стр. 65—66), что уголовный судъ не въ правѣ отказать потерпѣвшему въ разсмотрѣніи его иска (стр. 169), и что наше законодательство при столкновеніи публичнаго и гражданскаго исковъ (авторъ называетъ послѣдній—частнымъ) отдаетъ предпочтеніе второму передъ первымъ (стр. 209—210). Въ частности, затѣмъ, авторъ совершенно неосновательно утверждаетъ, будто потерпѣвшій можетъ обратиться съ искомъ въ гражданскій судъ только въ двухъ указанныхъ имъ случаяхъ, а именно: когда состоялся обвинительный или оправдательный приговоръ (стр. 172 — 173), что гражданскій искъ въ уголовномъ судѣ подчиняется исключительно правиламъ уголовнаго судопроизводства (стр. 177), что малолѣтніе отъ 10 лѣтъ могутъ самостоятельно предъявлять въ уголовномъ судѣ искъ о вознагражденіи (стр. 179 — 181), что прекращеніе предварительнаго слѣдствія, хотя бы въ самомъ началѣ, по одной изъ указанныхъ въ ст. 16 уст. уг. суд. причинъ, не влечетъ за собою устраненія изъ производства гражданскаго иска (стр. 200—201), что потерпѣвшій, будто бы, не имѣетъ права требовать разсмотрѣнія его иска въ уголовномъ судѣ (стр. 117; contra стр. 169), что уголовные суды имѣютъ право разрѣшать всѣ вопросы гражданскаго права, разрѣшеніе коихъ необходимо для уголовнаго дѣла (стр. 227), что присяжные также могутъ разрѣшать эти вопросы (стр. 232) и что задача суда, будто бы, заключается въ разъясненіи дѣла, въ *прощеніи* обвиняемаго: «чѣмъ полнѣе разъяснено дѣло, тѣмъ легче его понять, а отъ пониманія до прощенія одинъ шагъ», замѣчаетъ авторъ въ заключеніи своего изслѣдованія (стр. 241).

Д. Тальбергъ.

Б. Брандтъ. *Налогъ на освобожденныхъ отъ воинской повинности въ теоріи и въ практическомъ примѣненіи.* Кіевъ. 1889.

Вопросъ, которому посвящено изслѣдованіе г. Брандта, имѣетъ для насъ практическое значеніе, въ виду возбужденнаго теперь министерствомъ финансовъ предложенія объ обложеніи лицъ, признанныхъ негодными къ отбыванію военной службы. Авторъ трудолюбиво собралъ литературу по своей темѣ и изучилъ законодательство, дѣйствующее въ тѣхъ странахъ, которыя ввели у себя (Австрія и Швейцарія) или пытались ввести (Германія и Италія) въ свою податную систему этотъ спеціальный видъ обложенія. Теоретическая часть разсматриваемой работы отличается обычными недостатками студенческихъ разсужденій—излишней пространностью и смѣшеніемъ существеннаго съ второстепеннымъ въ изучаемой иностранной литературѣ. Грубая ошибка бросилась намъ въ глаза въ заключеніи книги, гдѣ авторъ, установляя «классификацію прямыхъ податей въ обширномъ смыслѣ», выдѣляетъ въ особую рубрику спеціальныхъ прямыхъ податей—налоги горный и желѣзнодорожный. Точно также очень неумѣстно назвать «налогъ на прислугу, на квартиру, на собакъ» и пр. налогомъ *съ предметовъ потребленія* и подводить подъ рубрику общихъ прямыхъ податей.

На уровнѣ кандидатскихъ сочиненій и самостоятельная часть разсужденій книги. Такъ, напр., авторъ дѣлаетъ предположеніе, что проектъ налога на освобождаемыхъ отъ воинской повинности былъ отвергнутъ въ германскомъ рейхстагѣ только потому, что оппозиція не желала дать правительству Бисмарка «новаго могущественнаго орудія для его политики крови и меча». Палата, вотирующая сорокъ милліоновъ на усиленіе милитаризма, испугалась налога въ нѣсколько милліоновъ марокъ! Если г. Брандтъ внимательно читалъ хотя бы статью Густава Кона, онъ долженъ былъ помнить, что проектъ правительства былъ отвергнутъ единогласно и что въ числѣ главныхъ противниковъ его находились и консерваторы. Авторъ вообще слишкомъ склоненъ къ преувеличенію положительныхъ сторонъ новаго налога и недостаточно оцѣниваетъ капитальныя возраженія, которыя сдѣланы противъ налога на освобождаемыхъ Рошеромъ, Шеффле и Трейчке. Въ примѣненіи къ нашимъ русскимъ условіямъ, не слѣдуетъ также забывать, что осуществленіе налога на освобождаемыхъ зависитъ отъ предварительнаго введенія подоходнаго налога.

Ю.

Kriminalstatistik für das Jahr 1887 (Statistik d. Deutschen Reichs, B. 37, Berlin, 1889).

Статистика преступленій по всей Германской имперіи ведется единообразно начиная только съ 1882 г. Въ настоящее время вышелъ шестой по счету сборникъ статистическихъ свѣдѣній о судебныхъ дѣлахъ и обвиняемыхъ въ Германіи; къ нему приложено подробное введеніе, пред-

ставляющее обработку цифроваго матеріала и сравненіе данныхъ за 6 лѣтъ, и пять прекрасно исполненныхъ картограммъ преступности. Въ отношеніи тщательности исполненія и разработки собранныхъ свѣдѣній, германскій отчетъ вообще значительно превосходитъ соотвѣтственныя изданія во Франціи, Россіи и др. государствахъ. Въ особенности жаль, что къ нашимъ «сводамъ по дѣламъ уголовнымъ» въ послѣднее время вовсе не прилагается введенія, которое хотя въ самыхъ общихъ чертахъ могло ознакомить неспеціалиста съ содержаніемъ толстаго тома, испещреннаго одними цифрами, что на неподготовленнаго человѣка производитъ впечатлѣніе мертвящей скуки. Между тѣмъ, по полнотѣ свѣдѣній объ осужденныхъ наша уголовная статистика стоитъ выше германской (въ нѣмецкихъ отчетахъ, сравнительно съ нашими, нѣтъ данныхъ объ образованіи осужденныхъ, ихъ средствахъ къ жизни, законности рожденія, народности, отношенія къ потерпѣвшимъ и по другимъ интереснымъ рубрикамъ); но отсутствіе всякой обработки собраннаго матеріала затрудняетъ пользованіе изданіями нашего министерства юстиціи, такъ что данныя уголовной статистики въ Россіи очень мало извѣстны не только публикѣ, но и самимъ органамъ суда.

Данныя уголовной статистики въ германскомъ отчетѣ разбиты на 4 главныхъ отдѣла (Uebersichten). Первый изъ нихъ разработывается въ министерствѣ юстиціи, три послѣднихъ въ имперскомъ статистическомъ бюро. I отдѣлъ заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о числѣ наказуемыхъ дѣяній (strafbare Handlungen), по которымъ были произнесены судебныя рѣшенія, о распредѣленіи наказуемыхъ дѣяній по отдѣламъ уложенія о наказаніяхъ, объ обвинительныхъ приговорахъ, соучастіи, участіи несовершеннолѣтнихъ, рецидивизмѣ и о родѣ и размѣрахъ наложенныхъ наказаній. Данныя, разработываемыя статистическимъ бюро, касаются времени и мѣста совершенія преступленія или проступка и личныхъ особенностей подсудимыхъ и осужденныхъ.

Изъ свѣдѣній, изложенныхъ германскимъ министерствомъ юстиціи, для насъ представляютъ сравнительно большій интересъ обвинительные приговоры и рецидивизмъ. Изъ 100 судебныхъ рѣшеній по преступленіямъ и проступкамъ (безъ отношенія къ числу подсудимыхъ) было обвинительныхъ приговоровъ въ 1887 году — $83,_8$. Это отношеніе нѣсколько ниже, чѣмъ въ 1882 г.— $85,_3$%, но за пятилѣтіе 1882—87 колебанія были весьма незначительны, заключаясь всѣ между двумя вышеприведенными предѣльными величинами. Оправдательныхъ приговоровъ въ германскихъ судахъ несравненно меньше, чѣмъ у насъ: въ окружныхъ судахъ съ 1875 по 1879 отношеніе обвинительныхъ приговоровъ по разсмотрѣннымъ дѣламъ колебалось отъ 66 до $63,_5$%, т. е. на 20% ниже, чѣмъ въ германскихъ судахъ; правда, что у насъ въ окружныхъ судахъ разбирается только часть совершенныхъ правонарушеній, но у мировыхъ судей процентъ обвинительныхъ приговоровъ нисколько не выше, чѣмъ въ высшихъ судебныхъ установленіяхъ.

Число рецидивистовъ въ Германіи за шестилѣтіе возросло довольно замѣтно, причемъ возростаніе шло безъ задержки: въ 1882 г. рецидивисты составляли 24,9% осужденныхъ, въ 1887 г.—28,9%. Это явленіе, обнаруживаемое криминальной статистикой, какъ извѣстно, обще почти всѣмъ европейскимъ странамъ, не исключая и нашего отечества: у насъ рецидивисты (въ окружныхъ судахъ) въ 1874 давали 18,4% осужденныхъ, а въ 1884 уже 24,7%.

Въ группѣ свѣдѣній, обработанныхъ въ центральномъ статистическомъ бюро, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе таблица о числѣ наказуемыхъ дѣяній и подсудимыхъ съ 1882 по 1887 годъ. Число преступленій и обвиняемыхъ за этотъ промежутокъ времени значительно увеличилось: въ 1882 г. было 389,658 дѣяній, повлекшихъ за собой осужденіе, въ 1887 г. такихъ дѣяній было 454,700. Обвиняемыхъ въ 1882 г. было 403,604, въ 1887 г.—436,194, или на 100,000 жителей, подлежащихъ отвѣтственности (strafmündig — свыше 12 лѣтняго возраста), въ 1882 приходилось 1,259 обвиняемыхъ, а въ 1887 г.— 1,307. Свѣдѣнія эти касаются всѣхъ судебныхъ мѣстъ въ Германіи, такъ что цифры преступности (по наиболѣе важнымъ преступленіямъ это еще возможно) нельзя огуломъ сравнивать съ цифрами осужденныхъ, напр., по русскимъ сводамъ, въ которыхъ не имѣется свѣдѣній по многимъ категоріямъ судившихся у мировыхъ судей.

По движенію отдѣльныхъ видовъ преступленій въ Германіи замѣчается довольно своеобразное явленіе, именно число преступниковъ противъ собственности за шестилѣтіе постоянно убывало, а обвиняемыхъ за преступленія противъ личности возросло: обвиняемыхъ первой группы было въ 1882 г.—205,832, а въ 1887—190,226, по второй группѣ въ тѣ же годы—136,187 и 173,899 обвиняемыхъ. Въ этой группѣ въ особенности увеличилось число нанесшихъ тѣлесныя поврежденія (Körperverletzung) съ 70,356 на 95,254; это обстоятельство, по указанію, впрочемъ не совсѣмъ опредѣленному, въ германскомъ отчетѣ, зависитъ какъ отъ увеличившагося потребленія алкоголя въ странѣ, такъ и отъ увеличенія привлекаемости въ судъ за мелкія нападенія на личность, ранѣе легче сходившія съ рукъ виновникамъ. Тяжелыя формы преступленія противъ личности (дуэли и убійства) остались приблизительно на томъ же уровнѣ: 1,794 обвиняемыхъ въ 1882 и 1912 въ 1887. Изъ обвиняемыхъ противъ собственности уменьшеніе произошло, главнымъ образомъ, въ группѣ воровъ (Diebstahl und Unterschlagung), которая по своей многочисленности (137,474 обвиняемыхъ въ 1882 г. и 117,811 въ 1887) и повліяла на общее число подсудимыхъ по всей категоріи. По остальнымъ видамъ похищенія имущества уменьшенія преступности въ дѣйствительности не произошло, а по мошенничеству (15,554 и 19,981 обвин.) и поврежденію имущества (15,436 и 17,462 обвин.) число обвиняемыхъ даже замѣтно увеличилось.

Съ значительной подробностью разработанъ въ германской статистикѣ

вопросъ о территоріальномъ распредѣленіи преступности. Данныя собраны за пятилѣтіе (1883—87) по наиболѣе мелкимъ административнымъ дѣленіямъ—округамъ (Kreise), населеніе которыхъ не превышаетъ въ среднемъ 40—50,000, причемъ всѣ болѣе крупные города (свыше 100,000) выдѣлены особо и нанесены на картограммахъ преступности въ видѣ маленькихъ кружковъ. Преступность выведена по отношенію осужденныхъ къ вмѣняемому (strafmündig) населенію. Помимо таблицы, показывающей цифры преступности по всѣмъ округамъ (числомъ до 800), приложены къ отчету и картограммы, наглядно показывающія распространеніе преступности въ Германской имперіи. На картограммѣ I, показывающей общую преступность въ Германіи, останавливаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что большіе города (числомъ 20) вообще не выдѣляются темными кружками на остальной площади страны (картограмма составлена коричневыми тонами), какъ можно было бы ожидать по обычному представленію о высокой преступности въ городахъ. Берлинъ, напр., имѣетъ общую преступность (121 на 100,000), мало отличающуюся отъ средней по всей Пруссіи (101); небольшая разница въ 20 осужд. можетъ легко объясняться возрастнымъ составомъ населенія (въ Берлинѣ преобладаютъ возрасты наибольшей рабочей силы и — преступности). Въ городахъ, сравнительно съ сельскими округами, преобладаетъ мошенничество: на картограммѣ № 5—Betrug,—почти всѣ города рѣзко выдѣляются густо покрывающей ихъ тѣнью; наоборотъ—побои (gefährliche Körperverletzung) гораздо рѣже въ городахъ (такъ же какъ и преступленія противъ жизни, что было замѣчено мною ранѣе); остальные же виды преступленій въ городахъ вообще не чаще, чѣмъ въ сельскомъ населеніи; это обстоятельство обнаружилось въ Германіи именно потому, что при вычисленіи преступности исключены изъ населенія дѣти до 12-лѣтняго возраста, которыхъ въ промышленныхъ городахъ обыкновенно бываетъ относительно гораздо меньше, чѣмъ въ сельскомъ населеніи, что и повышаетъ коэффиціентъ преступности, если брать для вычисленій все населеніе цѣликомъ.

По областямъ преступность въ Германіи развита всего болѣе на Востокѣ (округа, прилегающіе къ русской границѣ и восточному побережью Балтійскаго моря), а также на югѣ (Южная Баварія и Пфальцъ). Наименьшая преступность замѣчается въ Сѣверо-Западной Германіи (Regierungsbezirke: Мюнстеръ, Минденъ, Оснабрюкъ, Ольденбургъ, Шлезвигъ и др.). Это основное различіе въ интензивности преступленій на сѣверо-западѣ и юго-востокѣ Германіи повторяется въ общихъ чертахъ и на картограммахъ отдѣльныхъ формъ преступности (кража, побои), но по мошенничеству распредѣленіе существенно измѣняется: максимальная преступность рѣшительно переходитъ на югъ и отчасти центръ Германіи, а восточныя провинціи, обыкновенно покрытыя густой тѣнью, по мошенничеству выдѣляются умѣренными тонами. Объясненія причинъ интензивности преступленій по округамъ не дано въ отчетѣ, да и трудно

подъискать ихъ безъ полнаго знакомства съ внутренней жизнью страны, ея соціальными условіями не только современными, но даже и прошедшими, такъ какъ нѣкоторыя формы преступленій могутъ совершаться подъ импульсомъ наслѣдственныхъ тенденцій, но пока можно замѣтить, что въ территоріальномъ распредѣленіи преступности различіе расъ должно играть роль, едва ли не большую, чѣмъ экономическія условія, значеніе которыхъ, напр., по германской статистикѣ выяснить затруднительно: вліяніе городовъ на преступность оказывается незначительнымъ, родъ занятій населенія такъ же не проявляется въ преступности какъ преобладающая причина: есть промышленные и земледѣльческіе округа со слабой преступностью, и рядомъ съ повышенной; очевидно, что дѣйствующія причины въ этомъ случаѣ такъ сложны, что требуютъ изученія самаго глубокаго и всесторонняго.

Е. Т—скій.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Изъ практики уголовно-частнаго обвиненія. И. Г. Щегловитовъ, въ своей статьѣ «Уголовно-частный порядокъ преслѣдованія» («Юр. В.», № 5, 1884 г.), указывая на многія процессуальныя и принципіальныя неправильности постановки въ нашемъ законодательствѣ вопроса о дѣлахъ «частнаго обвиненія», приходитъ къ тому выводу, что оставлять долѣе нашего «частнаго обвинителя» безъ руководства и поддержки прокурорскаго надзора невозможно. Онъ говоритъ, что «институтъ уголовно-частнаго обвиненія, нуждается въ поддержкѣ и помощи оффиціальнаго обвиненія подобно тому, какъ и это послѣднее нуждается въ содѣйствіи частнаго обвиненія по дѣламъ о правонарушеніяхъ публичнаго характера». Насколько требованіе это вѣрно, насколько оно отвѣчаетъ насущнѣйшимъ запросамъ дѣйствительности, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается крестьянской среды, — это лучше всего, нагляднѣе всего можетъ быть доказано нижеслѣдующимъ случаемъ изъ практики «частнаго обвиненія». На рождественскихъ праздникахъ минувшаго, 1888 года, компанія молодыхъ парней д. Феликсовики, Кіевской губ., Липовецкаго у., отправилась на саняхъ въ сосѣднее селеніе «колядовать» (славить Христа). На обратномъ пути, ночью, между членами этой компаніи произошла ссора, затѣмъ драка, во время которой одинъ изъ парней, Ефимъ Навроцкій, былъ избитъ своими товарищами до полусмерти, до безчувственнаго состоянія, и окровавленный, въ разорванной одеждѣ, брошенъ на дорогѣ, гдѣ случайно нашли его крестьяне сосѣдняго села и доставили домой. На другой день родители Ефима Навроцкаго отвезли его въ Липовецъ къ судебному слѣдователю, который и направилъ ихъ къ врачу для производства медицинскаго освидѣтельствованія. Такъ какъ голова потерпѣвшаго не была раздроблена, руки, ноги и ребра также оказались цѣлы, то врачъ, какъ это у насъ обыкновенно практикуется, далъ удостовѣреніе, что Ефиму Навроцкому нанесены легкіе побои, не грозящіе опасностью для жизни, и такимъ образомъ возникло дѣло въ порядкѣ частнаго обвиненія. Между тѣмъ Ефимъ Навроцкій, до

того времени пользовавшійся цвѣтущимъ здоровьемъ, ни разу не лѣчившійся и не имѣвшій надобности въ лѣченіи, непосредственно послѣ побоевъ слегъ, нѣкоторое время провалялся въ Липовецкомъ военномъ госпиталѣ, а затѣмъ, какъ неизлѣчимо больной, отправленъ къ родителямъ въ деревню, гдѣ почти не вставалъ съ постели. Слѣдствіе по этому дѣлу было кончено, фактъ нанесенія побоевъ совершенно точно установленъ и три парня привлечены къ суду, какъ обвиняемые; самый судъ назначенъ былъ на 15 сентября. Но вотъ, 5 сентября Ефимъ Навроцкій умираетъ. Отецъ его заявляетъ объ этой смерти судебному слѣдователю, указывая на то обстоятельство, что смерть эта явилась прямымъ результатомъ нанесенныхъ его сыну побоевъ, и проситъ о производствѣ вскрытія. Судебный слѣдователь въ просьбѣ этой ему отказываетъ и предлагаетъ сына похоронить. Тогда отецъ умершаго съ точно такимъ же заявленіемъ и точно такой же просьбой обращается къ мѣстной полиціи, но и здѣсь получаетъ такой же отвѣтъ, какъ и отъ судебнаго слѣдователя. Ефима Навроцкаго хоронятъ. 15 сентября, передъ началомъ судебнаго засѣданія, судебный приставъ дѣлаетъ перекличку «сторонамъ», дѣла которыхъ назначены были къ разбору на этотъ день и, какъ результатъ этой переклички, отмѣчаетъ, что «частный обвинитель» Ефимъ Навроцкій не явился за смертью и объявляетъ родителямъ его, что, въ виду этой неявки, дѣло, заведенное имъ, будетъ прекращено. Напрасно родители Ефима Навроцкаго и здѣсь указывали на то, что смерть въ данномъ случаѣ послѣдовала вовсе не отъ воли Божьей, а отъ побоевъ, составляющихъ сущность дѣла; судебный приставъ заявилъ имъ, что все это до него, а также до суда, нисколько не касается, и предложилъ родителямъ умершаго «убираться». Только благодаря вмѣшательству въ это дѣло нѣкоторыхъ лицъ мѣстной интеллигенціи, исторія со смертью Ефима Навроцкаго доведена была до свѣдѣнія прокурора и, почти чрезъ мѣсяцъ послѣ погребенія, назначено было вскрытіе его упрямымъ врачемъ, который еще до отысканіи трупа заявилъ, что Ефимъ умеръ отъ чахотки. Вскрытіе, конечно, подтвердило это заявленіе. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь цѣлую серію всевозможныхъ несообразностей и прямо даже немыслимыхъ съ точки зрѣнія правосудія вещей, которыя, однакоже, оказались совершенно возможными именно благодаря крайней неправильности постановки вопроса о дѣлахъ «частнаго обвиненія».

Прежде всего здѣсь рѣзко бросается въ глаза крайнее несовершенство медицинскаго освидѣтельствованія. Почему врачъ города Липовоцъ призналъ, что побои, нанесенные Ефиму Навроцкому, должны быть отнесены къ числу легкихъ, не представляющихъ опасности для жизни? Только потому, что на лицо не имѣлось никакого крупнаго внѣшняго поврежденія, которое обусловливало бы несомнѣнно смертельный исходъ побоевъ и ни по чему иному. Но мѣрка, можетъ быть, вѣрная въ другихъ случаяхъ, оказалась совершенно ошибочной здѣсь. Здѣсь оказалось, что на почвѣ побоевъ, не оставившихъ послѣ себя никакого серьезнаго внѣш-

няго поврежденія, развилась скоротечная чахотка (если признать результаты вскрытія вѣрными), зачатки которой у Ефима Навроцкаго, до момента побоевъ, не замѣчались вовсе. Такимъ образомъ, медицинское освидѣтельствованіе, какъ водится почти всегда въ такихъ случаяхъ, дало результаты неправильные, благодаря чему дѣло, прямо подлежащее вѣдѣнію прокурорскаго надзора, направилось по пути частнаго обвиненія. Побои нанесены были Ефиму Навроцкому не только не легкіе, но прямо смертельные, только смертельность эта выяснилась окончательно съ теченіемъ времени; между тѣмъ направить дѣло на настоящую дорогу уже не представлялось возможности. И вотъ, благодаря этому, легко могъ получиться такой капитальный юридическій абсурдъ: человѣку нанесены побои, отъ которыхъ онъ умеръ, т. е., въ сущности, совершено убійство, а между тѣмъ, вслѣдствіе процессуальныхъ формальностей, убійство это, не смотря на его полную доказанность путемъ судебнаго слѣдствія, могло остаться совершенно ненаказаннымъ. «Частный обвинитель» Ефимъ Навроцкій не явился на судъ поддерживать свое обвиненіе по случаю смерти; судъ не обязанъ входить въ разсмотрѣніе причинъ, отъ которыхъ смерть эта послѣдовала; право частнаго обвиненія по наслѣдству не передается. Предъ судомъ, такимъ образомъ, имѣется лишь тотъ формальный фактъ, что частнаго обвинителя на лицо нѣтъ и самое дѣло, по этому случаю, должно быть прекращено, и убійцы выходятъ изъ суда чистыми и непорочными. Что въ данномъ дѣлѣ этого не случилось и что самое дѣло не было прекращено за неявкою частнаго обвинителя, а получило дальнѣйшій ходъ,—такъ вѣдь это чистѣйшая случайность, которой очень легко могло и не быть. Если предположить, что Ефимъ Навроцкій былъ человѣкъ одинокій; мало того, если предположить, что въ такого рода дѣлѣ крестьянину не помогутъ болѣе свѣдущіе въ разнаго рода судебныхъ формальностяхъ и пользующіеся бо́льшимъ авторитетомъ предъ лицами судебнаго вѣдомства интеллигенты, то конецъ такого дѣла несомнѣненъ: оно должно было быть прекращеннымъ, при чемъ одинаково должны пострадать, какъ идея правосудія, такъ и деревенская мораль. Разъ оказывается возможность совершать убійства совершенно безнаказанно, то кто можетъ поручиться, что и въ многіе послѣдующіе не будутъ произведены попытки въ томъ же направленіи? Но вотъ, благодаря вмѣшательству прокурорскаго надзора, ошибка судебно-медицинской экспертизы и направленія дѣла поправлена и самое дѣло попадаетъ уже въ руки обвинительной камеры. Вскрытіе тѣла Ефима Навроцкаго, въ которомъ своевременно отказали судебный слѣдователь и полиція, и отказали, кстати будь сказано, безъ всякаго основанія, ибо въ концѣ концовъ пришлось же все-таки вскрыть,—произведено и найдено, что смерть послѣдовала отъ чахотки. Теперь, спрашивается, кто же возьметъ на себя обязанность и при томъ какимъ порядкомъ доказать, что до побоевъ у Ефима Навроцкаго никакой чахотки не было, что это былъ цвѣтущій парень, никогда никакой болѣзнію не болѣвшій? Кто возьметъ на себя обязанность про-

слѣдить шагъ за шагомъ развитіе болѣзни Ефима Навроцкаго послѣ побоевъ путемъ опроса врачей, лѣчившихъ его, путемъ больничныхъ показаній, путемъ разспроса лицъ, знавшихъ хорошо Ефима, какъ до побоевъ, такъ и послѣ нихъ? Не будетъ ли и здѣсь положена въ основаніе дальнѣйшаго хода дѣла одна лишь голая медицинская экспертиза, одинъ лишь протоколъ вскрытія, самъ по себѣ ровно ничего не доказывающій, ибо смерть отъ чахотки, понятно, никоимъ образомъ не можетъ служить поводомъ для возбужденія преслѣдованія противъ лицъ, нанесшихъ Ефиму Навроцкому побои. Такимъ образомъ, неправильность постановки вопроса о дѣлахъ частнаго обвиненія, устраненіе изъ этихъ дѣлъ направляющей руки прокурорскаго надзора, можетъ, какъ оказывается, создать на практикѣ массу затрудненій, распутать которыя впослѣдствіи бываетъ не особенно легко, да и самое распутыванье это будетъ обязательно въ ущербъ интересамъ правосудія. И потому, мнѣ кажется, вопросъ, поставленный г. И. Щегловитовымъ, заслуживаетъ самаго глубокаго вниманія и рѣшенія именно въ смыслѣ устраненія нынѣшняго порядка производства дѣлъ по частнымъ обвиненіямъ. Такое устраненіе, а особенно примѣнительно къ крестьянской средѣ, является насущнѣйшей необходимостью, могущей устранить массу совершающихся нынѣ, такъ сказать, легальныхъ несправедливостей.

И. Рева.

Стачки во Франціи 1874—1885. Въ виду того интереса, который возбуждаютъ къ себѣ крупныя стачки рабочихъ Бельгіи, Германіи, Австро-Венгріи, Англіи и Голландіи въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, весьма любопытной является замѣтка V. Turquan въ послѣдней (9-й) книжкѣ Journal de la societé de Statistique de Paris о стачкахъ во Франціи за указанный 12-ти-лѣтній періодъ. Матерьялъ свой авторъ заимствовалъ изъ 15 тома Statistique annuelle. Въ виду малой распространенности у насъ обоихъ названныхъ изданій представляется не лишнимъ познакомить съ нѣкоторыми выводами этой замѣтки русскихъ читателей.

По *годамъ* количество стачекъ этой страны располагается слѣдующимъ образомъ:

Въ 1874 г. . . .	21	Въ 1880 г. . . .	60
» 1875 г. . . .	27	» 1881 г. . . .	?
» 1876 г. . . .	50	» 1882 г. . . .	182
» 1877 г. . . .	30	» 1883 г. . . .	144
» 1878 г. . . .	34	» 1884 г. . . .	90
» 1879 г. . . .	53	» 1885 г. . . .	108
Среднее . .	36	Среднее . .	117

Очевидно, количество стачекъ замѣтно возрастаетъ. Приведенныя цифры представляютъ почти правильно возрастающій рядъ, и средняя за второе шестилѣтіе почти въ $3^1/_2$ раза больше средняго за первое.

По *мѣсяцамъ* тѣ же данныя располагаются такъ:

Въ январѣ . . .	62	Въ іюлѣ	75
» февралѣ . . .	50	» августѣ . . .	51
» мартѣ	86	» сентябрѣ . .	42
» апрѣлѣ	105	» октябрѣ . .	67
» маѣ	86	» ноябрѣ . .	42
» іюнѣ	77	» декабрѣ . .	42

Наиболѣе благопріятными для развитія стачекъ мѣсяцами служатъ, повидимому, мартъ, апрѣль и май, а наименѣе благопріятными — сентябрь, ноябрь и декабрь.—По словамъ автора, упомянутые весенніе мѣсяцы совпадаютъ съ разгаромъ работъ въ промышленномъ мірѣ Франціи.

Географическое расположеніе департаментовъ, по количеству бывшихъ въ нихъ стачекъ, указываетъ на исключительную принадлежность этого явленія во Франціи въ указанный періодъ фабрично-заводской промышленности. Въ земледѣльческой—не было ни одной стачки. Послѣднія возрастаютъ съ развитіемъ въ мѣстности фабрикъ и заводовъ. Въ самомъ дѣлѣ, наибольшее количество стачекъ имѣло мѣсто въ департаментахъ:

Сѣвера	172	Соммы	36
Сены	103	Изеры	32
Роны	57	Луары	25
Марны	39		

Пользуясь таблицей 5 отдѣла XII Annuaire Statistique de la France за 1887 г., находимъ, что максимальное количество заведеній, дѣйствующихъ паромъ, встрѣчается въ департаментахъ:

Сены	4564	Альпъ	955
Сѣвера	3558	Сены и Марны . .	945
Роны	1736	Луары	931
Сены и Оазы . . .	1162	Оазы	856
Нижн. Сены	1120	Соммы	810
Па-де-Кале	1019	Изеры	752
Устьевъ Роны . . .	1082		

Зависимость обоихъ рядовъ обнаруживается съ достаточной рѣзкостью.

Причинами возникновенія стачекъ были: въ 364 случаяхъ требованія увеличенія заработной платы, въ 182—уменьшеніе платы хозяевами, въ 95—иныя требованія, касающіяся условій труда, а особо—въ 46 случаяхъ требованія уменьшенія величины рабочаго дня. Эти четыре причины, охватывающія 687 случаевъ изъ 813, въ которыхъ при-

чины точно извѣстны=84,5% [1]). Остальныя стачки возникали по весьма разнообразнымъ мотивамъ. Въ этой категоріи ихъ первое мѣсто занимаютъ требованія удаленія разныхъ представителей фабрично-заводской администраціи—41 случай (=5,4%).

По *продолжительности* стачки раздѣляются на слѣдующія группы:

410	длились менѣе 10 дней (около половины—всего 2—3 дня)	= 60%	81%
134	» 10—19 » » » » » »	= 21%	
48	» 20—29 » » » » » »	= 17,3%	
56	» 30—49 » » » » » »		
40	» 50—100 » » » » » »		
12	» болѣе 100 » » » » » »	= 1,7%	

Одна стачка въ Парижѣ длилась 455 дней=почти 15 мѣсяцевъ.

Продолжительными стачки бываютъ, очевидно, лишь въ весьма ничтожномъ количествѣ случаевъ. Затруднительность существованія рабочихъ семействъ безъ ежедневнаго заработка весьма рѣдко позволяетъ довести до конца начатую ими борьбу съ капиталистами. Что не удача стачекъ, а именно нужда заставляетъ стачечниковъ возвращаться на работы, показываютъ дальнѣйшія свѣдѣнія того же автора о *результатахъ* стачекъ: въ 27% случаевъ требованія рабочихъ удовлетворены; въ 16% случаевъ сдѣланы были обѣими сторонами взаимныя уступки; въ 57% случаевъ стачки окончились неблагопріятно для рабочихъ: или послѣдніе были замѣнены другими, или они сдавались безъ условій.

По *числу участниковъ* въ стачкахъ находимъ такое распредѣленіе:

Въ 347	случаяхъ	= 51,6%	—	менѣе 100 челов.
» 284	»	— 42,1%	—	100— 1000 »
» 40	»	— 6,0%	—	1000—10.000 »
» 2	»	— 0,3%	—	болѣе 10.000 »

Очевидно, что болѣе половины стачекъ носило крайне мелкій характеръ, почти столько же охватывали не болѣе 1,000 человѣкъ каждая и только 42 случая приняли болѣе крупные размѣры. Въ послѣднюю группу вошли: извѣстная Анзенская стачка рудокоповъ (10,150) и стачка столяровъ въ Парижѣ (20,000). Нельзя не видѣть, что размѣры интересующаго насъ явленія во Франціи представляются ничтожными по сравненію съ таковымъ же въ Вестфаліи, Лондонѣ и Роттердамѣ въ послѣдніе мѣсяцы. Тамъ уже привыкли считать стачечниковъ сотнями тысячъ.

---

[1]) Нельзя не видѣть въ этомъ тожества французскихъ стачекъ со всѣми тѣми, свѣдѣнія о которыхъ не перестаютъ наполнять газеты въ теченіе всего лѣта до сихъ поръ.

Далѣе, *роды промышленности*, въ которыхъ разражались стачки, располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

				Рабоч.
Industrie textile	310 случ.	= 39%	—	77.922
» minerale et metallurgique .	140 »	= 17%	—	49.042
Vêtement	38 »	= 5%	—	12.683
Cuirs et peaux	50 »	= 6%	—	7.547
Bâtiment et ameublement	123 »	= 15%	—	39.013
Terrassiers	14 »	= 2%	—	1.253
Autres industries	129 »	= 16%	—	36.199
Total . .	804 случ.	=100%	—	223.659

Такимъ образомъ 56% стачекъ имѣли мѣсто только въ ткацкомъ и металлическомъ дѣлѣ. Особенно выдается въ этомъ отношеніи первое, давшее $^2/_5$ всѣхъ случаевъ. Весьма интересно поэтому прибавить, что въ этой именно отрасли промышленности количество таковыхъ не имѣетъ тенденцію уменьшаться ни абсолютно, ни относительно. Среди ткачей было стачекъ:

Въ 1874 г.— 7	изъ общ. числа случаевъ . .	21	=	35%
» 1875 г.— 9	» » » . .	27	=	33%
» 1876 г.— 9	» » » . .	50	=	20%
» 1877 г.—15	» » » . .	30	=	50%
» 1878 г.—17	» » » . .	34	=	50%
» 1879 г.—25	» » » . .	53	=	46%
» 1880 г.—22	» » » . .	60	=	40%
» 1882 г.—62	» » » . .	182	=	35%
» 1883 г.—43	» » » . .	144	=	30%
» 1884 г.—47	» » » . .	90	=	52%

Очевидно, число случаевъ составляетъ почти непрерывно возрастающій рядъ.

Затрогивая вопросъ о *средствахъ*, которыми поддерживались рабочіе во время стачекъ, авторъ не приводитъ никакихъ цифръ по этому вопросу, исполненному живого интереса. Чаще всего, говоритъ онъ, стачечники не имѣли никакихъ средствъ. Иногда оказывали помощь синдикальныя палаты, устраивались подписки и только въ исключительныхъ случаяхъ, когда стачки принимали совсѣмъ необычные размѣры, нѣкоторые муниципалитеты вотировали рабочимъ субсидіи.

Наконецъ, весьма любопытны заключительныя данныя замѣтки о количествѣ стачечниковъ, *виновныхъ въ нарушеніи свободы труда и промышленности* (atteintes à la liberté du travail et de l'industrie). За такія насильственныя дѣйствія осуждены:

Въ 1875 г. . .	95 челов.	Въ 1881 г. . .	89 челов.
» 1876 г. . .	118 »	» 1882 г. . .	162 »
» 1877 г. . .	114 »	» 1883 г. . .	147 »
» 1878 г. . .	279 »	» 1884 г. . .	117 »
» 1879 г. . .	106 »	» 1885 г. . .	17 »
» 1880 г. . .	132 »	Итого . .	1376 челов.

Выше приведено общее число стачечниковъ за весь періодъ — 223,659. Акты насилія произведены изъ нихъ лишь $0,_6\%$. —Мы видѣли, что до 1880 г. въ среднемъ на 1 годъ приходилось 36 стачекъ, осужденныхъ за насилія за тотъ же періодъ было — 712, или въ среднемъ въ годъ 142, т. е. таковыхъ на каждую стачку въ среднемъ приходилось 4 человѣка. Въ періодъ 1880—1885—въ среднемъ 117 стачекъ въ годъ, всѣхъ осужденныхъ 664, или въ 1 годъ въ среднемъ — 111, или въ среднемъ на каждую стачку по 1. Выходитъ, что легальность поведенія стачечниковъ во второе шестилѣтіе даннаго періода учетверилась.—Замѣчаніе это не лишено интереса, ибо оно сближаетъ въ указанномъ отношеніи французскія стачки съ послѣдними германскими и лондонскими, давшими изумительные образцы выдержки и дисциплины.

Н. Кршвъ.

Къ вопросу о разводѣ въ практикѣ волостнаго суда (письмо въ редакцію). Въ октябрьской книжкѣ «Юридическаго Вѣстника» была помѣщена замѣтка г. И. Рева (стр. 334), подъ заглавіемъ «Курьезъ волостнаго суда», въ которой приводится случай фактическаго развода супружеской четы волостнымъ судомъ.

Относя описанный случай къ курьезамъ, г. Рева впалъ въ очевидное недоразумѣніе, такъ какъ мнимый курьезъ этотъ основанъ на точномъ смыслѣ 1 ст. приложенія къ 242 ст. (прим.) устава о пред. и пресѣч. прест., изд. 1876 г., въ силу которой просьбы женъ лицъ, ссылаемыхъ по приговорамъ общества или административнымъ порядкомъ, о разрѣшеніи не слѣдовать за мужьями, по причинѣ жестокаго обращенія или развратнаго поведенія послѣднихъ, приносятся лицами сельскаго состоянія въ волостные суды. Единственная неправильность, которую можно подозрѣвать въ случаѣ, описанномъ г. Рева, заключается въ непредставленіи приговора на утвержденіе губернатора.

Г. Ф. К.

Поправка: Въ статьѣ П. Н. Обнинскаго «Фактъ и право въ вопросѣ о разлученіи супруговъ по дѣйствующему у насъ законодательству» («Юрид. Вѣстн.», 1889, № 10) вкрались слѣдующія опечатки:

1) На стр. 225 во 2-й строкѣ напечатано «измѣнницу»—слѣдуетъ: *изгнанницу.*

2) На стр. 234 въ 4-й строкѣ напечатано «кабакъ»—слѣдуетъ: *кабала.*

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1890 ГОДУ

ЖУРНАЛА ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки. . . .	8 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ.	8 р. 50 к.
съ пересылкой въ другіе города. . . .	9 р.
за границей.	12 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената**, платятъ за журналъ и за рѣшенія: съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города. 13 р. 50 к.

Рѣшенія кас. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 р., съ касс. рѣш. 8 р., и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны сумма. **Гг. дѣйствительные члены Спб. юридическаго общества** *пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну, т. е. 4 р. 50 к., а съ касс. рѣш. 9 р. 50 к. То же право предоставляется студентамъ университетовъ и кандидатамъ на судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.*

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права", С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38

Подписка принимается: въ Москвѣ: у *Анисимова*, на Никольской улицѣ,

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1886, 1887 и 1888 г.г. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала по 2 р. съ пересылкою.

Редакторъ **В. Володиміровъ.**

(По отдѣлу гражд. права) **А. Х. Гольмстенъ.**

Содержаніе восьмой книги:

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„СУДЕБНУЮ ГАЗЕТУ"

НА 1890 ГОДЪ.

«Судебная Газета» будетъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, давать на своихъ страницахъ критическое обсужденіе законовъ, какъ дѣйствующихъ уже, такъ и вновь публикуемыхъ, при чемъ для болѣе яркаго освѣщенія достоинствъ и недостатковъ отечественнаго права—матеріальнаго и процессуальнаго—будетъ держаться сравнительнаго метода изложенія, приводя постановленія передовыхъ иностранныхъ законодательствъ. Памятуя ближайшія задачи спеціальнаго органа, газета наша будетъ охотно отводить у себя мѣсто разнымъ юридическимъ замѣткамъ и вопросамъ, имѣющимъ цѣлью выясненіе темныхъ сторонъ права, чѣмъ значительно облегчится положеніе провинціальныхъ практиковъ, которые, какъ можно судить изъ поступающихъ къ намъ заявленій, особенно часто нуждаются въ совѣтѣ и обмѣнѣ мыслей.

(Просимъ обратить особенное вниманіе на слѣдующее):

Въ каждомъ № «Судебной Газеты» подписчики получаютъ за недѣлю раньше списокъ всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію по всемъ Департаментамъ Правительствующаго Сената и Общаго Собранія и, тотчасъ по опубликованіи, всѣ свѣдѣнія объ узаконеніяхъ и о лицахъ, признанныхъ со стороны судовъ по всей Россіи несостоятельными, то есть пользуются такимъ матеріаломъ, который, въ отдѣльности взятый, стоитъ въ 3—4 раза дороже самаго изданія «Судебной Газеты».

Сообщеніе справокъ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ и другихъ Департаментовъ Сената производится въ почтовомъ ящикѣ редакціи только для годовыхъ подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ всю сумму сполна, притомъ не болѣе 3—4 въ годъ.

Подписчикамъ въ разсрочку и на сроки справки сообщаются на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

Желающіе получить справку по почтѣ, не дожидаясь выхода № газеты, прилагаютъ 2 руб. за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получить ее по телеграфу прилагаютъ еще и стоимость телеграммы.

Юридическая консультація: разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ, сообщеніе совѣтовъ, указаній и т. п. производится или въ отдѣлѣ «Отвѣты редакціи» или письменно по почтѣ, въ обоихъ случаяхъ на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЦѢНА: на годъ **7** руб.; на 6 мѣсяцевъ **4** руб. **50** коп.; на 3 мѣсяца **3** руб. и на 1 мѣсяцъ **1** руб. За границу **10** руб. въ годъ.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Заграницу подписка въ разсрочку не принимается.

Разсрочка въ платежѣ годовой подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 4 рубля и остальные 3 рубля не позже 20-го іюня.

При просрочкѣ втораго взноса высылка газеты съ 1-го іюля прекращается.

Для пользованія разсрочкою необходимо при присылкѣ перваго взноса заявлять о своемъ желаніи пользоваться разсрочкою; одна-же простая присылка 4 рублей или присылка ихъ съ объясненіемъ, что они высылаются за первую половину года, повлечетъ за собою зачисленіе такого подписчика въ разрядъ четырехмѣсячныхъ.

Иногородные адресуются *исключительно* въ главную контору редакціи: С.-Петербургъ, Моховая улица, № 38; городскіе—въ отдѣленіе конторы: С.-Петербургъ, въ книжномъ магазинѣ юридической литературы **Д. В. Чичинадзе,** Невскій проспектъ, д. № 57.

За подписку въ другихъ мѣстахъ редакція не отвѣчаетъ.

Редакторъ-Издатель **Ф. В. Де-Веки.**

